

Православие на Беларуси

Священник Алексей Хотеев

1. Христианская миссия у славян

Настоящей публикацией мы начинаем новую постоянную рубрику в нашей газете. Рассказ об исторических судьбах Православия на Беларуси нужен не только по причине недостаточности методического материала по этой важной теме. Значение Православной Церкви в развитии белорусской культуры невозможно переоценить. Духовная жизнь народа определяет его материальное состояние. Кто понимает глубину своих духовных корней, тот пребывает непоколебимым под напором различных модных учений нашего смутного века.

Принятию христианской веры предшествует проповедь миссионера. Церковная миссия бывает внутренняя, направленная на утверждение веры, и внешняя — для ее распространения. Служение проповедника предполагает соответствующие дарования и законное послание духовной властью (лат. *missio* означает «посланничество»). Господь Иисус Христос непосредственно послал на дело благовестия апостолов, те же, в свою очередь, доверили это служение достойным преемникам. Так Церковь Христова распространяется среди народов: словом и примером жизни ее проповедников, исполненных благодатными явлениями знамений и чудес.

Нередко распространение веры в научно-популярной литературе именуется «христианизацией». Смысл этого термина не совсем ясен. В советские годы под «христианизацией» подразумевали насильственное обращение «низов». В настоящее время можно встретиться с таким мнением, что «миссия» — это пропаганда веры среди язычников, а «христианизация» — это закрепление веры у тех, кто уже формально принял христианство. Не совсем понятно, на чем держится «научность» такого словоупотребления. Получается, если человек принимает Христа, то он «христианизируется», но как назвать, когда кто-нибудь принимает учение Будды или Магомета? (Придумать соответствующий термин — это весьма насущная задача для современной науки.) Думается, что наиболее подходящим названием для подобных религиозных явлений будет слово «обращение» (ср. англ. *conversion*), поскольку всякая перемена веры сопровождается изменением образа жизни.

Вера христианская распространяется по тем же путям, что двигаются ее миссионеры. В давние времена путешествовать предпочитали по воде более чем по суше. Ведь прокладывать дорогу какому-нибудь торговому каравану через леса и болота, в опасности от туземцев и диких зверей, гораздо труднее, чем плыть по реке. Не случайно большинство

средневековых городов Европы располагались по берегам рек и морей. Поэтому миссионеры появляются сначала там, где находятся княжеские резиденции, и торговые интересы собирают все окрестное население, занимающееся, как правило, охотой. Впоследствии земельная колонизация крестьянскими руками проложила большинство сухопутных дорог.

На Западе много потрудились в деле проповеди язычникам ирландские монахи. Их миссионерская традиция восходит к первому проповеднику — британцу Патрику. В 16 лет его захватили скотты и увезли на остров как пленника. После своего освобождения Патрик вновь появляется в Ирландии, но уже в другом качестве. В 432 г. он становится епископом-миссионером. В VI в., начиная с Колумбана — первого ирландского проповедника на материке, преемники Патрика уже странствуют по соседним землям, совершая «паломничество ради Христа». В северной Галлии, на юго-востоке Германии они основывают свои монастыри. Римские папы замечают успехи этой монашеской миссии в Европе и вменяют благовестнические функции в обязанности епископов. Движение на «варварский» Восток становится главным направлением латинских миссионеров. Много трудов было положено на обращение саксов. Немало совершалось и насилия над этим народом. Постепенно латинские проповедники приблизились к землям западных славян. В 968 г. главным центром «славянской» миссии стала епископская кафедра в Магдебурге.

Распространение христианской веры происходило также из Византии. После окончательного преодоления иконоборческого кризиса в 842 г. греческая Церковь окрепла внутренне, и это положило начало успеху проповеди вовне, особенно в славянских землях. В 863 г. вместе с изобретением азбуки начинается просветительская миссия свв. Мефодия и Кирилла среди славян. Святые братья были посланы Византийским императором Михаилом III к правителю Великой Моравии Ростиславу, т. к. князь сам пожелал принять греческих проповедников. В состав Великой Моравии тогда входили более мелкие княжества: Чешское, Моравское, Паннонское, Словацкое и Лужицкое. В 865 г. намерение крестить свой народ выказал болгарский царь Борис. Восточные обряды и греческое богослужение на родном языке вызвали у славян больше симпатии, чем латинская Библия и церковные подати проповедников из немецкого Магдебурга. Римский папа Адриан II решил поддержать своим авторитетом успехи славянской миссии святых братьев Мефодия и Кирилла и таким образом расположить их паству к Римской Церкви (неприятные отношения между Римом и Константинополем в то время уже явно обнаружались). В 870 г. он рукоположил св. Мефодия в епископский сан. Однако мирной проповеди христианской веры в славянской среде не суждено было продолжаться. Войны с усиливающейся Германией привели к распаду Великой Моравии. Немецкие проповедники вместе с

национальными обычаями покоренных племен уничтожали и славянское богослужение. Ученики свв. Мефодия и Кирилла были вынуждены бежать на восток — в Болгарию или на север — в Венгрию и Польшу.

Напрасно иногда говорят, будто еще не было ни Православной Церкви, ни Католической до Великого раскола 1054 г. Христианские проповедники с запада и востока встретились на славянских землях в IX в. Тогда открылись глубокие различия двух миссий. Латинские миссионеры везде изгоняли славянский обряд, по их проискам св. Мефодий был даже посажен в тюрьму. Очевидно, они не считали, что делают с греками общее дело. Миссия с востока подчиняла славян культурному влиянию Византии, но их земли не входили в территорию империи. Вслед за проповедниками не шли греческие администраторы и сборщики налогов. Служба на родном языке становилась подлинным просвещением для ума и сердца, почему славянский обряд распространялся гораздо быстрее латинского и был более плодотворным. Национальное богослужение открывало дорогу достойным местным представителям к священному сану, в то время как латинская миссия ее перекрывала. По этим и многим другим причинам греческая миссия среди славян подготовила в будущем образование на их землях нескольких национальных Церквей. Можно сказать, что еще прежде официального разделения Восточной Церкви и Западной различие их миссионерских принципов становилось таким же ощутимым, как разница в вероучении и обрядах.

Несколько в стороне от разворачивающихся событий жили русские славяне. Через их земли проходила важная водная артерия: торговый путь «из варяг в греки» по Днепру. Города Новгород, Смоленск и Киев своим происхождением были обязаны общим торговым интересам: здесь славяне во главе со своими старейшинами вели торг с варягами, которые славились не только разбойничьими набегами, но и купеческой предприимчивостью. Инициативные норманны ускорили процесс сложения русской государственности. В 907 г. под руководством Олега Вещего происходит набег на Константинополь. Мирный договор между русскими и греками показывает, что под властью Олега уже находятся Киев, Чернигов, Переяславль. Полоцк, Любеч и другие города. Хотя внешне тогда был просто разбойничий рейд с целью выкупа и грабежа, но государственные интересы просматриваются в позднейшем договоре Олега (911 г.), обеспечивающем вместо войны выгодную мирную торговлю.

К главному торговому пути по Днепру примыкали также торговые нити по его притокам. Припять, где был основан Туров, служила водным путем в Польшу. Березина со Свислочью, где находится Минск, и Двина, где торговым центром был Полоцк, связывали славян с литовцами. Особенно ценился собиравшийся на побережье Балтийского моря янтарь. Вообще

русские реки были оживленными транспортными путями, летом по ним плыли на лодках, а зимой путешествовали на санях.

Варяжские купцы были хорошо знакомы с Православием, некоторые из них даже принимали крещение в Константинополе. «Многие же варяги были христианами», — замечает киевский летописец. Будучи одновременно ратными людьми, они иногда оставались на русских землях служить в княжеской дружине. При них могли находиться даже христианские священники. Так русские славяне, участвуя вместе со скандинавами в военных и торговых предприятиях, познакомились с «греческой» верой.

Однако варяги были весьма посредственными миссионерами. Они не старались о просвещении своих славянских братьев. Тем более, что на своей родине, в Скандинавии, викингам был больше по вкусу воинствующий Тор, чем смиренный Христос. Но их любовь к путешествиям и знакомство с разными странами, воспетые в сагах, нередко поставляли их выше языческих предрассудков. Одна из таких саг повествует об исландском конунге Торвальде, который привлек ко крещению свой народ, а затем совершил поездку в Рим и Константинополь. На обратном пути через славянские земли он умер возле Полоцка и был похоронен у церкви св. Иоанна Предтечи. Значит, в Полоцке еще при норманнах был христианский храм. Это весьма любопытное свидетельство говорит не только о дальности плаваний варяжских конунгов (они углублялись в материк так далеко, что могли появляться даже на Каспийском море), но и о широком знакомстве русских с христианской верой.

Уже в договоре князя Игоря с византийцами в 944 г. ясно проводится разделение на крещеную и некрещеную Русь. Упоминается также соборная церковь св. Илии в Киеве. Св. княгиня Ольга принимает крещение в самом сердце Православия. Она пользуется услугами христианского духовного наставника Григория и старается воспитать веру в своем сыне и внуках. В дружине Святослава нашли свое место и христианские воины. Походы этого воинственного русского князя в уже крещеную Болгарию скрепили культурные связи двух стран. Так постепенно приготавлилось Крещение Руси при св. Владимире в 988 г.

Когда совершалось крещение новгородцев, в летопись вошла поговорка: «Путята крести мечом, а Добрыня огнем». Эти слова продолжают повторять и по сей день, мол, Русь была крещена насильно своими правителями. Но много ли свидетельств насилия? Митр. Иларион в слове «о законе и благодати» говорит: «Если кто и не любовью, но страхом приходил креститься, потому что благоверие Владимира со властью было сопряжено». Да, князя боялись, но его и уважали, его примеру следовали. Христианская миссия с востока не знала насильственных «крещальных» экспедиций. Люди принимали крещение вслед за своим вождем. Так было в соседних странах: в

Чехии в к. IX в. при князе Борживое и Польше, когда князь Мешко женился на чешской княжне Домбровке в 966г.

Государство строится на принципе господства и подчинения. Власть можно держать вооруженной рукой, но как только она ослабевает, государство распадется. Только народное единство страны сохраняет ее при смене сильного правителя. Такое единство скрепляется общими для всех духовными законами. Язычество разделяет людей, а христианская вера их объединяет. Контакты с Византией располагали славян к культурному заимствованию, но для этого им самим надо было возвыситься, стать христианами. Именно знакомство с характером восточной миссии подготовило сознательный выбор Руси в пользу Православия.

«Воскресение», № 5 (46), 2003 г.

2. Что нужно знать о 992 годе

Уже более тысячи лет назад произошло образование государственного и духовно-нравственного строя древнерусских земель и народов, их населявших. Но и сейчас достоин внимания тот факт, что завершающая стадия формирования Киевской Руси, ее государственное устройство, ознаменовалась принятием веры христианской. В своей «Похвале» князю Владимиру митр. Иларион (сер. XI в.) прославляет его за крещение народа и восклицает: «Он правил не малой и не известной страной, а всей Русской землей, которая теперь известна и услышана повсюду». Принятие христианской веры ввело Древнюю Русь в семью цивилизованных народов.

Как известно, официальная дата Крещения Руси устанавливается по времени крещения киевлян в 988 г. С какого же момента можно отсчитывать преобладающее влияние христианской веры в землях Западной Руси, на территории современной Беларуси?

К сожалению, прямых исторических свидетельств тех времен сохранилось очень мало, поэтому наша любознательность может быть удовлетворена пока только догадками и предположениями исследователей. Внимание историка останавливается прежде всего на Полоцке и Турове как на наиболее развитых государственных центрах. Святой Владимир, креститель Руси, представляется в древних летописях человеком ревностным к утверждению христианской веры в своей стране, поэтому такие значительные уделы, как полоцкая и туровская земли, не могли остаться без его попечения. Известно, что в 992 г. князь Владимир разослал сыновей в разные области своего обширного государства, чтобы они были его наместниками в удельных центрах. Таким образом, Изяславу был отдан Полоцк, а Святополку — Туров.

Одним из мотивов разделения государства на уделы при святом Владимире следует признать его заботу о христианской миссии. В некоторых списках начальной летописи читаем, что в 992 г. второй митрополит Киевский Леонтий поставил епископов для Новгорода, Чернигова, Ростова, Владимира Волынского, Белгорода и других городов. Следовательно, святой князь хотел, чтобы его сыновья, которые были уже крещены, также, как и он сам, способствовали распространению Веры Христовой, для чего попечению каждого из них вверен был епископ. Хотя мы и не находим в летописи упоминания о епископах для Полоцка и Турова под 992 г., но, учитывая вышесказанное, должны со всей вероятностью полагать открытие Полоцкой и Туровской епархий в этом году. Во всяком случае, учреждение этих епископских кафедр нужно относить ко времени княжения святого Владимира.

Очень важно упомянуть также еще один город, с которым связано распространение

христианской веры. Это, построенный князем Владимиром для Рогнеды и их сына, Изяславль. Поскольку Полоцк был razорен войсками Владимира ок. 980 г. во время междоусобицы, то местопребывание Рогнеды и Изяслава с 985 г. было именно здесь. В этом городе княгиня Рогнеда приняла монашеский постриг с именем Анастасии в основанном ею Зиминском женском монастыре. Здесь воспитанный ею князь Изяслав своим добрым христианским примером тронул сердца современников. «Бысть же сей князь тих, и кроток, и смирен, и милостив, и любя зело и почитая священнический чин и иноческий, и прилежаша прочитанию божественных писаний, и отвращая суетных глумлений, и слезен, и умилен, и долготерпелив», — сообщает о нраве Изяслава летопись.

Для верующего человека крещение его страны — веха не просто историческая, а провиденциальная. Христианская вера исторична, она утверждает активность Бога во времени, Его Промышление о мире, Его связь с конкретными событиями и лицами, в отличие, например, от платонизма, который не придает большого значения истории, считая ее циклическим повторением во времени равноценных событий. Приходит «исполнение времен» и Господь призывает: «Иди и следуй за Мною», и вот народ, который услышал этот зов, начинает свой крестный путь, наполненный трудом, терпением скорбей. Но это путь во свете, т.е. исполненный высокого смысла, ясный в своей конечной цели: спасися сам и вокруг тебя спасутся тысячи. Вот как поэтично выразил духовное значение Крещения Руси свт. Кирилл Туровский: «Ныне зима... языческого кумирслужения апостольским учением и Христовой верою прекратилась... — Ныне весна красуется... — вера Христова, которая крещением пронизывает человеческое естество».

3. Христианские законы в гражданском быту

Осенью прошлого 2002 года в Беларуси был принят закон о свободе совести и религиозных организациях. В преамбуле этого закона говорится, что государство будет строить свои отношения с религиозными организациями с учетом их влияния в истории страны. Православие названо здесь одной из «культурообразующих» религий белорусского народа. Но что понимается под вкладом Церкви в формирование культуры? Только ли это храмы, духовная письменность и иконография? История свидетельствует, что влияние Церкви выразилось не только в предметах материальной и духовной культуры восточных славян, но уже при самом образовании древнерусского государства оно сказалось в формировании гражданского строя.

Христианская Церковь явилась в Киевской Руси со своими внутренними законами, сложившейся организацией и наследием высоко развитой византийской культуры. У Церкви были как собственные своды обязательных правил-канонов, так и сборники государственных законов, не имеющие для нее обязательного значения, но освященные силой обычая, т.к. они употреблялись в Византийской империи. Православная вера проникла во все слои общества и, действуя на сознание своих последователей, привнесла нравственные законы в гражданский быт. Политическому мышлению русских князей прививалось правило подчинения младшего старшему, идеал свв. страстотерпцев Бориса и Глеба, которые не пожелали с оружием в руках противостоять своему брату Святополку, всегда высоко ценился в Киевской Руси. Гражданское правосознание знакомилось с неведомыми дотоле нормами судебной ответственности: например, Древняя Русь не знала такого повода к судебному иску, как брань, публичное оскорбление. В обществе образовался новый союз - церковные люди. Сюда относились собственно духовенство монашествующее (черное) и семейное (белое), церковнослужители, обслуживающие церковные учреждения, как то храмы и богадельни (поскольку богадельни имели вид больниц-интернатов, то к церковным людям относились и врачи, т.н. «лекари»), изгои — все лица, не имеющие определенного социального статуса: разорившиеся торговцы, князья, лишившиеся наследия, неграмотные поповские дети и др. Точно

также подлежали церковной опеке люди, которых ранее оставили бы на произвол судьбы, — нищие, калеки, больные и одинокие старики. Все они были изъяты из подчинения князю и судились в Церкви по своему закону и по церковным обычаям, которые становились примером для всего общества. Особенно это отразилось на положении рабов, т.н. «холопов».

В языческой Руси рабство было состоянием совершенно бесправным и безвыходным. Раб принадлежал своему господину, им обеспечивался и им защищался от посягательства со стороны других вольных людей. Если же его господин отпускал на свободу, то он становился изгоем, лишенным покровительства. Церковь принесла в общество равенство всех перед Богом, Который есть Единый Господин и Судия. Во Христе нет уже ни раба, ни свободного, но кто крестился в состоянии раба, тот стал свободным в совести своей, кто крестился, будучи господином, тот стал рабом Христовым (Гал. 3,28; 1 Кор. 7,22). Церковь стала учить, согласно византийской практике, отпускать умирающему господину своих рабов на свободу, чтобы они по смерти поминали его за это доброе дело. В церковных имениях, которые жертвовали князья и бояре, все холопы становились лично свободными, но прикрепленными к земле крестьянами (не отсюда ли, от желания показать равенство крещеных холопов с их крещеными же господами, утвердилось за простыми земледельцами наименование «крестьян», т.е. христиан, с которыми господа и обращаться должны по-христиански). Получившие свободу холопы могли наниматься на работу к землевладельцам, оставаясь при этом свободными рассчитаться и уйти от хозяина.

Особенное влияние оказала Церковь на семейные отношения. Христианская вера учит о святости брака и семейного союза. Чтобы прекратить языческие обычаи умыкания, т.е. кражи невесты у родителей, священникам вменялось в обязанность венчать создающиеся семьи, даже если в них уже есть дети. Князья предавали на епископский суд вопросы, связанные с нравственными поступками, куда стали относиться и дела семейные. Так мужьям запрещалось изгонять своих жен, чинить им и детям разные жестокости. Одновременно с этим женщине усваивалось право собственности: например, если муж был уличен в тяжком уголовном или государственном преступлении, его имущество уже не переходило всецело родственникам потерпевшего или в казну, но часть оставалась его жене и детям.

Поскольку представители Церкви, ее пастыри, выполняли функции учителей христианской веры и нравственности, то им княжеский суд усвоил рассмотрение целого ряда дел, не имеющих уголовного характера и касающихся нравственного образа жизни христиан. Сюда относились дела, связанные с нарушениями заповедей о почитании Бога: колдовство, кощунство, святотатство, исполнение языческих обрядов и др. Эти проступки судились исключительно епископским судом. Греховные деяния,

которыми наносился нравственный и физический вред другим людям, например, драки, оскорбления, умыкание девиц, изнасилования, нарушения супружеской верности разбирались княжеским судьей с участием судьи церковного. Наконец, все дела, связанные с людьми церковными, т.е. священниками и монахами, церковными служителями и крестьянами, калеками и изгоями и другими, непосредственно находящимися под церковной опекой, кроме тяжких уголовных преступлений, судились одним епископским судом. Не будем забывать также о грехах, открываемых на исповеди, входящих в компетенцию священника-духовника, которые исправлялись его пастырским советом, - злоба, гнев, клевета, обман, зависть и проч. - в Церкви врачевались эти внутренние двигатели всех гражданских и семейных беспорядков. Проникая таким образом в разные сферы общественной жизни, Церковь очищала их от грубых языческих обычаев, воспитывала лучшие нравы и насаждала лучшие порядки.

Нет ничего удивительного в том, что нравственное влияние духовенства сказывалось и в государственных делах. Княжеские усобицы разделяли Русскую землю, но Церковь была едина и власть митрополита скрепляла единство страны. «Мы поставлены в Русской земле от Бога удерживать вас от кровопролития», — говорил митр. Никифор II киевскому князю Рюрику Ростиславичу в 1195 г. Епископы ходатайствовали перед князьями во время их стычек за жизни и имущество людей, осажденных в своих городах, служили посредниками в мирных переговорах. В Полоцке, например, епископ принимал участие в вечевых собраниях, судебных разбирательствах, выступал представителем всего княжества в заключении договоров с католическим Рижским архиепископом (в XIII в.), был одним духовным отцом для всех удельных правителей княжеского дома. В церквях хранились грамоты и привилеи князей, само название писемоводителей на Руси - «дьяки» - говорит о церковной их принадлежности. Влияние Православной Церкви при самом становлении государственного строя в землях-княжениях Киевской Руси шло не только на культурном, но и на цивилизационном уровне, и жизнь церковную невозможно было отделить от всех сфер жизни общественной.

«Воскресение», № 8 (49), 2003 г.

4. Книжность и просвещение

Христианскую веру можно считать религией слова по преимуществу. Не только потому, что Христос, Сын Божий, именуется в Евангелии от Иоанна «Словом» (Ин. 1,1). Само распространение Христианской Церкви

связано со словом проповеди, книжностью, просвещением. Вместе со священником, совершителем богослужения, появляется и ученый книжник, творец и переписчик духовной литературы. «Великая бывает польза от чтения, - говорит первый русский летописец, - книги учат нас покаянию, ими приобретаем мудрость и воздержание, книги суть реки, питающие всю вселенную, они — источники мудрости, в книгах неизмерима глубина, ими мы утешаемся в печали».

Самыми первыми и важными книгами для просвещения являются книги Священного Писания. Переведенные на славянский язык первоучителями славянскими свв. Мефодием и Кириллом и их учениками в IX в., все они были известны в Древней Руси, за исключением книг Маккавейских Ветхого Завета. От тех времен сохранилось Евангелие, переписанное в Новгороде диаконом Григорием для посадника Остромира в 1056-1057 гг. Выдающийся славист Федор Буслаев в сер. XIX в. делал по этому памятнику заключение о влиянии христианской веры на славянский язык. Можно упомянуть также о **Туровском Евангелии XI в.**, отрывок которого (часть Евангелия от Иоанна) с автографами знаменитого защитника Православия в Западной Руси XVI в. князя Константина Острожского, был открыт виленским художником Василием Грязновым. Книги Священного Писания, хоть и доступные славянам на их родном языке, нуждались в объяснении, поскольку писались они в разное время и содержат как исторические сведения о жизни древних народов, так и образные выражения в форме притч, подобий, видений и проч. Из библейских толкований примечательно сочинение болгарского священника Иоанна «Шестоднев», в котором обстоятельно описываются шесть дней творения с объяснением некоторых природных явлений. Можно сказать, что это была своеобразная энциклопедия естествознания. Кроме того, к услугам русских книжников были переведенные с греческого языка Палеи (библейская история Ветхого Завета) и хронографы по древней истории Греции и Рима.

Еще одним разрядом книг, имеющих важное значение для правильной организации христианской жизни, являются книги богослужебные. Напрестольное Евангелие, Апостол, Псалтирь, Часослов, Октоих, Минеи, Служебник, Требник, Устав (Типикон) были необходимы каждому храму. Если вспомнить, что в древнерусских городах были не только соборы, приходские церкви и монастыри, но и многочисленные домовые храмы (немецкий хронист Титмар насчитывает 400 церквей в Киеве уже при св. Владимире), то будет понятна насущность вопроса об умножении числа богослужебных книг.

Из других видов церковной литературы ходили в обращении различные сборники поучений святых Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Григория Богослова, Иоанна Лествичника и иных отцов Церкви. «Изборники» князя Святослава 1073 и 1076 гг. включали в себя статьи не

только церковного, но и светского содержания. Здесь находились сведения по географии и этнографии, о причинах природных явлений, таких как гром, дождь, молния и проч., не чуждые, правда, некоторых суеверных представлений например, о таинственной силе двенадцати камней-самоцветов. Была в этих сборниках также статья о правилах построения и оборотах речи, первая русская риторика. Уже в те времена любили читать рассказы о святых, содержащиеся в Патериках и Четьих-Минейх (в последних повествования помещены в календарном порядке по числам месяца). Фрагмент одной из древнейших славянских Четьих-Миней XI в. (за март месяц) был обнаружен в 1825 г. священником Михаилом Бобровским в Супрасльском монастыре под Белостоком. Во многих больших городах, где были княжеские резиденции и епископские кафедры, велось летописание как продолжение начальной летописи, приписываемой прп. Нестору. Известна также статья по хронологии - как считать месяцы и годы, определять день Пасхи при помощи годичного круга солнца и луны. Переводная и своя оригинальная письменность, сборники библейских изречений и афоризмов греческих философов и поэтов (т.н. «Пчелы»), описания путешествий по Святой Земле Палестины, наконец, два замечательных литературных произведения - догматическое сочинение «Слово о законе и благодати» митр. Илариона и поэтическое «Слово о полку Игореве» — о каждом памятнике можно много говорить особо. Все эти труды появились благодаря просвещению Древней Руси Святым Крещением.

Чтобы была письменность, нужна грамотность, необходимо образование. Князь Владимир, по сообщению начальной летописи, повелел отдавать «на учение книжное» боярских детей. Дети по особенной мягкости своего характера и доверчивости более взрослых способны к усвоению грамматики. Нужно иметь в виду и то еще рассуждение, что детям легче овладеть истинами христианского учения, чем их отцам, одержимым языческими предрассудками. Так, в житии св. Леонтия Ростовского находим, что он собирал и учил Закону Божию детей, не имея успеха в прямом воздействии словом проповеди на взрослых.

Великие киевские князья Владимир и Ярослав заботились об умножении книг, собирали вокруг себя переписчиков, переводчиков и им поручали дело преподавания грамоты. Мы не находим в Древней Руси казенных школ или училищ, но встречаем в летописях упоминания об учителях, т.н. «мастерах». И у греков, и у западноевропейских, германских, народов все школы были частные. Высшее образование заключалось в преподавании богословия, классической философии и риторики, а низшее, которое чаще всего давали приходские священники и монахи, состояло из обучения грамоте и Закону Божию. Сохранившиеся памятники древнерусской письменности убеждают нас в том, что главной целью насаждения образования в Киевской Руси было религиозное просвещение

народа. «Книжное учение» не имело тогда цели в себе самом, но служило целям христианской проповеди. Мастера учебного дела учили главным образом, как читать, переписывать и переводить. Высшее образование на Руси заключалось в овладении греческим языком и образцом речи, высшим навыком - умение подражать, а предметами обучения были христианская вера и знание.

Надо сказать, что такая постановка учебного дела явила довольно высокие примеры образованности. **Св. Кирилл Туровский** (XII в.) был одним из самых красноречивых проповедников в Древней Руси, русским Златоустом. Сын богатых родителей, он пожертвовал мирской карьерой для жизни иноческой. В подражание св. Симеону Столпнику сам подвизался на столпе (башне). За свою благочестивую жизнь был избран жителями города на епископскую кафедру. Свт. Кирилл писал, а затем произносил с амвона поучения на праздничные воскресные дни, составил покаянный канон и молитвы на каждый день недели. Его речь изобилует поэтическими образами и сравнениями, достойными звучания в устах лучшего оратора просвещенной эпохи. **Прп. Авраамий Смоленский** (кон. XII в.) был также выдающимся проповедником, но несколько в другом отношении, чем св. Кирилл. Его проповеди на Евангельские темы отличались простотой нравственного приложения и были более популярны у горожан, чем нарочито-учительные речи других священников Смоленска. Известен он также как духовный писатель и иконописец. Его ученик Ефрем составил в назидание житие прп. Авраамия.

Не менее духовенства ревностны были к «учению книжному» и князья. Владимир Мономах сообщает о том, что его отец Всеволод Ярославич говорил на пяти языках. Князь Ярослав Мудрый собирал переписчиков, сам делал переводы с греческого и положил начало библиотеке при храме св. Софии в Киеве. Известна также ревность к делу просвещения **прп. Евфросинии Полоцкой**, которая переписывала книги своими руками, а выручку от их продажи раздавала бедным. Она основала женский монастырь и храм в честь Преображения Господня в имении Сельцо, выписывала из Византии святые иконы и мощи. По ее заказу был сделан мастером Лазарем Богшей драгоценный шестиконечный византийский крест. В особенности на примере прп. Евфросинии Полоцкой видно, что просвещение в Древней Руси было формой христианской проповеди.

«Воскресение», № 9 (50), 2003 г.

5. Отражение неба на земле

«Когда мы пришли к грекам, — говорят на страницах древнерусской летописи послы князя Владимира, — и привели они нас туда, где служат Богу

своему, то не понимали мы, на небе ли мы стояли или на земле, потому что нет на земле такой красоты, не знаем, что и сказать, только то знаем, что Бог там с людьми пребывает». Вот безыскусное описание того глубокого чувства, которое рождается в душе человека под впечатлением торжественности православного богослужения. Это не удивление от внешней пышности храмового убранства. Но ощущение надмирной, непостижимой для разума гармонии, которая побуждает вторить и откликаться на величественное и вместе с тем таинственное священнодействие. Христианские церкви являются отражением Небесного жилища, затвердевшего в видимых земных формах. По этой причине православное благочестие всегда отличалось усердием в деле храмостроительства. По количеству церквей можно судить не только о численности христианских общин, но и об их ревности к богослужению.

Уже с самого начала Русской Церкви храмы строятся во всех городах на месте языческих капищ, где прежде стояли идолы. Так, князь Владимир приказал воздвигнуть церковь в честь св. Василия на месте свергнутого в Днепр идола Перуна. Другой храм, построенный при нем в Киеве, был не менее примечателен. Его освятили в честь Успения Пресвятой Богородицы в 996 г. Одной особенностью было то, что это один из первых на Руси каменных храмов, а второй, что на содержание служащих в нем церковнослужителей (причта) князь дал десятину своих доходов, что послужило началом доброй традиции. В память об этом и сама церковь получила название Десятинной. Поскольку здесь совершал службы сам русский митрополит, то можно полагать, что княжеская десятина шла и на его содержание.

Место для построения будущего храма выбиралось всегда самое видное, находящееся на холме, или отмеченное каким-нибудь особым событием. Например, церкви в честь первых русских святых Бориса и Глеба были поставлены на месте их убиения от слуг Святополка. Нередко местом для построения храма была торговая площадь, которая служила также центром для вечевого сходки горожан. Эта сходка была древней формой народоправления, решавшего вопросы выбора того или иного князя, начала войны или заключения мира. Самые церковные колокола нередко созывали вечевое собрание, и пришедший люд с уважением слушал первое слово епископское.

Храмы строились каменные и деревянные. Строительство первых было для русских делом новым, поэтому они учились этому у мастеров греческих. Греческие же мастера приглашались из Константинополя или крымских городов, например, Херсонеса. Каменные церкви, конечно, были в равной степени прочны и величественны, но вместе с тем дорогими и трудоемкими в строительстве. Поэтому их возведение было преимущественно делом княжеским, и украшали эти храмы самые большие города, служившие

центрами удельных княжеств, такие как Киев, Новгород, Переяславль, Смоленск, Полоцк. И в этом деле князья показали большое усердие. В одном Киеве в домонгольский период было более 20 каменных церквей. В Новгороде — до 27. В Полоцке согласно письменным свидетельствам — 3. Но самое большое число было церквей деревянных. Здесь русские мастера показали, несомненно, все свое искусство. Заимствуя основные формы от церквей каменных, возводимых их учителями-греками, русские делали из дерева самые сложные конструкции. Например, храмы имели не только простую прямоугольную форму как обычные дома, но строились и в форме многоугольника, близкого к окружности. Стены могли делать из бревен, помещая их не горизонтально, но устанавливая вертикально. Крыши устраивались не обычные, двускатные, а ломаные, бочкообразные, даже сферические. Чем севернее была местность, тем большим искусством славились ее мастера. Самыми известными были новгородцы. Деревянные церкви строились и в городах, и в селах, и нередко при частных домах состоятельных людей. Западные путешественники XII в. насчитывали их сотнями в одном Киеве.

Главные (соборные) храмы, в которых служили епископы, именовались кафедральными. В Киеве, Новгороде и Полоцке в XI в. с небольшой разницей лет были построены соборные церкви в честь Святой Софии — Премудрости Божией. Под Софией нужно понимать Христа - Спасителя, Который в Священном Писании именуется «Премудростью Божией» (1 Кор. 1,24). Эти храмы постоянно напоминали людям о том умилении, которое испытали в Софии Константинопольской летописные послы князя Владимира.

Церковь Св. Софии в Полоцке не сохранилась в первоначальном виде как православный храм. В сер. XVIII в. она была перестроена и теперь выглядит католическим костелом. Но древние фундаменты по-прежнему свидетельствуют о христианской ревности полоцкого князя Всеслава. Однако не только он оставил такую добрую память. С именем св. Евфросинии Полоцкой (+ после 1156 г.) связано построение двух монастырских каменных храмов. Один из них, в честь Преображения Господня, существует в Полоцке до сих пор. Житие преподобной сохранило нам имя зодчего — «мастер Иоанн».

Однако самым уникальным храмом Беларуси, сохранившимся с древности до наших дней, по праву считается Борисоглебский в г. Гродно (Коложская церковь). Он был построен предположительно в XII в. Расположенный на высоком берегу Немана храм хорошо виден с разных сторон. В его стены вделаны разноцветные камни и керамические кресты, которые в ясный день должны были давать красивые отблески солнечного света. Это напоминало евангельские слова Христа: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме» (Ин. 8,12). Кроме того,

особенностью храма изнутри являются замурованные в стены сосуды-«голосники», у которых видны одни только горлышки. Во время богослужения церковь наполнялась таинственным эхом этих «голосников». К сожалению, этот удивительный храм находится под угрозой осыпания береговых грунтов.

Храмостроительство развивалось и в других городах древней Беларуси: Турове, Минске, Новогрудке, Волковыске. В Витебске в 90-х гг. XX в. была восстановлена древняя Благовещенская церковь XII в.

Православные храмы были средоточием не только духовной жизни. Их колокола предупреждали об опасности и созывали вече. В них сохранялись духовные грамоты (завещания) князей и размещались первые библиотеки. Даже торговые весы хранились между базарными днями все в тех же храмах, потому что некому было доверить такие важные мерилы честности. Значение церквей по-прежнему остается высоким. Быть может, и наш современник перестанет видеть в храмах только «культурные» заведения, но по примеру своих благочестивых предков будет проверять в них свою честь и совесть.

«Воскресение», № 10 (51), 2003 г.

6. Первые православные святыни

Каждому православному человеку дороги воспоминания о начале его веры. Первые опыты молитвы, первые шаги в православном храме, первая исповедь и Святое Причащение. Жизнь представляется исполненной особенных знамений и чудес, которые в свое время не были поняты, но теперь стали явными знаками Промысла Божия. Как давала бабушка или мама нательный крестик, как таинственна была ее тихая вечерняя молитва перед святыми иконами, каким внутренним убеждением дышали ее слова о невидимой заботе нашего святого Ангела-Хранителя. Точно также и в памяти народной запечатляются события, давность которых превышает жизнь отдельного человека, это воспоминания еще юного народа, его первое знакомство со знаками христианского благочестия.

Православный храм является самым выразительным знаком христианской веры. Не удивительно, что именно под его кровом более чем где-либо ощущается особое присутствие Божие. Здесь из глубин человеческой души рождается молитва, и здесь на нее дается ответ. Святые иконы, на которые направляется молитвенный взгляд, нередко становятся как бы свидетелями чуда, совершаемого Богом для спасения человека. По этой причине иконы, перед которыми произошло много чудес, именуются

чудотворными. Сохранилась память о первых чудотворных образах, почитаемых в древней Беларуси.

В 1046 г. состоялся брак черниговского князя Всеволода Ярославича с Анной, родственницей византийского императора Константина Мономаха. Покидая Константинополь, гречанка взяла с собой список чудотворной иконы Божией Матери, по традиции восходящей к письму св. ап. Луки. Этот образ именовался в Греции «Одигитрия» (Путеводительница), поскольку перед ним часто молились моряки, перед совершением своего морского путешествия. Сын Всеволода, блгв. Князь Владимир Мономах, будучи князем Смоленским, перенес икону из Чернигова в кафедральный собор Смоленска, который был посвящен в честь Успения Пресвятой Богородицы. В 1239 г. перед этой иконой получил вдохновение на ратный подвиг св. мч. Меркурий, который в одиночку проник в татарский лагерь и убил вражеского военачальника. В XV в. **Одигитрия Смоленская** (память 28 июля по церк. календ.) побывала в Москве в Благовещенском Соборе Кремля. В 1812 г. во время нашествия войск Наполеона чудотворная икона была снова вывезена из Смоленска в Москву, затем из Москвы в Ярославль. После завершения Отечественной войны она была возвращена на свое место в Кафедральный Собор Смоленска.

Несколько православных святынь связано с именем прп. Евфросинии Полоцкой (+ 1073). Известно, что ее стараниями была устроена не только женская обитель и храм в честь Преображения Господня, сохранившиеся до наших дней, но и мужской монастырь, и церковь в честь Пресвятой Богородицы, не дошедшие до нас. Для последнего храма в 1169 г. ей была выписана из Константинополя копия Эфесской чудотворной иконы Божией Матери, так же как и прототип Одигитрии Смоленской восходившей к письму св. ап. Луки. В 1239 г. **Полоцкая икона Богородицы** (именуемая еще Корсунской, память 9 октября по церк. календ.) была вывезена дочерью одного из последних полоцких князей при заключении брака с блгв. князем Александром Невским. Тогда чудотворный образ был поставлен в соборном храме г. Торопца, важного западного форпоста Новгородского княжества.

Другая святыня, связанная с именем прп. Евфросинии — это шестиконечный **византийский Крест**, выполненный по заказу полоцкой игумений мастером Лазарем Богшей в 1161 г. Этот крест, сделанный из драгоценных металлов и камней, служил ковчегом для хранения христианских святынь, которые прп. Евфросиния выписала из Константинополя. Это частица голгофского Креста Господня с каплей честной Крови Спасителя, камень от гроба Господня в Гефсимании, камень от гроба Пресвятой Богородицы, частицы мощей вмч. Стефана, вмч. Димитрия и вмч. Пантелеймона. Этот крест был большой святыней г. Полоцка и переживал с ним все лихолетья. Святыня побывала в руках униатов, на нее покушались католики-иезуиты, во время войны 1812 г. —

французы. В 1841 г. крест еще один раз послужил славе монастыря прп. Евфросинии, когда был вывезен в Москву для совершения молебнов и сбора пожертвований на восстановление древней Полоцкой обители, После Октябрьской революции крест был изъят властями и одно время находился в Могилевском краеведческом музее. В 1941 г. при эвакуации он бесследно исчез. В 1997 г. по благословению митр. Филарета Патриаршего Экзарха всея Беларуси крест прп. Евфросинии был восстановлен мастером Николаем Кузьмичом.

Известна еще одна древняя чудотворная **икона Пресвятой Богородицы — Купятицкая** (память 15 ноября по церк. календ.). Она явилась в 1182 г. в селе Купятичи под Пинском. Юная Анна, дочь поселянина Василия, пасла овец своего отца и увидела на одном дереве небольшой крест, на одной стороне которого был изображен распятый Спаситель, а на другой — Дева Мария с Богомладенцем Иисусом. Несколько раз девочка переносила этот образ к себе домой, но всякий раз находила его на прежнем месте. Жители Купятич с благоговением построили на месте явления иконы храм в честь Пресвятой Богородицы. В 1629 г. при этом храме возник монастырь. Во время украшения церкви перед праздником Благовещения один из работников упал с подмостков и гвоздем ранил себе голову. Рана была настолько глубока и опасна, что уповать можно было только на помощь Пречистой. Монахи усердно помолились перед святой иконой, и пострадавший совершенно выздоровел. В сер. XVII в., боясь униатов, почитатели чудотворного образа перенесли Купятицкую икону в Киево-Софийский Собор, в иконостас предела св. ап. Андрея Первозванного.

Чудотворная **икона «Спаса-Избавителя» в г. Мельнике**, построенном на берегу Западного Буга, также пользовалась особым почитанием. Древняя Ипатьевская летопись сообщает об этом под 1260 г.

Наши благочестивые предки любили молиться перед святыми иконами. Они не только украшали ими храмы и свои жилища, но и благословляли своих детей, вступающих в брак, передавали иконы по наследству. Святые образы были символом благословения родительского, которое по слову Священного Писания «утверждает дома чад» (Сир. 3: 9). Как тогда, так и теперь это благословение обладает силой чудодейственной.

«Воскресение», №11 (52), 2003

7. Роль православия в образовании Великого княжества Литовского.

Любой государственный строй представляет собой систему господства и подчинения, установившуюся в человеческом обществе. Отсюда и термин

соответствующий: «государство» (от «государь», «господин», «господарь»), т.е. господство, превосходство персонифицированной власти. Необходимость водворения у людей государственного порядка прямо вытекает из их потребности к общежитию и совместного действия самых различных факторов: условий территориальной колонизации, общих экономических интересов, целей успешной самообороны. Эти причины подвигают людей объединяться в социальные союзы, вводить особую регламентацию, следовать обязательным уставам. Но так еще не совершается окончательное государственное формирование. Если внутренне люди остались друг другу чужими, не возникло того, что известный историк В. Ключевский назвал «общеземским чувством», то влияние внешних факторов сплотило их на короткое время. Как только действие внешних организующих сил прекратится, так сразу государственный союз начнет ослабевать и истощаться. Но если общество, устанавливающее государственный порядок, осознает себя особым народом, отличным от других, то, пока живет такое сознание, гражданский строй зиждется на прочных основаниях. Именно формирование народного единства совершает окончательное государственное образование. Основами государственного строя и народного единства становятся этническое родство населения, общие культурные традиции. Если говорить о периоде Средневековья, то самым главным условием государственного сплочения тогда было единство религии. Принятие Русью Православия имело своим важным последствием для развития государственности именно сплочение, когда правители и подданные обязывались жить по единым нормам христианской нравственности, когда само православное учение принесло людям целостное сочетание веры и знания. Как хорошо подметил профессор петербургского университета XIX в. Н. Устрялов, вера во Христа Спасителя «сильнее языка, самых кровных уз родственных, соединяя людей тесными узами единоверия,.., решительнее всех уставов содействовала слиянию разноплеменных обитателей Русской земли в один народ, в одно общество гражданское, внушив ему ясные понятия о будущей жизни, о добродетели, о необходимости закона, верховной власти, т.е. о таких условиях, которые служат основами государства благоустроенного». В связи с этим можно и должно говорить о влиянии Церкви в процессе государственного становления.

Рассматривая участие Православия в образовании Великого княжества Литовского, необходимо придерживаться отражения реальных исторических условий. В XIII -XV вв. еще не было ни русских (великорусов), ни украинцев (малорусов), ни белорусов, тогда существовали «русские люди», «русины». В самих названиях, появившихся в XIV - XV вв., - Червоная Русь. Холмская Русь, Малая Русь, Черная Русь, Белая Русь, Великая Русь - заключалось живое сознание русского народного единства. Поэтому «Западная Русь» - это

вполне уместный термин, имеющий объективно исторический смысл для конкретного географического региона (удельные русские княжества к западу от Днепра) и временного периода XIII - XV вв. без всякого идеологического оттенка. Называя Великое княжество Литовское «литовско-русским» государством, мы несколько не искажаем исторической реальности, т.к. западнорусские земли XIII - XIV вв., вошедшие в состав литовского княжества, не обладали тогда иными национальными чертами кроме общерусских. А одной из важных этих черт была религия, когда понятия «русский» и «православный» означали одно и то же, а православная вера именовалась «русской верой». Поэтому и говорится в хронике Быховца, что до середины XIV в. «римской веры в Литве пока еще не было, только русская распространялась». Литва князя Миндовга (+1263) уже изначально выступает на историческую сцену как литовско-русское образование с центром в Новогородке (Новогрудке). Среди коренных литовцев распространяются русский язык, русские порядки и русская вера. Можно с полной уверенностью сказать, что Великое княжество Литовское было образовано совместным литовско-русским усилием и считаться одним достоянием «литовским» или «белорусским» оно не может. В нем при политическом господстве предприимчивых литовских князей совершенно очевидно выступает духовное и культурное преобладание русских элементов.

В землях Литовской Руси православное население хотело видеть у власти только своих единоверцев. Уже при Миндовге в Новогрудке правит его сын Вой-шелк, который был крещен вскоре после своего престолования. Одно время великим князем литовским был русский князь Иван Данилович. Товтивил Полоцкий назывался в православном крещении Феофилом. Во Пскове княжил Довмонт-Тимофей, канонизированный Русской Церковью. Великий князь литовский Гедемин (f 1341) хотя сам и не был крещен, но был женат первым и вторым браком на православных русских княжнах Ольге и Еве. Своим детям он позволил креститься, не упуская при этом и политические выгоды. Так, Любарт Гедеминевич Луцкий был обвенчан с дочерью одного из двух последних галицких князей, по смерти которых стал претендентом на Галицко-Волынское наследство, Ольгерд Гедеминевич женился первым браком на Марии, дочери Ярослава Витебского, по смерти которого стал княжить в Витебске. Вступая в брачные союзы с русскими княжнами, князья литовские часто принимали православное крещение. Это дало повод польскому хронисту М. Стрыйковскому записать под 1332г., что «уже чуть не все князья литовские Гедеминовичи окрестились в христианскую православную веру, кроме Кейстута». У великого князя Ольгерда все двенадцать сыновей имели православное крещение. Все это имело свое значение и в государственном аспекте, т.к. способствовало добровольному признанию русскими подданными своих литовских правителей. Среди знатных литовцев также были православные.

Мученический подвиг свв. Антония, Иоанна и Евстафия в Вильно привел многих ко Христу. О знакомстве литовцев с Православием свидетельствуют и лингвистические данные. В литовском языке есть слова: «крестить», «божница» (церковь), «кум», «говеть» (поститься). Только беженцы от немецко-латинской колонизации, оседавшие во множестве в Литве, особенно в Жемайтии, были сплошь язычниками, дорожившими своей верой как своими жизнями. Через них католичество никак не могло просочиться в коренную Литву с северо-западных границ государства.

Великие князья Гедемин и Ольгерд образовали обширное государство от Западной Двины до Днестра и от Угры до Сана благодаря своей мудрой политике веротерпимости. Они сплотили в федерацию удельные литовские и западно-русские земли, сохраняя на присоединенных территориях присущее им обычное право, было ли то Русская Правда, прусская Помезанская Правда, валашское или польское право. Более чем три четверти территории Великого княжества составляли русские земли, поэтому литовские правители вникали в интересы православного населения. Стараясь не терять своего религиозного нейтралитета, они возглавили движение Юго-Западной Руси иметь свою особую митрополию. И хотя их церковная политика имела своей целью привлечь внимание православного русского населения к литовскому центру, тем не менее она вызывала отклик у западнорусского населения, способствовала признанию их власти и давала поддержку объединительной политике Гедимина и Ольгерда. До Кревской унии 1386 г. мы не наблюдаем ничего подобного в отношении литовских князей к католической миссии. В первый период существования Великого княжества Литовского это было государство с преобладанием русской культуры и Православия.

«Воскресение», № 12 (53), 2003 г.

8. Начало западно-русской митрополии

Правильная организация церковной жизни в любой стране связана с разрешением вопроса о т.н. «юрисдикции» или высшем церковном управлении. С самого начала Русская Церковь входила в юрисдикцию Константинопольского патриарха, поскольку именно из Византии Русь приняла Православие. В Константинополе получал свое посвящение Киевский митрополит, и нередко сам он был родом грек. Однако между Византией и Киевской Русью лежали Черное море и в особенности степь, в которой путешественника подстерегали опасности от кочевников-язычников. Христиане становились добычей степных разбойников, их продавали на

невольничьих азиатских рынках. По причине своей удаленности и опасности Киевская митрополия не считалась престижной. В списках греческих архиерейских кафедр русская митрополия, будучи самой обширной, находилась, однако, на 61 месте.

С 1037 г., т.е. со времени Ярослава Мудрого, главным городом Русской митрополии стал Киев. И даже после разорения Киева от татар и переезда русских митрополитов во Владимир, а затем в Москву, они все равно продолжали именоваться «Киевскими».

В XII-XIII вв. русское население продолжает свое колонизационное движение на северо-восток, на верхнюю Волгу и Оку. Другой колонизационный поток устремляется из Поднепровья на юго-запад, в Волынь и Подолию. Две сильных княжеских семьи выделились из рода св. Владимира Мономаха. На северо-востоке Владимиро-Суздальские князья — Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, а на юго-западе Галицко-Волынские князья — Роман, Даниил и Василько. В XIV в. политическая инициатива переходит на востоке к Московскому княжеству, а на западе — к Великому княжеству Литовскому. Два политических центра возникли на обширном пространстве, которое осваивали расселявшиеся к востоку и западу от границ прежнего киевского государства русские люди. Политическое обособление между Московской и Литовской Русью стало угрожать единству Киевской митрополии.

В 1303 г., когда Галиция и Волынь еще находились во владении княжеского рода Даниила Романовича, патриархом Константинопольским Афанасием, в ответ на неотступные просьбы Галицкого князя Юрия, была учреждена Галицкая митрополия. Это была первая удачная попытка образования двух независимых друг от друга русских митрополий. Однако в 1305 г. свт. Петр, выходец из Галиции (из Львова или Бельза), был поставлен митрополитом Киевским, и так было восстановлено нарушенное единство. Свт. Петр, занятый утверждением своих архиерейских прав во Владимирской Руси, нашел себе верного союзника в лице московского князя Юрия Даниловича и потому втянулся в круг московских интересов. Такое положение дел не устраивало литовского князя Гедимина. В 1316 или 1317 г. по его инициативе была образована особая Литовская митрополия. В нее входили Полоцкая и Туровская епископии, а также области прежней Галицкой митрополии с городами Галичем, Перемышлем, Владимиром Волынским, Холмом, Луцком. Первым Литовским митрополитом стал Феофил. В 1328 г. обе русские митрополии объединились под омофором митрополита Феогноста, проживавшего в Москве. Литовская митрополия была упразднена по причине малочисленности христиан в самой Литве.

Более 100 лет продолжались попытки учреждения западно-русской митрополии, и всякий раз успех был непродолжительным. Литовские князья последовательно обращались к Константинопольским патриархам, а те одно

время уступали просьбам, а в другое — восстанавливали единство. Так Ольгерд в 1353 г. выдвигает своего кандидата Феодорита с тем, чтобы возобновить Литовскую митрополию. Эта попытка оканчивается неудачей. В следующем 1354 г. его кандидат Роман получает посвящение на Литовскую митрополию с центром в Новогрудке. В 1361 г. митрополит Роман умер, и единство Русской митрополии было восстановлено свт. Алексием. В 1371 г. польский король Казимир добивается возобновления Галицкой митрополии (Галиция тогда уже входила в состав Польши), которую возглавил митрополит Антоний. Воодушевленный этим примером Ольгерд добивается в 1375 г. посвящения для Литвы митрополита Киприана. Однако в 1390 г. свт. Киприан объединяет разрозненную паству обеих митрополий. Затем литовский князь Витовт возобновляет ходатайство об открытии Новогрудской митрополии. В 1415 г., получив отказ Константинопольского патриарха, Витовт приказывает западно-русским епископам посвятить своего кандидата — игумена Григория Цамбалка. После 1419 г. единство Киевской митрополии восстанавливается митрополитом Фотием.

Ферраро-Флорентийская уния 1439г., ознаменовавшая соединение Римской и Греко-Восточной Церквей, привела к окончательному разделению русской митрополии на Московскую и Киевскую. Митрополит Исидор, принявший унию, был осужден и бежал из Москвы, однако нашел себе католическую поддержку на землях Великого княжества Литовского. Когда в Москве собор русских епископов в 1448 г. избрал на место Исидора митрополита Иону, Исидор сумел поставить в качестве митрополита в Литве своего ученика-униата болгарина Григория. В 1458 г. 9 западно-русских епархий (Киевская, Брянская, Смоленская, Перемышльская, Туровская, Луцкая, Владимиро-Волынская, Полоцкая, Холмская и Галицкая) вошли в состав Киевской митрополии Григория. Так совершилось окончательное разделение. Однако западно-русская паства не хотела подчиняться митрополиту-униату, и Григорий не смел даже въехать в Киев. Он находил себе поддержку только у католического правительства, которое видело в унии самое действенное средство для подавления в Великом княжестве Литовском сопротивляющегося русского национального начала. В конце своего правления митрополит Григорий вынужден был считаться с твердыми убеждениями своей паствы и отдал долг послушания православному Константинопольскому патриарху. Спустя 3 года после смерти Григория Болгарина, в 1475 г., на Киевскую митрополию был поставлен епископ Смоленский Михаил, защитник Православия. В 1488 г. русские удельные князья обращались к патриарху Константинопольскому по случаю избрания Киевским митрополитом архиепископа Полоцкого Ионы и, между прочим, жаловались на гонения за веру. В 1480 г. польский король и литовский князь Казимир издал указ о запрещении строительства новых и ремонта старых православных храмов.

Греческие патриархи видели на пространстве былой Киевской Руси образование двух политических центров и старались поддерживать между ними церковное единство. Однако они вынуждены были считаться с продвижением католической миссии на восток. В 1386 г. произошло латинское крещение язычников-литовцев. Великие литовские князья также стали исповедовать католичество. Они могли стеснять в вере своих православных подданных. Разделение Русской митрополии на Московскую и Киевскую ставило западно-русскую православную паству Киевского митрополита в большую зависимость от католических литовских и польских правителей.

«Воскресение», №1 (54), 2004 г.

9. Городельский привелей 1413 года

Великое княжество Литовское, окрепшее в XV в. благодаря стараниям великих князей Гедимина и Ольгерда, было государством по современной терминологии «многоконфессиональным». Литовцы были язычниками, а русское население литовского княжества было православным. Ближайшие западные соседи — Польша и Тевтонский орден — исповедывали католичество. Тевтонцы, всей своей мощью развернувшиеся в Пруссии, все время пытались вооруженной рукой крестить языческую Литву. Поляки же с беспокойством смотрели на растущие аппетиты крестоносцев в Прибалтике. Вопрос о крещении литовцев начинал приобретать большое значение. Если они мимо немецкого ордена принимают католичество, например, при посредстве поляков, то военные нападения рыцарей теряют всякое миссионерское оправдание. Если же литовцы принимают Православие с востока, то это приводит к их обрусению.

Первый период истории Великого княжества Литовского (до Кривской унии 1385-1386 гг.) характеризуется преобладанием русских гражданских порядков, русского языка и терпимостью к «русской» вере (Православию). По подсчетам И. Боричевского, за период XIII-XIV вв. 56 литовских князей исповедовали православную веру, 16 русских княжен были в замужестве за князьями литовскими и 15 литовских княжен были в замужестве за князьями русскими. Как правило, литовские князья, княжившие в русских городах, принимали православное крещение. В этом отношении характерен эпизод из биографии Ольгерда. В 1342 г., будучи князем витебским, он оказал военную помощь Пскову против ливонских рыцарей, за что был зван псковичами на княжение. При этом послы предлагали ему креститься, на что Ольгерд, согласно одной русской летописи ответил: «Я уже христианин, и второй раз креститься не хочу». Хотя о крещении Ольгерда имеются различные

сведения русских и немецких источников, но само требование крещения для литовского князя, которого зовут в русский город, конечно, вполне естественно.

Выражать свою ревность к христианской вере тогда было принято построением храмов и пожертвованием земельных угодий. Известна дарственная грамота князя Любарта Гедиминовича (в крещении Дмитрия) церкви св. Иоанна Богослова, написанная в 1322 г., когда он княжил в Луцке. В ней князь дает на содержание соборного храма несколько сел и подтверждает пастырские права Луцкого епископа, который является одним из первых княжеских советников в боярской думе, судьей и блюстителем христианских нравов, ответственным за содержание странноприимных домов и больниц, с его благословения совершается строительство храмов и монастырей, им посвящаются служители церковные и т.д. Сохранение прав Православной Церкви в русских городах было обычным явлением при литовских правителях в XIV в.

Однако на рубеже XIV-XV вв. в государственной жизни Великого княжества Литовского происходят перемены не в пользу русских и Православия. Великий князь литовский Ягайло, занятый отстаиванием своих прав перед другими литовскими князьями Витовтом и Андреем, принимает предложенную ему польскую корону. Династический союз Польши и Литвы был направлен против общего врага — Тевтонского ордена. Одним из условий соглашения, подписанного в Креве в 1385 г., было католическое крещение Ягайло, остальных литовских князей и всего литовского народа. В 1386 г. Ягайло принимает крещение с именем Владислав и польскую корону. Крещение также принимают литовские князья Скиргайло, Коригойло, Мингайло и Витовт. Другие же князья вместе со своими семьями остались верны Православию. В 1387 г. Ягайло-Владислав возглавил крещение языческой Литвы. Тогда же в Вильно была открыта католическая епископия. Чтобы облегчить дело крещения своего народа, Ягайло в 1387 г. издал указ (привилей) о привилегиях литовским боярам за принятие ими католической веры. Это были права свободного владения своим имуществом, свобода выдавать своих дочерей замуж (с условием сохранения ими католической веры), освобождение от всех повинностей в пользу государя, кроме военной. Начиная с этого указа, в королевских документах становится обычной оговорка, что все права и привилегии даются в Великом княжестве Литовском по польскому образцу («якоже и в Коруне Польской»).

Соединение Литовского княжества с Польской Коронай получило новое подтверждение в Городельском постановлении 1413 г. Этот документ дает важные преимущества литовскому боярству. Теперь земли, данные великим князем в благодарность за особые заслуги и выслугу лет, становятся наследственными. Население этих земель освобождается от повинностей в пользу великого князя. Впоследствии начинает развиваться крепостное право

землевладельцев на крестьян. Эти процессы от первых времен слияния Литвы с Польшей обуславливают интерес литовских бояр к вольностям польских панов. Не случайно 47 знатных литовцев в 1413 г. получают польские гербы. Городельский привилей отражает стремление литовских бояр защитить свои права. Теперь только лица католической веры могут занимать ответственные должности в Виленском и Троцком воеводствах. Только католики могут заседать в великокняжеском совете (раде). По польскому примеру в этот совет входят также лица духовные, католические епископы: Виленский, Луцкий и Брестский, Жемайтский (с кафедрой в Медниках) и Киевский. Православные совсем не допускаются к участию в раде, потому что в государственных вопросах «различие в вере производит различие во мнениях» (Город. Прив. п. 9).

Городельский привилей положил препятствие обрусению Великого княжества Литовского. Литовский государь теперь не только сам исповедует католичество, но и обязывается его распространять среди своих подданных. Все важные государственные должности достаются литовцам по национальности и католикам по вере, русские же и православные могут занимать административные должности только в местном управлении в русских областях. Такое ограничение прав в государственной сфере угрожает ограничениями и религиозной свободы.

«Воскресение», № 2 (55), 2004 г.

10. Виленские мученики Антоний, Иоанн и Евстафий

Рассказывая о христианской истории Великого княжества Литовского в XIV в., невозможно умолчать о первых литовских мучениках Антонии, Иоанне и Евстафии. Тогда литовцы, составлявшие менее одной четвертой части всего населения Великого княжества, были еще язычниками. В русских же областях беспрепятственно исповедывалось Православие. Династические связи литовских и русских князей сделали возможной христианскую миссию в коренной языческой Литве.

Великий князь Ольгерд, будучи еще князем Витебским, женился на русской православной княжне Марии Ярославне. Когда он прибыл со своим семейством в Вильно, столицу литовского государства, чтобы занять великокняжеский стол, его жену сопровождал духовник, священник Нестор. Этот священник сумел обратить в христианскую веру двух братьев-литовцев из свиты Ольгерда. В житии сохранились их языческие имена: Кумец и Нежило, в крещении Антоний и Иоанн. Следует отметить, что имена святых мучеников до крещения явно славянские. Однако как в раннем славянском их

житии, так и в более позднем греческом говорится, что братья были литовцами-язычниками.

Сначала они думали сохранить свое крещение в тайне. Но скоро их уклончивость в исполнении языческих обрядов перед священным огнем (Зничем), а также ращение волос на голове и на бороде, воздержание от мяса на княжеских застольях по средам и пятницам возбудили подозрения у ревнивых соотечественников, служителей Перуна (лит. Перкунас). В то время у великого князя Ольгерда умерла жена Мария, и христианское влияние при дворе ослабело. В угоду своему окружению Ольгерд потребовал от братьев соблюдения языческого обычая бритья волос и вкушения мяса без ограничений. Получив отказ, он приказал заключить Антония и Иоанна в темницу. По прошествии года старший из братьев, Иоанн, утомленный наказанием, согласился принять условия князя. Ольгерд, видя смирение старшего, освободил и младшего. Иоанн стал брить бороду и пировать с князем, но Антоний не изменил своего обычая и снова навлек на себя великокняжеский гнев. Его кратковременная свобода сменилась новым заключением, Иоанн, в душе остававшийся христианином, наблюдая твердую решимость младшего брата, раскаялся и, воспользовавшись удобным случаем, опять исповедовал себя христианином. Так они оба приготовились к одной участи. Ольгерд, уступая жалобам жрецов, что мягкое обращение с Антонием и Иоанном будет располагать других к христианской вере, предал их на жестокие мучения и смертную казнь. Сначала Антоний, а затем Иоанн были повешены на дубе.

Через некоторое время один юноша по имени Круглец, родственник Антония и Иоанна, познал Бога истинного и принял крещение с именем Евстафии. Он также не стал скрывать своей веры перед князем Ольгердом. Был Рождественский пост, и его угрозами принуждали есть мясо, но Евстафии был непреклонен. Тогда его били палками и обливали водой на морозе. Мучения не сломили мужество исповедника. Мученика приговорили к смертной казни и повесили на том же дубе, что Антония и Иоанна. Это было в 1347 г.

В Вильно было уже немало христиан, которые исповедывали свою веру не столь открыто, как святые Антоний, Иоанн и Евстафии. Их останки были погребены, а память с благоговением почиталась. Когда в 1349 г. Ольгерд женился во второй раз, и его женой стала русская княжна Иулиания, дочь тверского князя Александра, христиане в Литве приобрели себе заступницу. Тела святых мучеников Антония, Иоанна и Евстафия были открыты и поставлены в церкви свт. Николая. На месте их мучения с разрешения князя Ольгерда воздвигли храм в честь Святой Троицы и сюда перенесли мощи святых. При этом храме образовался мужской монастырь. В 1374 г. частицы мощей трех виленских мучеников были принесены в Константинополь, и установлено совершать память святых 14 апреля по церковному календарю.

После 1609 г., когда Троицкий монастырь в Вильно был отнят у православных униатским митрополитом Ипатием Потеем, мощи святых Антония, Иоанна и Евстафия перенесли в православный монастырь в честь Святого Духа. В 1915 г. в связи с военными событиями мощи были перевезены в Москву, а в 1946 г. возвращены в Свято-Духов монастырь. В 1993 г. икона святых виленских мучеников с частицами их мощей была принесена из Вильнюса в Минск, в Свято-Петро-Павловский собор.

Страдания святых Антония, Иоанна и Евстафия свидетельствуют о том, как непросто совершается православная миссия. Преодолевая переменчивый нрав правителей, косность и предрассудки толпы, жизнь Церкви всегда обновляется в христианском подвиге святых мучеников. Так земная кончина одних приводит к духовному возрождению других.

«Воскресение», № 3 (56), 2004 г.

11. Почему избрали Свидригайло

Со времени династической унии 1386 г. между литовским князем Ягайло и польской королевой Ядвига православные в Великом княжестве Литовском стали испытывать ограничения. Литовские бояре, плотным кольцом окружавшие литовского князя, постарались не допустить в свой круг удельных русских князей и бояр. Привилей 1387 г., данный Ягайло литовским боярам с целью склонить их к принятию католичества (что было одним из условий династической унии с Польшей), соединяет получение привилегий с католическим крещением, а Городельский привилей 1413 г. предоставляет право занимать высшие государственные должности в этнической Литве только католикам по вере и литовцам по национальности. К тому времени в самой столице великого княжества г. Вильно проживало значительное количество русских, было несколько православных храмов. Теперь приток русского населения в этническую Литву должен был уменьшиться. Католичество становится религией привилегированной и господствующей в Великом княжестве Литовском.

Католическая церковь приобретала свое преимущественное положение отнюдь не по причине своей многочисленности или древности на литовских землях. Если не считать князя Миндовга, принявшего католичество в 1251 г. и потом снова объявившего себя язычником, и нескольких крестовых походов ливонских рыцарей, навязывавших крещение силою оружия, только

монахи францисканцы и доминиканцы имели небольшой миссионерский успех при литовских князьях Гедимине (1316-1341) и Ольгерде (1345-1377). Ягайло в 1387 г. приступил ко крещению языческой Литвы, а Витовт в 1413-1420 гг. четыре раза водил свои войска в Жемайтию, чтобы принудить ее жителей к принятию католического крещения, но литовский народ, внешне крещеный, еще не одно столетие оставался при своем языческом мировоззрении. Одни лишь бояре, почувствовав, что с принятием католической веры соединены материальные выгоды, охотно подчинялись ксендзам и бискупам.

Соединение с Польшей обязывало великого князя литовского быть ревностным католиком. В своей грамоте Виленскому католическому епископу от 22 февраля 1387 г. Ягайло говорит: «Согласно королевской присяге, мы заверяем, что все население литовского княжества, народы обоего пола, любого сословия или достоинства, находящиеся в наших владениях Литвы и Руси, будут приведены к католической вере и послушанию Римской церкви. Они будут привлечены, призваны и согнаны туда, в какой бы вере они не состояли». Православие распространялось среди литовцев нередко посредством смешанных браков. Теперь Ягайло запрещает браки литовцев с русскими, если православная сторона не заявит наперед о своем согласии принять католичество. А если такой брак уже состоялся, то не расторгать его, а принудить, не исключая и насильственных мер, православную сторону к католическому крещению. Как следствие подобных запрещений сохранилось известие о мученической смерти двух знатных литовцев, не пожелавших изменить Православию.

При Витовте (великий князь 1392-1430) русское население Великого княжества Литовского только роптало на стеснения и ограничения. Однако после его смерти все русское большинство поддержало избрание на литовский престол Свидригайло, давнего политического противника Витовта. Этот князь, будучи католиком, большую часть времени правил в русских областях и сумел завоевать симпатии русского населения. После вступления его в должность, в 1431 г., как знак благоволения к русским православным началам на т.н. «Острых воротах» г. Вильно появляется чудотворная икона Божией Матери (Остробрамская). Избрание Свидригайло было совершено вопреки Городельскому определению, т.е. без совещания с поляками. По отзыву польского Краковского епископа Збигнева Олесницкого, Свидригайло окружил себя русскими людьми, которые входили в великокняжескую раду наравне с католиками литовцами, получали назначения на важные государственные должности в самой Литве. Очевидно, он нисколько не стеснял себя Кревскими и Городельскими соглашениями. Однако пренебрежительное отношение великого князя к литовскому боярству его и погубило. Был организован заговор, Свидригайло едва спасся бегством в Полоцк, а на его место был избран Сигизмунд, младший брат

Витовта. Чтобы привлечь на свою сторону русскую знать, он в 1434 г. уравнивал права князей и бояр литовских и русских, уже не упоминая об их религиозных различиях. В 1435 г. Свидригайло потерпел окончательное поражение от войск Сигизмунда в битве у Вилькомира, когда погибло 13 русских князей, а 42 были взяты в плен.

Борьба Свидригайло и Сигизмунда в 1432-1435 гг. не была частным эпизодом междукняжеских отношений. Это была борьба национальная. Со своей стороны, литовцы стремились ограничить русское влияние. Русский язык, русские гражданские понятия, русская вера (Православие) не находили препятствий в языческой Литве. Связи с Польшей открыли дорогу польскому влиянию. Католическое крещение обособило литовцев от русских. Католичество самого литовского правителя и его ближайших советников (рады) предоставило возможность искать привилегий по национально-религиозному признаку. Это последнее вызвало протест русской знати, которая стремилась к тем же сословным привилегиям, что были у литовского боярства. Борьба приобрела и религиозный оттенок. Когда шел с войском Свидригайло, тогда разрушались костелы и изгонялись католические священники, когда Сигизмунд, соответственно, страдали православные.

В результате этой междоусобной войны русские не получили полного удовлетворения. Привилеи, данные в 1434 г. при Сигизмунде и в 1447 г. при Казимире, распространили на западно-русских князей и бояр имущественные и другие права литовской знати. Теперь они могли брать те же рыцарские гербы, что прежде получили литовские фамилии от польских панов, свободно распоряжаться своим имуществом, не подвергаться наказанию без суда, судить крестьян в своих имениях и не платить в княжескую казну ни натуральных повинностей («дякла»), ни денежных («серебщины»). Однако религиозное ограничение участия в высшем государственном совете-раде не было отменено, русская (православная) знать не добилась политических прав, т.е. юридически, по праву не разделила с великим князем литовским его власть, как этого добились литовские бояре-католики. Религиозные ограничения Городельского привилея 1413 г. были отменены только в 1563 г., накануне вхождения литовско-русского государства в состав Речи Посполитой.

«Воскресение», № 4 (57), 2004 г.

12. Когда крюки заменяли ноты

Церковное пение — это такой вид искусства, который непосредственно связан с молитвой. Здесь сердечное состояние выражается посредством слова и мелодии — «От избытка сердца глаголют уста», как говорится в Евангелии (Мф. 12,34). Богослужбная песнь захватывает душу молящегося и устремляет ее ввысь к горнему миру. Свт. Иоанн Златоуст восклицает: «Ничто так не окрыляет нашего духа, ничто так не отрешает его от земли и уз телесных, ничто так не наполняет любовью к мудрости и равнодушием к житейским делам, как пение стройное, как песнь священная, сложенная по правилу ритма».

У христианского пения есть глубокие корни и своя особая история. Все самое лучшее из древнееврейской и греческой музыки было привлечено для озвучивания христианского богослужения. У древних евреев пение имело религиозное назначение, принадлежало избранным певцам и передавалось путем устного навыка и традиции. У греков музыка имела государственное и образовательное значение и развивалась со стороны эстетической и методической. Сочетание древнееврейских богослужбных мотивов и теоретической греческой системы придало церковному пению необходимую стройность и динамичность. Эпоха Вселенских Соборов IV-VIII вв. дала богослужбному пению богатый материал для поэтического сочетания звуков с библейскими образами и символами. Великие богословы и учителя, святители и аскеты составляли богослужбные уставы, писали молитвы и каноны вместе с музыкой к ним. Среди них были святые Игнатий Богоносец, Григорий Чудотворец, Амвросий Медиоланский, Ефрем Сирийский, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Роман Сладкопевец, Иоанн Дамаскин и др. Сочиняя песнопения, святые подвижники делали доступными и общеупотребимыми поэтические выражения церковной истины против еретиков, которые записывали свои лжеучения в форме стихов и песенок для соискания себе большей популярности.

Музыкальный состав церковного пения развился из греческой системы тетрахордов и ладов в особую систему осьмогласия. Тетрахорд - это музыкальный ряд из четырех звуков (например, «ми-фа-соль-ля», по месту своего происхождения этот дорийский тетрахорд считался у греков самым древним и священным). Из тетрахордов слагались звукоряды более сложные из восьми и более звуков - октава, малая и великая системы. Под благозвучием тогда понималось только пение в один голос (унисон). Восемь греческих тетрахордовых сочетаний (ладов) стали основой для восьми церковных мелодий (гласов). На эти мелодии исполняется большинство богослужбных молитв: стихир, тропарей и канонов. Среди этих текстов есть группы, которые имеют одинаковое количество слогов и одинаковую мелодию исполнения, такие песнопения называются «подобнами». Например, в каноне из девяти песен количеству слогов начального тропаря каждой песни (ирмоса) должно соответствовать количество слогов тропарей

следующих за ним. Однако есть и такие песнопения, которые имеют свою особую мелодию - «самоподобны». Для обозначения высоты звука употреблялись буквы алфавита, которые писались прямо над текстом. И в настоящее время начальные буквы латинского алфавита служат заменой в нотной грамоте привычных нам нотных имен: «ля»-а, «си»-b, «до»-с и т.д. Когда исполнение и состав церковных песнопений был уже значительно усложнен, тогда из общей массы молящихся выделились особые певцы под управлением доместиков (регентов). Взмахи руки доместика послужили образцом для обозначения высоты звука и длительности при помощи особых черточек, т.н. «крюков», которые постепенно стали заменять буквенные обозначения нот и писались по-прежнему прямо над текстом.

Православие пришло на русские земли, когда осьмогласная система в христианском богослужении уже вполне развилась и установилась. Первыми учителями церковного пения на Руси должно считать болгар, а затем греческих певцов-доместиков. В киевский период возглавляли русскую церковную иерархию в большинстве митрополиты-греки, были также и греки-епископы, поэтому часть церковных песнопений исполнялась на греческом языке. В летописях есть свидетельства, что в соборных храмах, где было два хора, один пел на славянском, а другой - на греческом. Нередко можно было услышать «Кирие, элейсон» вместо «Господи, помилуй». От тех времен в чине архиерейской службы в Русской Церкви сохранились несколько греческих песнопений. Можно отметить летописное свидетельство о том, что греческий доместик Мануил был поставлен в 1136 г. на Смоленскую епископию.

При переводе богослужебных текстов с греческого на славянский возникли некоторые мелодические неудобства. Славянские слова могли иметь более или менее слогов, чем греческие аналоги, отсюда получались мелодические неровности. Нотные обозначения стали ставиться даже над полугласными в древнем славянском языке буквами «Ъ» и «Ь». Как результат приспособления переведенного славянского текста к мелодии текста греческого явился т.н. «знаменный распев», который сглаживал возможные мелодические неровности. Название «знаменный» происходит от слова «знамя», так именовался значок, который ставился над слогами в словах песнопения. Главным достоинством знаменного распева было подчинение мелодии смыслу богослужебного текста. В отличие от современных гласовых партитур мелодия знаменного распева не могла разрывать текст, подчиняя его закону своего ритма.

В течение XV-XVII вв. русские богослужебные распевы стали разнообразнее. Местные певцы перешли от подражания к настоящему творчеству. Появились распевы киевский, новгородский, болгарский, греческий (новый). Известны рукописные певческие сборники, в которых встречается имя киевского митр. Григория Цамбалка, поставленного под

влиянием литовского князя Витовта в 1415 г. В юго-западной Руси в сер. XVI в. начинается подлинный расцвет церковной музыки, связанный с деятельностью православных братств, противостоявших католическому прозелитизму и навязыванию идеи религиозной унии в Речи Посполитой.

«Воскресение», № 5 (58), 2004 г.

13. Храмы-замки

XV в. в истории Православия на Беларуси был временем тревожным. Ограничения политических статей Городельского привилея 1413г., междоусобная война при Свидригайло в 1432-1435гг. (см. «Воскресение» № 2,4 за 2004г.) и попытки подчинения Киевской митрополии Римским папам, имевшие место при митр. Григории Болгарине (1458-1478) и митр. Иосифе Болгариниче (1500-1501), заставляли православных подумать о своей защите. Характерным образом это отразилось в архитектуре некоторых церквей на Беларуси к. XV - перв. пол. XVI вв. Ведь самым драгоценным для верующего сердца всегда остается храм. Беречь его от поругания, от посягательства иноверцев, беречь как свое сокровище во время войн и грабежей — это значит беречь самого себя, свое имя христианское. «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21).

Польский и литовский государь Казимир IV в 1480 г. издал указ о запрещении строительства новых и реставрации ветхих православных храмов. Это запрещение было сделано под действием настоятельных просьб его болезненного сына, отличавшегося большой ревностью к католичеству, которого тоже звали Казимиром. Так свидетельствует предание, записанное в житии королевича Казимира, канонизированного Римской церковью. Во всяком случае, в 1495г. великий князь литовский Александр говорил московским послам: «Князья наши и паны, вся земля имеют право и записи от предков наших, от отца нашего и нас самих, а в правах написано, что церквей греческого закона больше не прибавлять — так нам этих прав рушить не годится». Указ Казимира IV, не дошедший до нашего времени в письменном виде, имел, однако, больше политическое, чем практическое значение. Католическое правительство не имело силы воплотить его в русских областях литовского государства. Православные продолжали строить свои храмы, но делали это как бы против закона, неофициально, Именно в это время появились храмы т.н. «оборонного типа», напоминающие замок по своему внешнему виду.

Михайловская церковь в Сынковичах имеет все признаки оборонительного сооружения. Ее толстые стены выложены из прочного кирпича, по углам высятся башни. В современном виде храма не достает

центрального купола, но все покрывает высокая двухскатная крыша. Не определена точная дата построения этой церкви. Исследователи заметили архитектурное сходство церкви в Сынковичах и Мирского замка, строительство которого было начато ок. 1510 г. Возможно, в обоих случаях воплотился замысел одного и того же архитектора. Храм запечатлел в себе влияние готического стиля, нового для прежней восточно-византийской архитектуры в Юго-Западной Руси.

Другим памятником замковой архитектуры является **церковь Рождества Богородицы в Мурованке** (Маломожейковская). Ее стены толщиной ок. 2-х метров, башни со спиральными каменными лестницами, потайные ходы и подземелья, наконец, железная входная дверь, опускавшаяся и поднимавшаяся на цепях из специальной ниши в стене, — все это черты оборонительного сооружения. Этот удивительный храм много пережил на своем веку. Изначально православный, он был захвачен униатами, католики поставили в нем орган. Местные помещики довели церковь до такого жалкого состояния, что имп. Александр I, пожелавший однажды осмотреть ее, приказал незамедлительно начать реставрацию. К сожалению, удар молнии в 1805г. привел к обрушению церковную крышу, и полное восстановление храма было закончено только в 1873г., уже после возвращения его православным.

Еще один памятник храмового зодчества оборонного типа — это **Благовещенский собор Супрасльского монастыря** (совр. Польша). В 1503-1510 гг. благодаря щедрым пожалованиям основателей мужского монастыря на р. Супрасле — литовским вельможам Александру Ходкевичу и Иосифу Солтану здесь был построен великолепный храм, стены и башни которого напоминали по своему изяществу скорее дворец, чем замок. Нижняя часть собора была украшена ромбовидными кирпичами, а устремленные вверх башни венчались луковичными куполами и крестами.

Храмы-крепости известны не только на территории современной Беларуси. Есть Покровская церковь в Суткивцах (1467г.), на Украине, Онуфриевская церковь в Посаде Работицкой, в Польше.

Храмы оборонного типа находились во внутренних областях Великого княжества Литовского, где не было угрозы пограничных стычек и грабежей от хищных соседей. Но здесь проходила граница другого рода, граница конфессиональная. С одной стороны — православное население русских областей княжества литовского, с другой — католическое население Польши и этнической Литвы. Очевидно, что православные готовились оберегать свои храмы и свою веру.

14. Как жило духовенство

Советская школа под Церковью обычно понимала духовенство. Учили, что Церковь — это учреждение, дурманящее простой народ, чтобы тем легче было дворянской «верхушке» его эксплуатировать. На самом же деле, Церковь — это не духовенство и не учреждение для оправдания господства одних над другими. История XX в. это ясно доказала. В январе 1918 г. Церковь лишили государственной опоры, отделили от школы, начались гонения и убийства ее священнослужителей. Но за свои храмы боролись приходские общины, на место сосланного или убитого священника рукополагался вчерашний прихожанин, наградой которого опять были всевозможные лишения, голод и жестокие притеснения. Сменилось несколько поколений, и ... Церковь выжила, наглядно показав, что ее опора и источник жизни находится не снаружи, а внутри ее самой.

Но внутреннее содержание церковной жизни не понятно человеку внешнему. Придирчивый взгляд нашего современника естественно обращен на духовенство: вот люди, прямая обязанность которых служить Богу и людям. Они в ответе за состояние духовной и материальной жизни Церкви, их достоинства равно, как и недостатки незамедлительно отражаются в ней. Такую точку зрения нельзя не признать справедливой. Всякий священнослужитель призван с честью выдержать этот взгляд.

Пастырь, храм и люди — вот Вселенская Церковь в ее местном проявлении. Без какой-либо из этих составных частей не строится церковная жизнь. Община может построить храм, но пока в нем не будет священника, чтобы он наполнил его совершением божественной службы, тот храм будет пуст. Чтобы был священник, необходимо обеспечить его содержание. Благочестие наших предков старательно проявляло себя в строительстве многочисленных церквей, то же были тогда священники и на какие средства они жили?

Древняя Русь, куда органически входили Полоцкая и Туровская земли, представляла собой большое пространство с малочисленным разбросанным населением. Это население жило в областях, средоточием которых были города, расположенные по берегам рек. С самого начала Русской Церкви ее особенностью стала обширность ее епархий. Епископ жил в городе, главным украшением которого был соборный храм, один или несколько монастырей, а вокруг, среди густых лесов и топких болот, стояли редкие деревянные церквушки, связывающие в один приход несколько передвижных крестьянских дворов, которые трудом расчищали себе для запашки одни

лесные участки, чтобы после их истощения через несколько лет рубить и выжигать другие. Постепенно крестьянские хозяйства переходят от подсечного земледелия к двух- и трехполью, оседают и скучиваются в общинные миры. Иметь свой храм для сельской общины становится «делом чести». Также и в городах, каждая улица (жившая наподобие сельской общины) должна была украшаться своей собственной церковью. Бывало, что для избавления от разных бедствий (голода, мора и проч.) община воздвигала маленький храм за одно утро так, что еще до полудня епископ совершал его освящение и первую литургию.

Большому количеству храмов соответствовало еще большее количество священнослужителей. Духовенство сначала не было замкнутым сословием. Умение читать и писать, грамотность, выдвигали священника на почетное место и в городе, и на селе. Характерной чертой удельного периода X-XV вв. было широкое участие мирян в выборе кандидатов на священный сан. Князья с боярской думой и областная сходка (вече) выбирали себе епископа, горожане выдвигали из своей среды священника для соборного храма, а сельские миры присылали достойного кандидата, взятого из крестьян. В епископы поставлялись чаще всего монахи, имеющие происхождение от знатных и состоятельных родителей. Один монастырь Киево-Печерский по свидетельству еп. Симона Владимирского (+1226) выпестовал около 50 будущих архиереев. Выходцами из этого монастыря были свтт. Мина, Дионисий и Симеон Полоцкие.

На содержание епископа и его соборного духовенства (т.н. «клироса») князь давал десятину своих доходов, которую впоследствии заменили земельные пожалования из княжеских владений. Монастыри также получали в дар от князей и бояр села, поля и покосы. Приходские священники получали от сельской общины земельные наделы и определенное денежное или натуральное содержание по договору. Плата за требы, размер которой зависел от обычая и доброй воли дающего, была для них другим источником дохода. Приходы и священники платили разнообразную дань епископу: во время его посещения церкви, за хиротонию священника, за «благословенную» грамоту, назначающую на приход и др. В материальном отношении между епископами, с одной стороны, монахами и соборным духовенством, с другой, и приходскими священниками, с третьей, появилось различие, крайне невыгодное для последних. Высшее духовенство было лучше обеспечено, лучше защищено социально, а сельское духовенство находилось в податном положении к своему епископу и часто подвергалось злоупотреблениям мирских чиновников, находящихся на архиерейской службе. Тяжелой для священника была материальная зависимость от сельской общины, которая нанимала себе пастыря, сообразуясь со своими собственными выгодами. Поэтому священник чаще всего питался не от

алтаря, а от сохи. «Мужик за соху — и поп за соху», «если попу пашни не пахать, то голодну быть», — говаривали в старину.

Наблюдение за порядком в обширных епархиях было затруднено для епископа. Вошло в обычай делать объезд приходов через три года на четвертый. Поэтому когда на епископский двор приезжал кандидат на священство к новопостроенной церкви или преемник умершего священника из какой-нибудь сельской общины, то архиерей не затруднялся с выбором альтернативы. Ставленник платил приличный взнос за хиротонию, выдерживал экзамен и выполнял послушания при епископском доме или монастыре. Затем следовали его посвящение и священническая практика при соборной церкви, после чего давалось благословение на приход. Теперь священник был тесно связан с сельским начальством, да с архиерейским чиновником (десятильником), который в отличие от епископа посещал приход каждый год для сбора т.н. «подъезда». А если еще учесть самоуправство князей и бояр в церквях своих домов и имений, когда к священникам, бывало, относились не лучше чем к слугам, то будет понятно, сколько разных беспорядков волновало Русскую Церковь даже в ее лучшие времена. В этом отношении интересны материалы церковного собора 1509 г. в Вильно.

«Воскресение», № 7 (60), 2004 г.

15. Собор 1509 года

25 декабря 1509 г., в праздничный день Рождества Христова, в столице Великого княжества Литовского г. Вильно митр. Иосифом Солтаном был созван собор духовенства Киевской митрополии. В нем приняли участие все восемь западно-русских епископов (включая митрополита), семь настоятелей монастырей, семь настоятелей соборных храмов и простые священники. 15 правил этого собора, направленные против разных злоупотреблений, хорошо характеризуют недостатки церковной жизни того времени.

Условно можно разделить все постановления собора на две группы: одни правила касаются поведения духовных лиц, другие — вмешательства светских лиц в дела церковные.

Рукоположение в священные степени, согласно церковным канонам, должно совершаться епископом только для своей епархии с учетом открывшейся где-либо вакансии. Кандидат на священство должен пройти ставленническую исповедь перед духовником, который свидетельствует

затем перед епископом, что у кандидата нет никаких препятствий к принятию сана. Правила Виленского собора запрещают нарушать установленный в Церкви порядок. Имея в виду таких людей, которые искали себе престижного и доходного епископского, игуменского или священнического места, занятого еще здравствующим лицом, собор запрещает рукополагать кого-либо занимающегося, как бы мы сейчас сказали, «подсиживанием», а также запрещает рукополагать неизвестных соискателей духовного сана из других епархий и принимать без должного рассмотрения перебежчиков из одной епархии в другую. В отношении к исповеди кандидата на священный сан постановлено, что если ставленник скроет от духовника какой-либо тяжкий грех или обманет на исповеди, а после рукоположения все станет известным, то недостойный запрещается в священнослужении.

Запрещается отлучать священника от прихода по епископскому произволу, а только в случае нарушения священником своей присяги: если священник содержит храм в небрежении, совершает службы не по уставу или упивается, то запретить ему священнослужение временно, в надежде на раскаяние, а если и во второй раз не образумится, тогда поступать с ним по строгости. Достоинно замечания также правило, основанное скорее на греческом обычае, чем на церковном законе, запрещающее священствовать вдовым священникам (дело в том, что после принятия сана второе венчание невозможно без оставления священства: не сам по себе брак есть препятствие к священству, но второбрачие). Правило справедливое, если вдовый священник живет с наложницей и тем самым подает пастве соблазнительный пример внебрачного сожительства.

Светские властители с другой стороны осложняли церковную жизнь своим вмешательством. Точкой соприкосновения духовной и светской власти служил т.н. «патронат» или ктиторское право. «Ктитор» — это греческий термин, обозначающий основателя храма. На свои средства он строил церковь и из своего имени давал землю на содержание священника и причта. Однако не все доходы с этой земли поступали в распоряжение церкви, но только необходимая часть, остальное возвращалось ктитору. Передавая свою землю в собственность храму, он становился как бы арендатором этой земли. Кроме того, ктитор имел решающий голос в выборе священника к построенной им церкви. Еще он заботился о благолепии храма, защищал интересы прихода и перед светским чиновником, и перед архиерейской службой. Однако общая тенденция была такова, что светские патроны имели притязания распоряжаться в своей церкви как епископы. Рукоположение священника стало определяться не избранием его архиереем, а назначением патрона. Польские короли и князья литовские стали назначать митрополита и епископов в своем государстве, игуменов монастырей и настоятелей храмов, которые построили на свои средства. Им подражали в

своих имениях меньшие властители, также назначая и изгоняя священников. Городские общины строили своим иждивением церкви, избирали для них старост и тоже выступали в роли патронов, стараясь присвоить себе епископские полномочия надзора за своими храмами и духовенством.

Отцы Виленского собора старались ограничить злоупотребления правом патроната. Они запрещали принимать священника без благословения архиерея, также и изгонять священника без письменного изложения его вины и суда архиерейского. Если храм пустует и богослужения не проводятся в нем более трех месяцев, то епископ назначает туда священника не считаясь с мнением патрона того храма. В заключение участники собора постановили не уступать возможным протестам вельмож против означенных правил. Если необходимо, то созывать чрезвычайный собор для отстаивания интересов Православной Церкви перед главой государства — князем литовским.

Однако правила собора 1509 г. были далеки от исполнения. Большинство из них осталось только на бумаге. Право патроната в течение XVI в. стало для Киевской митрополии одним из самых больших зол. Главные патроны Православной Церкви, одновременно польские короли и литовские князья, были католиками и покровителями католичества. Стесняемые военными нуждами, они все более и более попадали в зависимость от мелкопоместного дворянства — шляхты, награждая приближенных за выслугу лет и ратные подвиги не столько деньгами и почестями, сколько доходными должностями, в том числе и епископскими. Такой «нареченный» епископ, пропахший порохом войны, охоты и парами бесшабашных пирушек, совсем не стремился оставить свой прежний образ жизни и смотрел на церковные имения как на награду. Нередко такие «нареченные» епископы уже подсчитывали «доходы» епископа еще здравствующего, и даже после кончины последнего не один год могли оттягивать свое рукоположение, не испытывая к священническому служению такого влечения, какое имели к церковной скарбонке.

Беспорядки в церковной жизни нарастали. Епископы в споре друг с другом и митрополитом обращались к королю. Горожане судились со священниками, монахи с архимандритами. Между мирянами и епископами стало возникать отчуждение и взаимное недоверие. В это время развились западно-русские братства, которые приняли на себя часть миссионерских, благотворительных и административных обязанностей упавшего во мнении общества духовенства. Об этом речь пойдет уже в следующем номере.

16. Начало западно-русских братств

Жизнь Церкви не ограничивается службами и проповедями духовенства, это жизнь общинная: монашеская или приходская. Община строит храм, избирает священника и посредством старосты следит за состоянием храмового имущества. В средние века если церковь была построена на земле государственной (королевской, великокняжеской), то жизнь общины (монастыря, прихода) часто зависела от княжеской администрации, если на земле частновладельческой — от власти панской, а если в городе — от городских властей. В XVI в. злоупотребления правом патроната (см. «Воскресение» № 8), когда на церковные должности назначались лица малодостойные, привели к ослаблению влияния духовенства в жизни общественной. В это время из городских профессиональных союзов (цехов) стали создаваться союзы, выдвигающие на первый план своей деятельности религиозные цели. Так появились знаменитые западно-русские братства, вставшие на защиту интересов Православной Церкви.

В Священном Писании есть такие слова: «Братство любите» (1 Пет. 2,17). Здесь подразумевается христианская община, где все мужчины как братья, а женщины как сестры во Христе. В книге Деяний апостольских очень тепло живописуется быт первых христианских общин: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» (Деян. 5, 32). Эти примеры из Священного Писания послужили образцом для благочестивого подражания. Первоначально целями православных братств были дела милосердия и служения ближнему.

Ремесленные союзы (цехи) городов, имевших самоуправление (Магдебургское право), создавались без различия вероисповеданий. Но с середины XV в. православные ремесленники стали образовывать внутри цеха свои отдельные собрания. Возможно, причиной такого обособления стало отвержение православными Ферраро-Флорентийского собора 1439 г., провозгласившего будто бы соединение Восточной и Западной Церквей, на самом же деле, только усугубившего это разделение. Во всяком случае, первое западно-русское православное братство появляется в самом 1439 г. во Львове. В 1458 г. другое братство образовалось в Вильно.

Пришел XVI в., и без малого пол-Европы было охвачено реформацией. Молодые люди из знатных фамилий, учившиеся в университетах Германии, принесли в Польшу и Литву новые религиозные веяния. Мода на протестантизм охватила не только католическую, но частично и православную шляхту. Вслед за реформацией пришла контрреформация. Католический орден иезуитов, обосновавшийся сначала в Польше (с 1564 г.),

а затем в Литве (с 1569 г.), ревностно начал возвращать «заблудших овец в единую римскую овчарню». В 1569 г. в результате Люблинского соглашения Польское королевство и Великое княжество Литовское соединились в одно государство - Речь Посполитую (Rzeczpospolita Polska). Католическое влияние на западно-русских землях усилилось. В 1583 г при короле Стефане Батории православных пытались централизованно склонить к принятию григорианского календаря. Король Сигизмунд III (1587-1632) показал себя ревностным католиком, началась активная пропаганда церковной унии.

В этих обстоятельствах православные братства начали умножаться и ставить перед собой не только благотворительные цели. Необходимы были меры к защите Православия. В 1586г. во время посещения Львова Антиохийский патр. Иоаким дал старейшему Львовскому братству первый устав, который стал впоследствии образцом для всех остальных. В нем, помимо обычных правил о выборе старейшин, братской кружке, братском суде и взаимной помощи, давались права обличать поступки своих членов, противные закону Христову, даже отлучать их от Церкви, обличать самих епископов. Стало обычным для братства содержать больницу и богадельню для дел милосердия, школу и типографию для дела просвещения. Членами братства теперь становились не только жители одного города, но и православные из отдаленных мест, живущие даже в других государствах: епископы, монахи, священники, князья, паны, мещане. В братство вступали иногда целыми приходами. Кроме старейших братств — Львовского и Виленского — учреждаются братства Луцкое, Киевское, Могилевское, Слуцкое, Брестское, Минское, Пинское, Оршанское и др. Каждое братство именовалось по названию храма, при котором было основано. Так Львовское - в честь Успения Богородицы, Виленское — в честь Св. Троицы, Могилевское — в честь Богоявления Господня, Слуцкое — в честь Преображения, Брестское — в честь свт. Николая, Минское — в честь св. апп. Петра и Павла.

Раз в год после Пасхи, в неделю о Фоме, братчики избирали из своей среды четырех старшин. Они проводили собрания, представляли братство перед светскими властями, возглавляли братский суд, хранили казну, следили за состоянием имущества и т.д. Каждую неделю после воскресной службы братчики проводили собрания, а если необходимость требовала какой-нибудь чрезвычайной сходки, то по городу обносилось братское знамя. Ежегодно все делали денежные взносы (обычно 6 лит. грошей) или давали определенное количество свечного воска. Важной статьей братского дохода была выручка от продажи книг своей типографии.

Королевская власть не препятствовала образованию церковных братств, подтверждала их привилегии, одной из которых было право на строительство новых храмов и монастырей. Когда по приказу короля Сигизмунда III и проискал униатов православные храмы будут закрываться,

одни только братства сохраняют свою привилегию на постройку новых церквей. Другое важное преимущество заключалось в содержании братской типографии и издании православной литературы, в том числе полемической. Немалое значение имели также братские школы. Из них Киевская коллегия стараниями митр. Петра Могилы приобретет значение первого центра просвещения не только для православных всей Киевской митрополии, но и Русской Церкви с центром в Москве.

Брестская церковная уния 1596 г. станет тем испытанием, в котором православные западно-русские братства окрепнут. Это будет время закалки, при которой железо превращается в булат, а душа терпением преодолевает страдание.

«Воскресение», № 9 (62), 2004 г.

17. Брестская уния 1596 года (часть I)

Брестская уния 1596 г. ознаменовала целый период истории Православия на белорусской земле. До первой пол. XIX в. церковная уния разделяла прежде бывшую здесь единой православную паству на принявших католическое вероучение униатов и оставшихся верными восточному учению православных.

Само слово «уния» перешло в русскую лексику из польского языка, а корень этого слова латинский. «Уния» означает «союз», «соединение», «согласие». История же церковной унии показала, что это не союз или согласие, а подчинение части православной паствы Католической церкви с римским епископом (папой) во главе. Подчинение, имевшее самые горькие последствия. Так, в жалобе православной шляхты Белой Руси и Украины Варшавскому сейму 1623г. уния именуется яблоком раздора, брошенным между поляками, русскими и литовцами. «Оно вместо единства и согласия, — говорили тогда православные делегаты, — повлекло за собой разногласия, отталкивающую вражду, ненависть, беспорядок и не на благо нашей родины, оно, вероятно, во время сна людей было брошено врагом человеческим». История Брестской унии — это история борьбы за свободу исповедания православной веры в пределах государства Речи Посполитой Польской.

Есть люди, которые говорят, что союз между религиями есть дело прогрессивное и, прямо-таки, мечта человечества. Есть другие, которые говорят, что Брестская уния выявила самобытность белорусского народа, что это его национальная религия. Они видят только идею, она увлекает их своей наглядной привлекательностью. Но как хороша та или иная идея на

практике? Вдруг для ее осуществления применяются обман и насилие? Можно ли обман оправдать во имя «прогресса» и насилие во имя «национального возрождения»? Пусть исторические факты помогут дать правильные ответы.

Идея церковной унии как восстановление утраченного единства между европейским Востоком и Западом бытовала уже с самого начала церковного раскола. Слышала о ней и молодая Церковь Русская. Еще во времена св. Ольги и св. Владимира, крестителя Руси, в Киев приходили римские посольства. По этому поводу было написано послание от Константинопольского патриарха русскому митрополиту не сообщаться с латинянами. Затем каждое столетие при каждом удобном случае римские папы слали словесные обращения: будь то свадьба русской княжны с польским королем или великокняжеские усобицы. Но католическая миссия не имела успеха. В 1233г. князь Владимир Рюрикович даже изгнал появившийся было в Киеве орден доминиканцев.

Несколько раз римским папам как будто удавалось распространить свою власть на Греческую Церковь, когда Византия находилась в критическом положении под осадой турок. Так появились в 1274г. Лионская и в 1439г. Ферраро-Флорентийская унии. Условия соглашения были такими: православные признают католическое учение о главенстве папы, об исхождении Святого Духа (лат. *Filioque* - «и от Сына»), о чистилище и при этом сохраняют свои богослужебные традиции, т.е. обряды. Но вынужденные политическими обстоятельствами и давлением императорской власти условия были отвергаемы православным народом, отступали от них и сами греческие епископы. Таким образом, уния заключалась только на бумаге.

Иные благоприятные условия для католической миссии складывались в государстве, где совместно проживали литовцы и русские. До тех пор, пока эта страна сохраняла опоры своей независимости, здесь трудно было утвердиться католичеству даже при помощи оружия сильного монашеского ордена. Но когда Великое княжество Литовское стало подпадать влиянию католической Польши, тогда появилось небывалое прежде приобретение прав и вольностей по религиозно-национальному признаку. Всеми преимуществами могли обладать только католики-литовцы (см. «Воскресение» №2, 2004). Династический союз двух государств, Польши и Великого княжества Литовского, когда два государства возглавлял один общий правитель, подготовил их слияние в одно целое. Так состоялась Люблинская уния 1569 г. Теперь в едином государстве господствовал единый сейм и единый король, но еще сохранялось религиозное различие. Когда католичество имело своим союзником светскую власть, то оно не отличалось веротерпимостью. Сразив протестантство в Речи Посполитой в напряженной

борьбе, римское духовенство, лидером которого стал орден иезуитов, приступило к пропаганде унии среди православных.

В 1577 г. первый раз издается сочинение иезуитского проповедника Петра Скарги «О единстве Церкви под единым пастырем». «Милые братья, — восклицал в своей книге Скарга, — почему вы от нас отступили, от единственной главы своей, от верховного пастыря отделились?» После защиты католического учения о власти папы и других латинских нововведений, напомнив о заключении Ферраро-Флорентийской унии, Петр Скарга переходит к описанию печального положения Православной Церкви. Священники вступают в брак, пекутся только о мирском, огрубели как холопы. Язык церковнославянский держит русских в невежестве, потому что языком богословия и школы могут быть только греческий или латинский. Наконец, права православного духовенства попираются мирянами, которые вмешиваются в церковные дела. Выход начертан Скаргой только один — это уния, дань послушания римскому епископу.

В кон. XVI в. православная Киевская митрополия, включавшая в себя земли современной Западной Украины и Беларуси в составе Речи Посполитой, действительно находилась в тяжелом положении. Православные были многочисленны, насчитывалось приблизительно 11 тыс. священнослужителей и соответственно немногим менее храмов и монастырей. Однако общественное положение духовенства и его влияние на народ было незначительно. Многие представители высшего сословия, знать, потомки русских удельных князей и бояр, прельстившись политическими выгодами и вкусив плоды иезуитского школьного образования, оставляли Православие и уходили в католичество. Также поступала и мелкопоместная шляхта. Православными оставались в своей массе только крестьяне и мещане. Самым болезненным явлением церковной жизни было нарастающее недоверие между высшим духовенством, епископами, и мирянами, составлявшими братства (см. «Воскресение» № 8,9. 2004). «Как, — говорили владыки, — какой-нибудь сходке ремесленников, седельников и кожевников, неучам в вере, дать право составлять приговоры о делах Церкви!» Миряне со своей стороны были недовольны епископами, которые выглядели более светскими панями, чем пастырями. Константинопольский патриарх Иеремия, посетивший Киевскую митрополию в 1588-1589 гг., поддержал братства, изъял некоторые из них из подчинения местным архиереям. Недовольные епископы решили уйти от послушания греческому патриарху, присягнув римскому папе. Так они надеялись не только вернуть свои прежние полномочия, но и добиться новых выгод, которыми располагали католические бискупы, заседавшие вместе с королем и магнатами в государственном совете.

18. Брестская уния 1596 года (часть II)

Когда королем Речи Посполитой стал Сигизмунд III (годы его правления 1587-1632), ревностный католик и воспитанник иезуитов, для заключения церковной унии создалась благоприятная обстановка. В 1590 г. иезуитский проповедник Петр Скарга во второй раз издает свою книгу об унии и прямо посвящает ее королю. Без единства церковного, говорит Скарга, невозможно осуществить полного государственного единства Речи Посполитой.

В 1591 г. четыре западно-русских епископа присылают королю Сигизмунду III свое согласие на унию с Римом. Владыки поставили условиями унии сохранение восточных обрядов и своих иерархических полномочий. Король с радостью прочитал это пока еще конфиденциальное обращение и принял епископов под свою защиту. Так начались переговоры о соединении с Римской церковью. Среди сторонников унии особенно выделялись епископ Брестский Ипатий Потей и епископ Луцкий Кирилл Терлецкий. Свое согласие на унию тайно дал и митрополит Киевский Михаил Рагоза.

Идея церковной унии, пропагандируемая католиками, обсуждалась, конечно, среди разных слоев православной паствы. Известный покровитель Православной Церкви, престарелый князь Константин Острожский, считал, например, что уния — это возможно благоприятный выход из того состояния " нравственного упадка и подавленности, в котором находились и народ, и православная иерархия. Но обсуждение условий унии, по мнению князя, должно было вестись открыто и с участием православных патриархов, в особенности, Константинопольского и Московского. Известно также, что собор женатого и монашествующего духовенства Львовской епархии, созванный во Львове в 1595 г. по частной инициативе епископа Гедеона Балабана, единогласно высказался за подчинение римскому папе. Православные миряне, составлявшие братства, наоборот, отрицательно относились к идее унии. В послании патриарху Константинопольскому Иеремии в 1592 г. львовские братчики описывали, какое было бедственное брожение умов и состояние Православной Церкви: «Горе миру от соблазнов! Епископы похитили себе право распоряжаться монастырями, ввели в них своих родственников и мирских урядников, истощили все церковные имения и разорили обители так, что монахи разбегаются, и в монастырских храмах служат мирские священники. Многие из духовенства укрепились в решении предаться Римскому первосвященнику. А папа римский прислал своего

священника (грека, принявшего унию - А.Х.) и велел ему совершать службу в здешних костелах по восточному обычаю. Иезуит Петр Скарга проповедует унию самому королю, и власть мирская готовится совершить все по своему хотению. Простой народ рассуждает, что вера Христова может правомерно исповедоваться и под римской властью». Братские типографии начали издавать сочинения против соединения с Католической церковью.

Епископы-сторонники унии решили скрытно вести переговоры между собой и королем. Они обсудили и составили условия заключения унии для римского папы и получили от Сигизмунда III гарантии неприкосновенности своего церковного и имущественного положения. Важнейшим условием было обозначено сохранение православного вероучения, восточных традиций и обрядов. Епископы хотели просто переменить послушание греческому патриарху на подчинение римскому папе. Король отрядил двух самых деятельных сторонников унии епископов Ипатия Потей и Кирилла Терлецкого с условиями унии и челобитной посланниками в Рим.

23 декабря 1595 г. состоялась торжественная аудиенция русских послов в Риме. Дело происходило в большой зале Ватиканского дворца, называвшейся Константиновой. Папа Климент VIII восседал на своем троне, рядом с ним находилась вся коллегия кардиналов, состоявшая тогда из 33 членов. Тут же присутствовали многие епископы Римской церкви, послы, высшие сановники и придворные чины. Перед лицом этого многочисленного собрания предстали послы, епископы Ипатий Потей и Кирилл Терлецкий со своими спутниками. Оба посла сначала сделали три приветственных коленопреклонения и затем, приблизившись к папе, поцеловали его ногу, далее, стоя на коленях, изъяснили цель своего пришествия и от западно-русских епископов. Затем они отступили обратно к своим спутникам, стоявшим на коленях у входа в заседание коллегии. После оглашения челобитной, т.е. декрета об унии западно-русских владык, на латинском и русском языке, послы снова приблизились к папскому трону и, стоя на коленях, присягнули папе перед Евангелием. После чтения присяги епископы опять целовали папскую туфлю. Затем папа объявил во всеуслышание о принятии в общение всех западно-русских епископов, их клира и мирян, обнял и лобызал послов, преподал общее благословение и оставил собрание.

Православная паства была взволнована. Еще до отъезда послов в Рим от союза епископов, согласных на унию, отмежевались Гедеон Балабан и Михаил Копыстенский. Князь Константин Острожский, возмущенный ведением тайных переговоров, опубликовал открытое воззвание: «стоять в Православии пока хватает сил». В Вильно кафедральный проповедник Стефан Зизаний открыто обличал измену епископов и критиковал католическое вероучение. Православные добивались от короля разрешения на открытие собора для рассмотрения епископских полномочий вести самостоятельные переговоры о церковной унии с Римом. И король, и

митрополит, и епископы, присягнувшие папе, понимали, что без проведения собора невозможно объявить унию законной. Но они не могли решиться на обсуждение уже совершенного ими. После возвращения послов стало известно, что они сделали уступок в Риме более, чем были уполномочены. Хотя православным было разрешено папой употребление Символа веры без римской вставки об исхождении Святого Духа «и от Сына», но послы согласились со смыслом этой вставки, признали католическое учение о чистилище, индульгенциях, причастие под одним видом хлеба. И это понятно: ведь признание главного — учения о власти папы в Церкви — естественно влечет за собой признание всех остальных особенностей католического учения, провозглашенных через папу. Сами обряды православные были допущены с оговоркой: «если только эти обряды и церемонии не противоречат истине и учению католической веры». Так был совершен обман, скоро приведший к насилию.

6 октября 1596 г. в Бресте открылся церковный собор. Однако он сразу разделился на униатский и православный. Первый проходил во главе с митрополитом Михаилом Рагозой и согласившимися на унию епископами, с участием представителей католического духовенства и королевских послов. Другой собор возглавил посол Константинопольского патриарха экзарх Никифор с двумя несогласными на унию западно-русскими епископами с участием большого числа духовенства и мирян. За нарушение архиерейской присяги о послушании своему главе, патриарху Константинопольскому, а также за отступление от православной веры митрополит Михаил Рагоза и единомышленники с ним епископы были лишены православным собором своего сана, а пропагандируемая ими уния была отвергнута. Униатский же собор объявил соединение с Римской церковью состоявшимся, а собор православного духовенства и мирян незаконным. Оба собора обратились за утверждением к королю. Сигизмунд III признал решения униатского собора. Теперь только Униатская церковь считалась законной. На православных, не принявших унию, начались жестокие гонения. Первым пострадал по ложному обвинению экзарх Никифор. Он был схвачен и заточен в Мальборкском замке, где был уморен до смерти.

Брестская уния расколола Православную Церковь в Речи Посполитой. Положение оставшихся верными Православию стало неимоверно тяжелым. Особенно это сказалось на жителях белорусской земли. Здесь не осталось ни одного православного епископа. Храмы насильно отбирались и передавались униатам, несогласных священников мучили до смерти или изгоняли. Насильственные меры только усиливали вражду между православными и униатами. Брестская уния с тех пор стала одним из самых серьезных препятствий на пути истинного церковного единения Запада и Востока.

19. Первые богословские споры вокруг Брестской унии.

С самого начала XVI в. стал временем религиозных споров в Западной Европе. Распространение реформации и ответ на это католической реакции всколыхнул и Речь Посполитую в обеих ее частях: польской и литовско-русской. Благодаря активной деятельности ордена иезуитов католичество быстро возвращает здесь потерянное было влияние в общественной жизни. Католическая полемика уже направляется теперь не только на протестантов, но и на православных. Идея унии, послушания римскому папе, навязывается сочинениями отцов-иезуитов Петра Скарги «О единстве Церкви Божией под одним пастырем» (1577г. - первое и 1590г. - второе издание) и Бенедикта Гербеста «История веры Римского костела и греческой неволи» (1586г.). В 1595г. издается «Уния греков с костелом Римским», приписываемая Ипатю Потю. Православные не медлят с ответом на эти призывы к «единству». Появляется книга свящ. Василия «О единой истинной православной вере» (1588г.). Учитель виленской братской школы свящ. Стефан Зизаний гласно обличает не только иезуитские подкопы, но и закулисные совещания самих западно-русских епископов. В 1596г. он издает перевод «Слова» св. Кирилла Иерусалимского об антихристе с прибавлением опровержения новых ересей, подразумевая, что время пропаганды унии — это время антихристово.

Заключение унии в Бресте на одном соборе (униатском) и проклятие ее же на другом соборе (православном) (см. «Воскресение» №11, 2004г.) — только обострили религиозную полемику. Каждый собор опровергал решения другого. Известно, что светская власть в лице короля Сигизмунда III встала на сторону униатов, что осложнило православным свою защиту. По причине гонений большинство православных полемистов скрывали свои настоящие имена и подписывались псевдонимами. Ниже называются важнейшие полемические сочинения между католиками и униатами с одной стороны, православными — с другой. Их много, да не утомится благосклонный читатель. Все это факты истории, факты, ясно свидетельствующие о том, что уния была не примирением, а настоящим фронтом религиозной борьбы.

Новое сочинение иезуита Петра Скарги «Брестский Собор и оборона его» (1596г.) нашло себе ответ в «Апокрисисе» (возражении) Христофора Филалета (псевдоним). Книга была издана в 1597г., предполагают, что автор — протестант Христофор Вронский. В том же году вышел «Эктезис» — краткое изложение деяний православного собора в Бресте. Тогда Ипатий Потей издал «Справедливое описание синода Брестского» с униатской точки

зрения (1597г.). На что скоро появился «Ответ клирика Острожского Ипатию Потею» (1598г.).

Книга «Апокрисис» так сильно раздражала католиков, что на нее вышло ругательное сочинение «Антиррисис» (1600г., автор — грек Петр Аркудий). Православные продолжали полемику. В 1603г. неизвестный написал «Вопросы и ответы православного папезникам». В 1605г. во Львове издано новое историческое сочинение против унии «Перестрога» (предостережение). В том же году Ипатий Потей издал подложную грамоту (датируемую 1476г.) с описанием униатского Флорентийского собора и обращением киевского митрополита Михаила и всех панов русских к папе Сиксту IV, якобы свидетельствующую о давнем существовании унии в Западной Руси. В 1608г. он напечатал еще одно сочинение в пользу унии — «Гармония Восточной Церкви с костелом Римским». В 1610г. появился «Фринос» или «Плач» о Православной Церкви в Западной Руси Мелетия Смотрицкого {под псевдонимом Феофила Ортолога), талантливого церковного писателя, к великой скорби и смущению православных, впоследствии отступившего от родного исповедания и перешедшего в унию. На это трогательное сочинение иезуит Петр Скарга тотчас ответил «Предостережением Руси против жалоб и воплей Феофила Ортолога», а в 1612г. Николай Мороховский продолжил критику в сочинении «Паригория или утолнение плача». В 1617г. униатский архимандрит Лев Кревза написал "Оборону унии», и в 1621г. в ответ на это сочинение вышла «Палинодия» (с греч. «песня наперекор») православного архимандрита Захарии Копыстенского, в которой вполне разрешены все догматические и исторические вопросы, связанные с возникновением унии. Большое влияние на православную паству также имели вдохновенные послания патриарха Александрийского Мелетия Пигаса и письма афонского инока Иоанна Вишенского "о латинских обольщениях".

Все эти полемические сочинения писались о главном предмете: что такое уния между Римской церковью и Православной Церковью по своей сущности. Обе стороны сходились в определении, что уния — это подчинение римскому папе. Однако само право папы на такое подчинение католики и униаты утверждали, а православные отрицали. Первые прибегали к воспоминаниям о Флорентийском соборе и приводили самые разные исторические известия о якобы бывшем некогда послушании патриархов константинопольских римским папам. Вторые вскрывали исторические подлоги своих оппонентов и свидетельствовали о равенстве римского епископа и восточных патриархов. «Никто не хвались человеками», — цитировали православные слова ап. Павла (1 Кор. 3,21) в опровержение латинских выдумок о преимуществах папы.

Сопутствующей темой было заключение унии в Бресте: могли ли православные иерархи подписывать унию без согласия своей паствы?

Католическая и униатская сторона однозначно утверждали, что епископы имеют безусловную власть в таких вопросах. «Они пастыри, а вы овцы, — писал Петр Скарга, — они начальствующие, а вы подданные». Никакого согласия и одобрения «низов» здесь не требуется, только подчинение. Православная сторона указывала на то, что послушание пастырям прекращается в случае отступления их от правого исповедания веры. Православные отвергали постановления Брестского Собора, заключившего унию с Римом, поскольку ради этого соглашения была принесена в жертву православная вера. «Не прелагай предел вечных, яже положиша отцы твои», — цитировали они слова Священного Писания (Притч. 22,28). Спор переходил в область догматов веры, касался вопроса об исхождении Святого Духа (католического Филиокве), учения о чистилище, и так доходил до внешних различий — причащения под одним (католическая облатка) или двумя видами (хлеб и вино у православных).

Полемика продолжалась все время существования унии. Однако с закрытием братских типографий она ослабела, православных втягивали в многочисленные судебные процессы, их депутаты безуспешно добивались правды на сеймах и, наконец, доведенный до отчаяния народ взялся за оружие под руководством казацкой вольницы. Необходимо отметить, что с самого начала споры вокруг унии были жесткими, непримиримыми, и в то же время обе спорящие стороны старались привести в свою защиту доводы богословской науки, основанные на Священном Писании, творениях святоотеческих и фактах церковной истории. Полемика способствовала развитию у православных систематического богословского преподавания, переходу от братских школ к Киевской духовной академии.

«Воскресение», № 2 (67), 2005 г.

20. «Витебское дело» или убийство Иосафата Кунцевича

Брестская церковная уния привела к расколу православной паствы в Речи Посполитой и послужила поводом к сильному религиозному конфликту. Словесной полемикой (см. «Воскресение» № 2, 2005) дело не ограничивалось. Католики и униаты с одной стороны, православные с другой, обращались к государственной власти с жалобами друг на друга. Для одних законы служили средством для нападения, а для других — средством для защиты. Но обе стороны не смогли удержать себя в рамках законности. Жестокие притеснения привели к кровопролитию.

15 декабря 1596г., чуть более месяца прошло после провозглашения унии с Римской церковью на Брестском соборе, король Сигизмунд III издал окружную грамоту в поддержку унии, чтобы православные духовенство и миряне «постановлению того собора ни в чем противны не были». В марте

1600г. еще одна королевская грамота определяет, что все прежние права и привилегии, которыми пользовалось православное духовенство, переходят к униатам. Кто не принял решения Брестского собора, а среди таких были два западнорусских епископа, большинство духовенства и мирян, католическими и униатскими духовными лицами трактовались как мятежники, неповинующиеся своим законным пастырям. В связи с чем меры против них применялись самые жестокие. Православные храмы по первому требованию передавались униатам, а жалобы тех, кто были верными своему родному исповеданию, оставались без удовлетворения. Во власти униатского меньшинства оказывалась не желавшая унии многочисленная православная паства. В письме к папскому нунцию в Польше (14 дек. 1622г.) прямо сказано что «только небольшое количество лиц из духовенства и еще меньше из народа выражало желание присоединиться к унии, считалось, что она была введена без их согласия, ради удовлетворения личных интересов и тщеславия небольшого круга лиц. Фактически существуют епископы и пастыри-униаты, но они почти без паствы».

Для обращения в унию насилие и разного рода неправды стали обычным средством воздействия. Вот что говорил на Варшавском сейме в 1620 г. депутат от волынской православной шляхты Лаврентий Древинский: «Кто ж, о Боже живой! Явственно сего не видит, сколь великие притеснения и несносные огорчения сей древний российский народ, в рассуждении благочестия своего претерпевает? Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях вместо монахов скот запирают. В Могилеве и Орше церкви запечатаны, священники разогнаны. В Пинске то же учинено, монастырь Лещинского в питейный дом превращен. Вследствие этого дети без крещения от сего света отходят, тела умерших без церковного обряда из городов, как мусор вывозятся. Народ без исповеди, без приобщения Святых Тайн умирает. Неужели это не Самому Богу обида? Что во Львове делается? — Кто греческого закона и к унии не преклонен, тот в городе жить, купечествовать и в ремесленные цехи совсем не может быть принят. Если же кто в городе отважившись жить, умрет, того тело по обряду церковному к погребению проводить не разрешено, также и открыто идти к больному с Тайнами Христовыми».

Среди униатских епископов находились люди, которые почитали хорошими подобные средства принуждения. Это приводило к озлоблению против них. В 1609г. в Вильно на униатского митрополита Ипатия Потя (сменившего Михаила Рагозу в 1599г.), который собственноручно мог избить священника, не принимавшего унию, было совершено покушение. На него с саблей бросился гайдук (вооруженный панский слуга), митрополит пытался заслониться от нападавшего рукой, но потерял при этом два пальца. Виновный тотчас был схвачен и затем казнен после страшных пыток.

Отсеченные же пальцы положили на престоле в Свято-Троицком монастыре г. Вильно.

Более трагичной была судьба полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича. Рукоположенный в свой сан из простой, нешляхетской фамилии (вопреки сложившейся традиции), он отличался необычайной ревностью в деле распространения унии среди православных. Действуя убеждениями и проповедью там, где не встречал явного сопротивления, Кунцевич доходил до жестокости, если встречал твердый отпор. Он не позволял проводить неуниатам богослужения, отнимал храмы и изгонял священников. В Могилеве и Орше более пяти лет были закрыты церкви, так что люди не могли ни крестить своих детей, ни исповедаться, ни причаститься, ни венчаться, разве только ехать для этого за десятки километров в другие места. Служить не разрешалось даже в шалашах, устроенных за городом. В Полоцке архиепископ приказал раскопать свежие могилы и выбросить из них тела умерших православных как какую-нибудь падаль. Даже католики с возмущением смотрели на жестокие меры Кунцевича. Литовский канцлер Лев Сапега отвечал Полоцкому архиепископу на его обращения: «Мне никогда и в мысль не приходило, чтобы Ваше Преосвященство решились приводить людей к унии столь насильственными средствами... Вы же неосмотрительными усилиями принудили русский народ ожесточиться... У вас полны земские суды, полны магистраты, полны ратуши, полны повесток, тяжб, доносов. Одна уния виновница всех этих несчастий. Когда насильствуете совести людские, когда запираете церкви, чтобы люди без благочестия, без христианских обрядов, без священных треб пропадали как неверные».

Кунцевич открыто признавался, что не боится смерти за унию, что он хочет быть умученным за нее. В 1623г. архиепископ приехал в Витебск. Приближенные лица предупреждали его перед этой поездкой, предупреждали сами витебские городские власти, что жизни его здесь грозит опасность, но тот искал смерти. В течение двух недель Кунцевич жил в городе в своем архиерейском доме без вреда для здоровья. Но когда он дал приказание схватить православного священника Илью, шедшего из города для совершения службы (православным по-прежнему запрещалось проводить богослужения в городе), то это привело к народному возмущению. Униатский архиепископ был растерзан горожанами, его израненное тело было брошено в Двину в самом глубоком месте реки. Это мученичество было вынужденным, эти страдания были мщением за насилия. Униаты, несмотря на это, причислили Иосафата Кунцевича к лику святых и покровителей унии.

Православных жителей Витебска постигло суровое королевское возмездие. Сам римский папа Урбан III взывал: «Жестокость убийц не должна остаться безнаказанной... Пусть ересь почувствует, что жестоким преступникам нет пощады». В течение трех дней суд был завершен. 19

человекам были отрублены головы, многие бежавшие были приговорены к смерти заочно. У города было отнято право самоуправления (Магдебургское право). Звон в колокола был запрещен на некоторое время во всех храмах и проч. Здесь королевский суд был скор на расправу, но не на правосудие. Многочисленные жалобы православных людей на притеснения от униатских духовных и светских католических властей, которые поднимались не только перед местными судами, но и на сеймах, находили большей частью один ответ: «За множеством дел вопрос о примирении людей, разделенных в греческой религии, отлагаем на рассмотрение в следующий раз, предлагаем им соблюдать тишину и окончить до времени свои споры».

«Воскресение», № 3 (68), 2005 г.

21. «Казацкая угроза» в защиту Православия

Религиозный конфликт из-за Брестской унии тотчас перерос в межнациональную рознь, вооруженную борьбу западноруссов против поляков. На белорусских землях не было той силы, которая могла бы организованно поднять оружие в защиту веры. Эта сила явилась на украинских землях.

К сер. XVI в. на южных границах Литовского княжества и Московского государства свою самостоятельную организацию создали т. н. казаки или, как их еще иногда называли, черкасы. Это смешанное и свободолюбивое население вело крестьянский образ жизни, сочетавшийся с разбойничьими промыслами, для чего легко объединялось в легкое конное войско с выбранными старейшинами. Правительство соединенного государства — Речи Посполитой — пыталось содержать казаков для обороны своих южных границ от крымских татар и турок и одновременно ограничивать их растущее количество. Польские паны и шляхта охотно приобретали богатые украинские земли, подчиняя казаков законам шляхетской республики. Церковная уния повлекла за собой ожесточение борьбы казаков с наступающими на них панами.

Обычные методы стеснения православных в пользу унии находились на Украине на грани с нехристианским глумлением. Католические правители городов и деревень отдавали ключи от православных храмов евреям. Теперь, чтобы отслужить обедню или крестить ребенка нужно было заплатить иноверцу большие деньги, только тогда храм открывался просителям. Понятно, какая ненависть к «ляхам и жидам» клокотала в душе казака. Восстания против притеснителей последовали одно за другим. Эти восстания волновали не только жителей Украины, но имели свое продолжение и на

Беларуси. Еще в 1595г., когда подготавливалось введение унии, казацкое ополчение Наливайко захватило Слуцк и Могилев, а на обратном пути — Пинск. Везде казаки грабили и своих, и чужих, а поляков и ксендзов убивали без пощады. В 1617-1618 и 1620 гг. Иерусалимский патриарх Феофан, во время путешествия в Москву туда и обратно, останавливаясь в Киеве, принял покаяние казаков за грабежи Московского государства в смутное время и, что особенно важно, восстановил в Киевской митрополии православную иерархию. После кончины епископа Львовского Гедеона Балабана (1607) и епископа Перемышльского Михаила Копыстенского (1612) в пределах Речи Посполитой оставался только один православный епископ, не принявший унию, — Иеремия Тиссаровский (во Львове). Патриарх Феофан рукоположил (1620г.) митр. Иова Борецкого и 6 епископов. В числе последних были Мелетий Смотрицкий для Полоцка и Иезекииль Курцевич для Владимира-Волынского и Бреста. И польское правительство, объявившее этих иерархов врагами отечества, не могло явно схватить их, т.к. они были защищены угрозой сильного казацкого гетмана Сагайдачного.

«Казацкая угроза» и в 1632г., при избрании нового короля, Владислава IV, привела к обсуждению на польском сейме «статей для успокоения греческой религии», которые возвращали бы православным свободу вероисповедания и частично восстанавливали православную иерархию — митрополит в Киеве, епископы в Перемышле, Львове, Луцке и Могилеве. (Именно Могилевская кафедра оставалась единственной православной епископией на белорусских землях даже до последних лет существования Речи Посполитой.) Однако на сейме 1635г. Владислав IV был вынужден сильной католической партией издать указы в пользу унии, которые противоречили недавно принятым «успокоительным статьям». Униатам на «вечные времена» отходили архиепископство Полоцкое, епископства Владимирское, Пинское, Холмское, Смоленское с их монастырями и церквями. К ним также отходил Виленский Троицкий монастырь. В Витебске, Полоцке и Новогрудке православным вообще запрещалось иметь свои храмы.

Продолжающиеся притеснения привели к еще более энергичной борьбе казаков против унии и панов. Ее возглавил казацкий гетман Богдан Хмельницкий. Польский шляхтич Чаплинский, который не только показывал свою силу над Богданом, сковывая цепями его семью, но и доходил в своем самоуправстве до крайних пределов, наказывая плетью на базаре 10-летнего сына Хмельницкого (так, что тот умер от ран), возбудил в казацком атамане ненависть против всех поляков. Угрозой смерти вынужденный бежать в Запорожскую Сечь, Хмельницкий подготовил восстание в начале 1648г. В Варшаве ходили слухи, что сам король Владислав IV, не имевший уже силы обуздать своеволие магнатов, некогда в личном разговоре с Богданом (бывшем в числе казацких жалобщиков) указал атаману одно средство для

удовлетворения обид — его саблю. У Желтых вод и Корсуня Хмельницкий нанес два страшных поражения полякам. Казацкие отряды доходили до Бреста и Кобрина, везде поднимая русское население против панов. В 1649г. под Збаражем был заключен мир с новым польским королем Яном Казимиром (годы правления 1648-1668), главными условиями которого со стороны казаков были возвращение их прежних вольностей, уничтожение унии, восстановление прав Православной Церкви, изгнание иезуитов и евреев из украинских городов. Но поляки не думали соблюдать этих уступок. Снова начались военные действия. В 1651г. неудачи Хмельницкого привели к подписанию Белоцерковского договора, по которому казацкая Украина возвращалась к своему бесправному положению. Началось массовое бегство православных в соседнее Московское государство. В 1653г. Малороссия присягнула царю Алексею Михайловичу, и в 1654г. началась изнурительная русско-польская война. Православие в Речи Посполитой приобрело себе нового защитника в лице правителей усиливающегося Московского государства.

«Воскресение», № 4 (69), 2005 г.

22. Подчинение западно-русской митрополии Московскому патриарху

От самого своего начала Русская Церковь находилась в подчинении патриархов Константинопольских. С образованием двух государств соперников — Московского Великого княжества и Великого княжества Литовского — единая прежде Церковь Русская постепенно стала разделяться. Подписание греческими архиереями Флорентийской унии с католичеством в 1439г. не было принято в Московской Руси. В 1448г. здесь самостоятельно поставили митр. Иону и вышли из подчинения Константинопольскому патриарху. В 1588г. Московская митрополия стала патриархатом. Митрополия же Литовская или Киевская, также отвергнув унию во Флоренции, осталась в послушании патриархов Константинопольских. Так совершилось разделение Русской Церкви (см. «Воскресение» 2004, №1).

Митрополия Киевская жила в условиях усиливающегося влияния католичества сначала в Великом княжестве Литовском, а затем соединенном государстве — Речи Посполитой. Брестская церковная уния расколола западно-русскую митрополию. Теперь здесь появились два митрополита «Киевских»: один униатский, а другой православный. Права православных на свободу своего исповедания были гарантированы королем и сеймом только в 1632г. благодаря вооруженным требованиям украинских казаков. Но фактическое гонение на православную веру не прекращалось. Малороссия

присягнула Московскому царю. В 1654г. началась война между Московским Царством и Речью Посполитой за Украину. Эта война имела важные последствия для Киевской митрополии.

Первое время удача сопутствовала русским войскам царя Алексея Михайловича, который начал военные действия в Белоруссии. После трех месяцев осады сдался Смоленск. Штурмом взят Витебск. Добровольно сдались Могилев, Полоцк, Орша, Гомель. В 1655г. были взяты Минск, Ковно, Гродно, Пинск и Вильно. Царь Алексей Михайлович рассылал грамоты, в которых объявлял свое заступничество православной вере, униаты или уходили на запад, в Польшу, или принимали Православие, так же белорусская и литовская шляхта или уходила, или оставалась служить московскому царю с сохранением всех своих прав и привилегий. Так вся Белоруссия и большая часть Литвы оказались под властью царя Алексея Михайловича.

В церковном отношении все присоединенные территории подпадали под руку Московского патриарха Никона, который уже в 1654г. именовался «Святейшим Патриархом Московским и всея Великия, и Малыя, и Белья России». В 1655г. в Полоцк им был рукоположен игумен витебского Маркова монастыря Каллист. В 1656г. определением Московского Собора на Смоленскую кафедру был назначен бывший суздальский епископ Филарет.

В то же время высшее духовенство Киевской митрополии, признавая московского царя защитником Православия, не собиралось признавать власти Московского патриарха. Присяга Малороссии во главе с Богданом Хмельницким царю Алексею Михайловичу имела политический характер, церковные же последствия этого шага еще только осмыслялись. Киевский митрополит Сильвестр Коссов послал царю особые условия, в которых просил оставить свою паству в подчинении Константинопольскому патриарху. Алексей Михайлович понимал, что одностороннее подчинение Киевской митрополии без разрешения Константинопольского патриарха будет грубым посягательством на его права. Патриарх Никон также, отправляя епископов в Белоруссию на вакантные кафедры, не посягал на подчинение самого Киевского митрополита. Вопрос о церковной юрисдикции был поставлен, но еще не решен.

В 1657г. на место умершего митр. Сильвестра был избран и посвящен Дионисий Балабан. Свободное избрание митрополита собором духовенства и православной знати — это давнее правило, практиковавшееся в западно-русской митрополии. И в этот раз из Москвы в него никто не вмешался.

Между тем русско-польская война приняла новый оборот. В 1655г. Швеция объявила войну Польше. Между Россией и Польшей было заключено перемирие — царь Алексей Михайлович признавался наследником польского короля Яна-Казимира и удерживал за собой Белоруссию — с условием совместного с поляками противостояния шведам.

Шведы были отражены. Одновременно часть казацкой старшины во главе с новым гетманом Иваном Выговским заключила с польским королем отдельный договор, чтобы отойти под власть Польши (Гадячский договор 1658г.). Снова начались военные действия между Польшей и Россией, неудачные для последней. В 1667г. было подписано Андрусовское перемирие: царь отказывался от Белоруссии, Малороссия к востоку от Днепра оставалась за Москвой. В 1686г. между враждующими сторонами был заключен «вечный мир», по которому Украина была окончательно разделена по Днепру, Киев остался за Россией и московский царь признавался покровителем Православия в Речи Посполитой.

Теперь вопрос о церковных отношениях между Москвой и Киевом должен был окончательно разрешиться. Еще в 1661г. местоблюститель Московского патриарха митр. Питирим поставил еп. Мстиславльского (и Могилевского) Мефодия в качестве наместника Киевского митрополита. Но это назначение не было признано в Константинополе, да и сам еп. Мефодий оказался замешанным в политических интригах против России. Украина разделилась. В западной ее части (польской) митрополитом Киевским считался Иосиф Тукальский, в восточной (московской) — наместник митрополита, преданный царю, но не патриарху, — епископ Черниговский Лазарь Баранович. После смерти Тукальского (в 1676г.) митрополичья кафедра считалась вакантной. Притеснения православных в Польше нередко понуждали западно-русское духовенство искать убежища в Московском Царстве. Так в Киеве в 1685г. появился Луцкий епископ (княжеского рода) Гедеон Четвертинский. Его кандидатура была предложена гетманом левобережья Самойловичем для занятия митрополичьей кафедры с тем, чтобы еп. Гедеон получил это назначение от Московского патриарха. Было решено получить необходимые полномочия из Константинополя. Туда отправили царского посланника Никиту Алексеева. Турецкий визирь, заинтересованный в мире с Россией, склонил Константинопольского патриарха удовлетворить просьбу Москвы. Патриарх Дионисий вместе с собором греческих митрополитов выдал грамоту на подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху. В 1687г. Московский патриарх Иоаким утвердил полномочия Киевского митрополита Гедеона Четвертинского.

Западно-русское духовенство не один год решительно сопротивлялось власти Московского патриарха и уступило под давлением гетмана, также и в Константинополе на патриарха «надавили» турецкие власти, в связи с этим возникает вопрос о правильности подчинения Киевской митрополии патриарху в Москве. Существенной проблемой теперь становилось церковное управление епархиями, оставшимися под властью Польши под давлением унии и католичества: как поляки будут трактовать послушание православных в своей стране «заграничному» иерарху? Ускорило ли это подчинение Киевской митрополии падение Православия в Речи Посполитой?

Эти вопросы разрешаются самим ходом внутренней истории Церкви в Юго-Западной Руси. Здесь духовенство уже не имело прежней силы нравственного влияния на свою паству. Украинские казаки разделились и потому не могли отстаивать как прежде интересы своего исповедания. Киевские митрополиты лишились здесь своей социально-политической опоры. Простой народ и приходское духовенство не имели каких-либо имущественных прав, которые могли бы быть потеряны в связи с переходом в московскую юрисдикцию. Они лишались единственного своего и священного права — свободы вероисповедания — и потому желали быть под рукой сильного московского царя и русского патриарха.

«Воскресение», № 6 (71), 2005 г.

23. Вера отцов или сословные привилегии?

Подчинение Киевской митрополии Московскому патриарху (см. «Воскресение» №6) было подготовлено самим ходом внутренней истории западно-русской Церкви. Насильственные меры католического правительства к насаждению унии раскалывали и ослабляли Православную Церковь. Тяжелым последствием такой внутренней политики было отречение от Православия потомков знатных родов. Их переход в католичество лишил Православную Церковь социально-политической опоры в Речи Посполитой. Крупные и мелкие землевладельцы (русские паны и шляхта), принимая католичество, подчинялись влиянию польской культуры, ополячивались. Так между сословием господ и их слугами возникла религиозная и культурная преграда. Верхи — католики и поляки, низы — русские униаты и православные.

Что же заставило православную знать отказаться от веры отцов?

Это был выбор между верой и сословными привилегиями.

Речь Посполитая была дворянской республикой, гражданские права и привилегии, законодательная власть здесь принадлежала одному шляхетскому сословию (дворянству), выборный король имел преимущественно исполнительную власть, гражданские же обязанности и повинности лежали на горожанах и крестьянах. Такой порядок складывался постепенно. Два государства, Польское королевство и Великое княжество Литовское, Кривской унией 1385г. были связаны одним общим правителем. Условием соглашения было его католическое крещение. Следовавшее затем крещение литовских язычников подкреплялось прежде неизвестным здесь принципом: принятие католичества давало литовской знати гражданские привилегии. Городельский привилей 1413г. наделил католическую верхушку

привилегией политической: быть в государственном совете подле князя только католикам. Кто заслуживал у князя земельные угодья, тот старался сделаться в них полным правителем. Эту привилегию сначала приобрели богатые землевладельцы — паны. Но и мелкие землевладельцы — шляхта стремились к такому же господству в своих имениях. Движимые этим общим интересом, мелкопоместные дворяне объединяются и добиваются права политического влияния в жизни страны через учреждение Великого (вального) сейма рядом с государственным советом (панами-радой). На этот сейм шляхта каждого административного района избирала своих представителей. Таким образом шляхта добилась личных и имущественных прав, судилась выборными представителями только своего сословия и оказывала влияние на внешнюю политику своей страны. Именно шляхта Великого княжества Литовского, особенно из русских областей, так ратовала за полное слияние с Польшей при заключении Люблинской унии 1569г. и образование Речи Посполитой.

Православные паны и шляхтичи были реальной политической опорой своей Церкви, ктиторами и патронами храмов, кандидатами на епископский сан. Однако общие сословные интересы сближали православных дворян с католиками. Когда среди знатных литовцев появилась мода на новые религиозные идеи, тогда вслед за католическими родами в кальвинизм отпали и многие православные фамилии: Кишки, Ходкевичи, Глебовичи, Сапеги, Войны, Пацы, Воловичи, Огинские и др. Контрреформация, волна католического возрождения во главе с иезуитами, в свою очередь, увлекла этих протестантов из вчерашних православных прямо в католичество. Иезуитские школы стали привлекательными для православной знати. В 1577г. брацлавский каштелян Василий Загоровский писал в завещании, чтобы его дети после начального домашнего образования были отданы «до Вильни к езуитом». А княгиня Чарторыйская в переписке с известным московским беглецом князем Курбским выказывала желание также отдать своих детей на обучение в латинскую школу. Курбский указывал ей в ответ на примеры перекрещивания отцами-иезуитами своих православных учеников.

Брестская уния, последовавшие за ней суды, расправы и казацкие восстания поставили перед православной знатью нелегкий выбор. В то время как известный защитник Православия князь К. Острожский (+1608), в имениях которого числилось до 8000 церквей в 35 городах и 671 селе, осудил унию и королевскую политику, нашлись среди православных дворян и ее сторонники. В 1598 г. в Луцке 33 знатных представителя Волыни, а в 1603г. до 50 дворян в Люблине написали благодарственное обращение королю и униатским владыкам. Среди подписавшихся стоят имена новгородского воеводы Федора Скумина-Тышкевича, Фридриха Тышкевича из Логойска, Григория, князя Четвертинского.

Поскольку униаты отбирали в свою пользу многие православные храмы, не принимавшие унию дворяне старались построить новые церкви с условием их неотступного пребывания в Православии. Так в 1612г. минский земский судья Ярош Володкевич именем панов, шляхты, ктиторов и братства церковного постановил заложить в Минске монастырь свв. апп. Петра и Павла (до нашего времени действует собор Петра и Павла или Екатерининская церковь): «Чтобы мы и потомки наши не изменяли вере православной». Точно так же были основаны монастыри в Пинске, Могилеве, Орше и других городах и местечках.

Но трагическое отпадение от Православия дворянских фамилий продолжалось. Паны и шляхта не задерживались в унии, а сразу переходили в чистое латинство. Большую роль в этом деле сыграли иезуитские школы. Сыновья самого униатского митр. Ипатия Потя приняли не унию, а латинство. Другой униатский митр. Вельямин Рутский в своем письме в Римскую конгрегацию пишет: «Из школ латинских почти двести благородных русских юношей перешли к латинскому обряду, столько же при дворе королевском и в войске. Теперь спрашивается: что же останется (для унии) из русского дворянства через десять лет?» Выходило так, что уния продвигалась на восток в среду православных, но за ней следом двигалось латинство, поглощавшее дворянское сословие в среде униатов.

Будущий епископ Полоцкий Максим (в монашестве — Мелетий) Смотрицкий в своем знаменитом сочинении, изданном в Вильно в 1610г., «Фринос или Плач» Православной Церкви оплакивал потери среди дворянских родов: «Где дом князей Острожских, сиявший более всех других блеском своей старожитной веры? Где роды князей Слуцких, Заславских, Вишневецких, Збаражских, Сангушек, Чарторыйских, Пронских, Ружинских, Соломерецких и других, которых перечислять пришлось бы долго? Где славные своим мужеством и доблестью Ходкевичи, Глебовичи, Кишки, Сапеги, Хрептовичи, Тризны, Тышкевичи, Корсаки, Воловичи, Скумины и проч.?»

Во второй половине XVII в. уже не стало православных депутатов на сеймах, но не смолкали жалобы и разбирательства в городских и земских судах Речи Посполитой. С того времени вера православная своими отступниками стала презрительно именоваться верой «хлопской», верой социальных низов.

24. Братские школы

Никогда прежде Западная Русь так остро не нуждалась в православном образовании как в XVI в. Посредством школы уже приобретали себе будущих проповедников и католики, и протестанты. Дети православной знати, получая знания преимущественно в католических школах, изменяли вере отцов. Необходимы были свои учебные заведения, свои полемисты, которые могли бы защитить православное вероучение от нападков иноверцев.

Однако не из епископов, не из священников, не из монастырей вышли первые ревнители школьного православного образования. По едкому замечанию иезуитского проповедника Петра Скарги, православное духовенство все «огрубело», «охолопилось». С подозрением смотрело оно на науки школьные и учителей западных, боялось потерять благочестие в погоне за красноречием. Старый и добрый дьячек при храме с неизменными учебниками — Псалтирью и Апостолом — казался надежнее «бакалавра» с латинской грамматикой и логикой Аристотеля. Но как впоследствии сказал могилевский епископ, а затем киевский митрополит Сильвестр Коссов (+1657): «Нам нужен латинский, чтобы бедную Русь не называли глупой Русью». Ревнителями школьного образования стали князья, паны, мещане.

В 1657 г. в местечке Заблудове неподалеку от Супрасльского монастыря иждивением Григория Ходкевича была открыта православная школа. Именитый беженец из Московского царства князь Андрей Курбский на своем дворе в местечке Миляновичи (возле Владимира-Волынского) основал училище и собрал кружок любителей просвещения, где делались переводы св. Иоанна Дамаскина. Известный ревнитель православной веры князь Константин Острожский ок. 1580 г. у себя в Остроге учредил также школу и типографию. Здесь были изданы «Ответы» клирика острожского Ипатию Потю, сочинение свящ. Василия «О единой вере» и знаменитая Острожская библия (1581 г.) под редакцией Герасима Смотрицкого. Однако все эти школы пришли в упадок сразу после кончины своих основателей.

Большее распространение получили в Западной Руси школы при православных братствах. Согласно общему правилу городского самоуправления (Магдебургского права) мещане имели возможность основать у себя в городе школу. Городские ремесленные союзы, которые стали преобразовываться в религиозные братства, естественно поставили перед собою и просветительские цели. В Уставе первого православного братства — Львовского — указывается на попечение о школе и типографии. В 1586г. патриарх Антиохийский Иоаким благословил православных братчиков Львова на открытие у них школы. Сеть братских школ довольно быстро раскинулась по западнорусским городам. В 1588 г. патриарх Константинопольский Иеремия благословил открытие школы в Вильно.

Здесь преподавали священники Свято-Духова монастыря: Стефан Зизаний, Леонтий Карпович, Мелетий Смотрицкий, Иосиф Бобрикович.

В 1592 г. брестские мещане получили подтвердительную грамоту короля Сигизмунда на учреждение в своем городе школы при церкви свт. Николая. К сожалению, эта школа просуществовала недолго. Брестский епископ Ипатий Потей был таким ревнителем унии, что все православные учителя разбежались, и школа была закрыта в 1597 г.

В 1592 г. Минскому «шпитальному» братству (при соборном храме на Замчище) королевским привилеем было разрешено «для науки деток малых школу мети и бакаляра в ней ховати». С приходом унии все недвижимое имущество «шпитального» братства захватили минские униаты. Однако заботы о школьном обучении взяло на себя ново учрежденное Петропавловское братство при одноименном монастыре (сохр. Собор Петра и Павла или Екатерининская церковь). В 1620г. православное братство отстаивало свои права на школу от притязания униатского наместника Барановича. Судебные проволочки по обычаям того времени носили продолжительный характер. Но в 1633 г. Петропавловское братство получило подтвердительный привилей от короля Владислава на содержание школы и основание типографии.

В 1589 г. православные мещане Могилева получили благословенную грамоту патриарха Иеремии на учреждение училища для детей. Вскоре Спасское братство, на попечении которого находилось это заведение, выдержало сильнейшие гонения от печально известного ревнителя унии Иосафата Кунцевича, но школу свою отстояло.

Существовала школа в Пинске, которую в 1631 г. отнял у православных униатский епископ Григорий вместе с церковью св. Феодора, при которой она находилась. 1633 г. король Владислав разрешил православному братству построить храм в честь Богоявления и основать школу при нем. Но последнему проекту не суждено было исполниться: покровительствовавший иезуитам Альберт Радивил добился запрещения православной школы и открыл в Пинске иезуитскую коллегию.

Братскими школами не исчерпывается перечень православных учебных заведений. При соборных, приходских храмах и монастырях часто бывали школки, в которых азы чтения и пения преподавали дьячки (псаломщики). Иногда в такую школу приглашали и ученого бакалавра для обучения детей грамматике и арифметике. Есть сведения о существовании такой православной школы в Полоцке, а также при Барколабовском монастыре.

По составу учебных предметов православные школы были средними учебными заведениями. Высшими учебными заведениями в Речи Посполитой тогда были только католические: Краковский университет, Виленская иезуитская академия и Замостоцкая академия, основанная польским канцлером Яном Замойским в своем имении. Эти учебные

заведения могли давать своим выпускникам ученые степени и иметь богословские классы, что подтверждалось королевскими привилегиями. Киевская духовная коллегия, основанная митр. Петром Могилой (в 1631 г.), долго не признавалась польским правительством как высшее православное учебное заведение. Только в 1658 г. Могилянская коллегия получила статус академии, но Киев скоро совсем вышел из-под власти польского короля. Поэтому преподавание в западнорусских православных школах вели учителя нередко разных вер и национальностей. Преимущество давалось учителям из Греции и тем из своих, кто приобрел знания в католических школах, особенно в Замостоцкой академии, чуждой духа иезуитского фанатизма. Но были приглашенные педагоги и из протестантских школ (для нерелигиозных предметов).

Известно, что тогда в Европе существовали две развитые системы религиозного образования — католическая и протестантская. Протестантские профессора значительно поколебали схоластические принципы и господство латинского языка в прежде католической Европе. Стали более изучаться национальные языки и история. Школьному преподаванию придали новый элемент — полемический. Классный диалог или спор стал обычным методом усвоения учебных программ. Иезуитские училища, которые снискали в Речи Посполитой особенную славу, были ориентированы на развитие более всего памяти и красноречия. Здесь в латинском языке господствовал Цицерон, в философии — Аристотель, а в богословии — Фома Аквинат. Ученики не только свободно говорили и писали на латинском, но и сочиняли стихи, ставили спектакли. Сумма убеждений, заложенная иезуитами, была слепой приверженностью авторитетам и формулам.

Православное образование испытывало на себе влияние и с той, и с другой стороны. Оно тоже было преимущественно филологическое. Преподавались славянский, греческий, русский языки, затем были введены латинский и польский. Давалось элементарное знакомство с математикой и астрономией. Как и в иезуитских школах, увлекались зубрежкой грамматики и сочинительством панегириков в честь важных особ и патронов школы. Вместе с тем, в отличие от католических и протестантских училищ, в православных школах не заострялись сословные различия, образование носило характер простонародный. По субботам священники беседовали со своими воспитанниками о доброй нравственности и заповедях Божиих. Особенно тщательно изучались православный катехизис и полемические сочинения. Во время богослужения приучали к партесному пению. В стенах православных школ трудились не только выдающиеся полемисты, но и ученые-слависты. Лаврентий Зизаний и Мелетий Смотрицкий составили славянскую грамматику, молдавский лингвист Памва Берында — славянский словарь.

По сравнению с другими учебными заведениями православные выглядели немногочисленными и весьма скромными. Но именно здесь прививались сознательные убеждения в истинности православной веры, здесь учили Священному Писанию и доброй христианской жизни, здесь давались необходимые знания для чтения книг святоотеческих, будь то славянский, или латинский перевод, или же греческий подлинник.

«Воскресение», № 8 (73), 2005 г.

25. Как трудно быть благочестию без благочиния

Отношение к богослужению лучше всего свидетельствует о состоянии церковной жизни как в отдельном монастыре и приходе, так и в отдельной епархии или целой митрополии. Когда службы совершаются по уставу, и храмы наполнены молящимися, когда церковная жизнь бьет ключом во всем многообразии слова и дела, тогда появляется та основа внутреннего благополучия Церкви, о которую внешние невзгоды разбиваются, словно вода о камень.

Киевская митрополия, которая включала в себя белорусские земли, в XVI-XVII вв. испытала на себе сильнейшие внешние колебания: распространение протестантизма, усиление католичества, унию, несправедливое отношение правительства. Все эти беды глубоко ранили церковный организм, страдающий от недостатка внутреннего иммунитета. Сказались слабость просвещения, беспорядочность церковного управления, распущенность нравов. Где было взяты у паствы ревности о благочестии, когда ее пастыри были «ослеплены блеском», вели себя как «шинкари и купцы», «лежебоки и неучи» (по выражению «Фриноса» Мелетия Смотрицкого). Монастыри со своими владениями превращались в доходные статьи для их ктиторов и настоятелей. Приходские храмы находились в полной зависимости от помещиков, которые, дав священнику «презенту» (дарственную на исполнение пастырских обязанностей в приходе), вмешивались в дела духовные, заставляли особенно поминать себя на ектеньях, запрещали принимать на исповедь крестьян своего врага-соседа. Церковные братства, опираясь на королевские привилегии и патриаршие благословенные грамоты, образовывали в епархиях свои параллельные структуры, строили храмы, типографии и школы, которые не подчинялись надзору местного архиерея, но только решению братской сходки. Вся эта церковная чересполосица приводила к разнообразию местных обычаев, когда

службы и требы совершались с большим произволом. В Вильно, например, 29 октября 1592 г. в братской Троицкой церкви были два венчания: в одну братские священники ввели новые обряды («незвыклые церемонии»), а другую виленский протоиерей совершил обычно, «по всегдашней справе».

Что же сказать о знании православной веры, когда при обилии богослужебной литературы, пестрящей ошибками местных типографий, долгое время не издавалось ни одного православного катехизиса? В таких обстоятельствах ревность к вере по незнанию ее приводит к внешнему обрядоверию. В 1621 г., после восстановления православной иерархии, Иерусалимский патриарх Феофан написал окружное послание, в котором, между прочим, указал на обрядовые отступления в Западнорусской Церкви. Существовал обычай причащать лжицею из потира трижды, причащали не только частицами Святого Агнца, но и частицами из просфор, особо праздновали десятую пятницу по Пасхе, поминали усопших на могилах музыкой и едой, на Венчании давали новобрачным вино с пением причастного стиха «Тело Христово примите».

После закрепления Полоцкой кафедры за униатами большая часть белорусской православной паствы оказалась в Могилевской епархии, учрежденной в 1632 г. Однако военные события долгое время препятствовали появлению здесь епископа, и Белорусская епархия находилась в зависимости от митрополитов Киевских, которые управляли через своих наместников.

Митрополит Киевский Петр Могила (на кафедре 1633-1646), при котором польское правительство гарантировало существование 5 православных епархий, известен своими заботами о внутреннем благополучии своей митрополии. Типографские издания проверялись по греческим книгам, было запрещено издавать литературу без благословения архиерейского, для контроля над издательской деятельностью был образован даже своего рода цензурный комитет из пресвитеров. Школьное дело настоятельно требовало печатания учебной литературы. В 1645 г. издается катехизис на польском и русском языках (сокращение известного в последствии «Православного исповедания»). В 1637 г. переиздается «Евангелие Учительное» — сборник поучений на воскресные и праздничные дни в течение года. В 1635 г. выходит «Киево-Печерский патерик», составленный Сильвестром Коссовым.

Особенное внимание обратил Митр. Петр Могила на исправление богослужения. В 1640 г. в Киеве состоялся духовный собор. На заседаниях между обсуждениями параграфов «Православного исповедания» рассматривались и вопросы о церковном благочинии. Было решено: следить за правильным совершением литургии и уставным совершением других служб и таинств; крестным ходом вокруг церкви ходить против солнца, как и в алтаре; при погребении священнику идти перед гробом, а не за ним;

накануне венчания настойчиво расспрашивать, не помолвлены ли жених или невеста с другими людьми, хотя бы и в другой стране, и проч.

После подчинения Киевской митрополии Московскому патриарху обрядовые разности между восточной и западной частью Русской Церкви стали очевидны. В нач. XVIII в. иеродиакон Макарий, родом из Малороссии, подал Святейшему Синоду в Петербург записку об обрядовых отступлениях в западных областях Русской Церкви. Вино для Евхаристии здесь часто употребляли белое, теплоты в чашу вливали только одну каплю, священник не благословлял малый вход с Евангелием, не говорилось «Господи, спаси благочестивыя», не в то время открывались и закрывались царские врата и проч. Многие обычаи были заимствованы у католиков и униатов. Особенно бросался в глаза утвердившийся обычай крещения через обливание. При шествии на дом со Святыми Дарами, а также во время совершения Преждеосвященной литургии употреблялся звоночек. При входе в храм целовали пол церковный, молились лежа ниц крестообразно, обходили церковь на коленях и проч.

В XVII в. в Западнорусской Церкви широкое распространение получило партесное пение. Его любителями были преимущественно братские хоры. До этого времени в церквях пели только мужчины в один голос и сохранялась древняя практика произнесения всеми молящимися «Господи, помилуй» на ектенях. Развитие певческого многоголосия стало отличительной чертой протестантских молитв. Успех новой манеры исполнения богослужебных гимнов привел к распространению партесного пения и в костелах. Органная музыка также привлекала в католические храмы немало народа. Один из самых больших органов на территории Беларуси находился тогда в Жировицком монастыре. Стройное пение братских хоров должно было отвращать слух православных от сладких «органных гудений в костелах», по выражению одного из современников. Партесное пение в православных храмах достигло такого высокого развития, что удивляло иностранцев. Один из них, Гербиний, посетивший Киев во 2-м пол. XVII в., отметил высокий уровень русского музыкального искусства: «В самой приятной и звучной гармонии слышатся отдельно дискант, альт, тенор и бас». Могилевское братство уже при самом начале богослужения в своем храме в 1634 г. постановило, чтобы здесь было пение «согласное» (т.е. партесное). Известно, что при патриархе Никоне киевское партесное пение начало распространяться и в Московской Руси. Кроме киевского распева на богослужении, в котором верхний голос вел мелодию, а все остальные голоса пристраивали аккорд, широкое распространение получило концертное т.н. «польское пение» — духовные песни (канты) и библейские псалмы.

Упорядочение православного богослужения и благочиния в Западнорусской Церкви требовало еще очень многих забот, терпения и постоянства, но внешние условия для существования Православной Церкви в

Речи Посполитой все ухудшались. Наступал XVIII век, время новых и тяжких испытаний.

«Воскресение», № 9 (74), 2005 г.

26. Проект уничтожения православия в Речи Посполитой

XVIII в. начался изменой Православию сразу нескольких православных епископов. В 1700 г. в Варшаве изъявил свое желание принять унию администратор Киевского митрополита в Речи Посполитой Львовский епископ Иосиф Шумлянский. Несколько ранее, в 1692 г., принял унию Перемышльский епископ Иннокентий Винницкий. В 1702 г. изменил Православию занимавший Луцкую кафедру Дионисий Жабокрицкий. Православные ненадолго сумели было вернуть Луцкую епископию избранием Кирилла Шумлянского (брата уже упомянутого Иосифа), но верный своему исповеданию Кирилл был изгнан за пределы страны, и с 1712 г. в Луцке были только униатские епископы. Одна Могилевская кафедра продолжала пребывать православной среди неисчислимых обид и гонений.

Переход епископов в унию резко ухудшил положение православных. Среди них уже мало оставалось представителей правящего (шляхетского) сословия. Гродненский сейм 1718 г. по предложению ревностных католиков лишил права голоса единственного своего члена-некатолика. Это стало примером для последующих сеймов, на которые перестали допускать депутатов-иноверцев. Эти стеснения коснулись и православных, теперь они были лишены возможности добиваться защиты своих прав законным порядком.

В 1717 г. появился анонимный проект полного уничтожения Православия в Речи Посполитой (составленный иезуитом). Проект этот был даже разослан на рассмотрение в сеймиках (сходках местного дворянства). Главная идея проекта — это однородность польского государства. Православная вера должна быть истреблена, потому что она — «русская» вера. Проект предусматривал исключение православных из кандидатов на государственные должности, лишение их возможности получить образование, содержание православных крестьян в крайней бедности, подчинение православных священников католическим прелатам и проч. Для достижения этих целей предлагалось распространять различные вымыслы, совершать публичные казни и даже унижения православных перед евреями и татарами. Виленский бискуп, например, запретил, чтобы православные церкви были выше еврейских школ.

В 1733 г. на сейме при избрании короля Августа III продолжилось ограничение прав т.н. «диссидентов» (христиан-некатоликов). Им запрещалось участие в посольской избе (т.е. избрание депутатов-послов на общий сейм), заседание в судах, вступление на должности городской и земской администрации. Запрещалось и обращение за покровительством к послам других государств, что трактовалось как измена отечеству.

В 1764 г. Варшавский сейм издал постановление «о поповичах», стесняющее православное духовенство. Теперь по достижении 15-летнего возраста сын священника, не овладевший школьными или ремесленными науками, становился крепостным крестьянином. К тому времени братские школы уже пришли в упадок, в католические же школы православных брали при условии перемены веры. Стало обычным, что сын священника помогал своему отцу и учился у него, а после его смерти как бы наследовал приход. Новое постановление создавало недостаток православных священников и направляло осиротевшую паству к униатам.

Православные терпели постоянные обиды и притеснения от униатов и католиков. Князь Игнатий Огинский, всесильный правитель г. Борисова, запрещал крестить младенцев в «церкви схизматицкой», а священнику этой церкви, заготовившему лес для ремонта храма, запрещал не только починку, но и грозил ему «из онаго леса виселицу» сделать. Переведенный из Витебска в Могилев плебан Симон Гриневиц прямо заявлял: «Хочу быть вторым Иосафатом, не перестану, пока Могилев Витебском не сделаю». Католические суды молчали на жалобы православных. Только за десять лет (1734-1743) у православных было отнято и передано униатам более 100 церквей и 5 монастырей. Запрещалось строить новые и чинить ветхие храмы. Специальные миссии из католических и униатских монахов обращали православную паству в унию. Устраивались подобию Страшного Суда, когда остававшихся верными своему исповеданию православных сгоняли по левую сторону от католического или униатского проповедника, показательно обрекая их тем самым «на вечную муку». К концу XVIII в. уже около половины крестьян Беларуси стали униатами.

Однако у православных в Речи Посполитой был сильный и единоверный союзник. Согласно 9 пункту «Вечного» мирного договора 1686 г. Россия выговорила полную свободу и неприкосновенность Православию в польском государстве. Несоблюдение с польской стороны этого пункта давало России повод к защите своих единоверцев. Российский посол в Варшаве, князь Юрий Долгорукий, требовал от польского правительства разрешения на избрание православных епископов во Львов, Перемышль и Луцк на место ушедших в унию. Для православных г. Могилева большое значение имела деятельность российского комиссара Игнатия Рудаковского, который собирал их жалобы и требовал удовлетворения от польских властей. В 1720 г. под влиянием российского посла король Август II издал привилей

Белорусской епархии (Могилевской), которым гарантировал ее принадлежность православным. Но канцлер отказался приложить печать к документу, и привилей остался без исполнения. Российская поддержка фамилии Чарторьских и избрание удобного России короля Августа III в 1733 г. мало принесли пользе делу Православия в Речи Посполитой. Однако императрица Екатерина II стала действовать более решительно. Новый польский король Станислав Август (Понятовский) всецело зависел от российского влияния. Послы Швеции, Пруссии, Дании и Англии присоединились к требованиям России об урегулировании диссидентского вопроса (в число диссидентов входили и лютеране, и кальвинисты). Результатом сильного давления российского посланника Николая Репнина, русских денег и демонстрации силы русских войск в 1767 г. стал сепаратный акт и в 1768 г. сеймовое постановление, которое гарантировало православным религиозную свободу. Православные были освобождены от участия в католических процессиях, платы за требы ксендзам и других сборов в пользу римского духовенства. Гарантировалось существование Могилевской православной епархии и семинарии. Разрешалось строить новые храмы и типографии. Для разбора жалоб между униатами и православными создается особая смешанная комиссия, в состав которой входит и белорусский епископ. Православная шляхта уравнивается в правах с католической.

Конституции 1767 и 1768 гг. взвинтили до крайности польский религиозный фанатизм. Была образована Барская конфедерация, члены которой выступили против гарантии свободы диссидентам. Жестокости конфедератов привели к восстанию оскорбленного народа. Украина ответила конфедератам гайдамацким бунтом (уманская резня, «колиивщина»). В результате всех потрясений был произведен Первый раздел Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией в 1772 г. Польша уменьшилась с 780 тыс. до 554 тыс. кв. км. К России отошли 92 тыс. кв. км. и около 1,3 млн. жителей. Так религиозная нетерпимость довела страну до внутреннего кризиса и разложения.

«Воскресение», № 10 (75), 2005 г.

Два с половиной столетия существовала на белорусской земле т.н. церковная уния. Началась она подписанием соглашения с Римской церковью на униатском Брестском соборе в 1596 г. Одновременно в Бресте состоялся православный церковный собор, отвергнувший унию. Единая прежде православная Киевская митрополия (куда входили белорусские земли) разделилась на две: православную и униатскую (см. Воскресение, 2004 г., № 11,12 и след.). За счет обращения православных в унию при помощи различных льгот и насильственных мер Униатская церковь росла. К концу правления короля Сигизмунда III (1632) в унию было обращено около 2 млн. западно-руссос, почти половина всего русского населения Речи Посполитой. В конце XVIII в. до 80% сельских жителей уже были униатами.

Важнейшим условием Брестской унии было сохранение униатами православной веры и обрядов. Но как могло соблюдаться это условие, когда еще накануне унии известный проповедник латинства, легат Антоний Поссевин, в своей переписке с папой Григорием XIII в 1582-1583 г. по вопросу обращения русских замечал, что необходимо оказывать глубокое почтение к русским святым, иконам, постам и обрядам, но делать это надо только в первое время, чтобы потом можно было постепенно преодолевать различие в обрядах, распространяя в унии обряд латинский. Как могло соблюдаться это условие, когда другой известный идеолог унии иезуит Петр Скарга в своем сочинении «О единстве Церкви под единым пастырем» (1577 г.) среди 19 «заблуждений» в русском «набоженстве» назвал: квасной хлеб для Евхаристии, освящение даров молитвой священника (а не произнесением слов Христа «сие есть тело Мое», «сия есть кровь Моя»), хранение Святых Даров для причащения больных в течение целого года (мол, как могут они не испортиться?), совершение таинства Миропомазания священниками (у католиков соответственно конфирмация — «бежмоване» только епископом).

«Мы позволяем и разрешаем им (униатам) все священные обряды и церемонии, какие употребляют они при совершении божественных служб и святейшей литургии [...], если только эти обряды и церемонии не противны истине и учению католической веры», — утвердил в своем особом постановлении папа Климент VIII об унии русских епископов с Римской церковью в 1596 г. Последнее условие в свете замечаний Петра Скарги могло трактоваться довольно широко. Другим условием Брестской унии было запрещение перехода из католичества греческого обряда (унии) в католичество латинского обряда. И римские папы время от времени как будто подтверждали эти условия. Но на деле нарушалось и то, и другое. Причина была одна — внутренняя слабость Униатской церкви. Православные дворяне, поставленные перед дилеммой «вера отцов или сословные привилегии», делая свой выбор, предпочитали переходить из Православия, минуя унию, в чистое латинство (см. Воскресение №7). Но имел место и обратный процесс: католические духовные переходили в

униатский монашеский орден (базилианский), и этот орден, со временем занявший лидирующее место в униии, проводил ее латинизацию.

Внутренняя слабость Униатской церкви была обусловлена притоком в ее ряды людей самых недостойных, корыстолюбивых, равнодушных к истинной религиозности. Прежняя западно-русская жизнь была полна своих недостатков: епископы боролись с братствами, священники огрубели, ктитория господствовали над своими храмами, простой народ погрязал в невежестве и суевериях. Но пропаганда униии, которая прозвучала в устах иезуитских проповедников, обличавших Восточную Церковь в ее недостатках (действительных и мнимых), встряхнула церковный организм, обратила взгляд на самих себя, заставила работать мысль. Западно-Русская Церковь постепенно начинает выходить из состояния нравственного упадка, приводит в порядок свое богослужение, заводит школы, вступает в тяжелую борьбу за попираемые права. Кто ж идет в униию? Тот, кто равнодушен к Православию, кто ищет новых почестей и должностей, кто боится ответственности за свои худые поступки. «Все нечистое, скверное, что только было в Православии, — пишет историк церковной униии Ю. Крачковский, — ринулось теперь в униию. Разбирать было некогда; требовалось принимать все, только бы составить какую-нибудь Униатскую церковь: и вся эта грязь всплывала теперь наверх, занимала высшие места, украшалась титулами власти». Уния, едва появившись на свет, стала разлагаться изнутри. Необходимо было предпринять исправление нравов униатского духовенства.

Нужная сила явилась в лице монашеского Базилианского (св. Василия Великого) униатского ордена в 1617г. Несколько ранее, в 1613 г., папа издал разрешение перехода духовных лиц латинского обряда в состав униатского монашества. Новое монашество должно было заменить неисправимое и разгульное монашество старое. Устав этого ордена, написанный по образцу уставов католических духовных орденов, в особенности иезуитов, должен был воспитывать примерного христианина, который бы прилежно выполнял все необходимое для спасения ближнего. Из базилиан должны были получиться преподаватели, проповедники, духовники, кандидаты на иерархические степени. Однако старые беспорядки давали о себе знать: в постановлениях базилианских конгрегаций (съездов) находятся частые запреты и угрозы не есть мяса, не употреблять горячительных напитков. Привычные слабости были настолько неисправимы, что им решено было сделать уступки. В 1664 г. приняли разрешение на употребление базилианами мясной пищи три раза в неделю (воскресенье, понедельник, вторник) плюс два кубка крепкого пива. Это было явное отступление от монашеских правил св. Василия Великого, применяемых во всех православных монастырях востока.

Поступавшее в ряды базилиан римское духовенство зачастую не умело совершать службу по уставу на славянском языке и говорить проповеди на другом языке кроме польского или латинского. Поэтому конгрегация 1636 г. постановила служить и говорить проповеди только по-русски. Русским языком тогда назывался и богослужебный церковнославянский, и народный западнорусский (на белорусских землях соотв. старобелорусский).

Уже в 1624 г. латинское духовенство во главе с иезуитами настаивало перед униатским митр. Вельямином Рутским, чтобы он прекратил совершение служб по греческому обряду на славянском языке в соборном храме во Львове, а вместо этого ввел латинский обряд. Но униатский митрополит был не настолько доверчив, чтобы дать повод к ропоту в среде своей еще колеблющейся паствы. Вместе с тем, Рутский, потворствуя своему любимому детищу — базилианскому ордену, — размышлял о мерах исправления нравов и белого униатского духовенства. В его планах было распространение celibата, открытие униатской семинарии в Минске. Но план основания семинарии встретил противников в лице базилиан и иезуитов. В результате собранные на устройство семинарии средства (50 тыс. польских злотых) были посланы польскому войску, борвавшемуся в то время с казаками.

Новый духовный униатский лидер — Базилианский орден — стал активно забирать власть в свои руки. Под его руководством униатские храмы стали терять свой прежний православный облик. «Куда девались эти старинные монастырские образа, — спрашивает в своей полемике с Саковичем митр. Петр Могила, — все в серебряных, позлащенных окладах, и, по всей вероятности узнаешь, что они обращены на удовлетворение частных нужд и вместо них поставлены в церкви полотняные итальянские иконы... посмотри и на Новогрудский монастырь... в монастырской церкви, которая считается кафедральной митрополичьей, ты увидишь бумажные образа». Базилиане не только стремились подчинить себе все униатские монастыри, но и отстранить от влияния на ход церковных дел белое униатское духовенство. Так было положено начало той внутренней борьбе, которая привела к разрушению и совершенному упразднению самой Униатской церкви.

(Продолжение следует)

«Воскресение», № 12 (77), 2005 г.

28. Православная обрядность в униатской церкви (часть II)

Латинизация унии, которую возглавил Базилианский орден, должна была преодолеть те богослужебные беспорядки, которые уния получила в

наследство от прежней западнорусской церковной жизни (см. «Воскресение» №9 за 2005 г.). Идея вероучительного единства естественно предполагала, что обряды латинский и православный не могут противоречить друг другу. В брошюре «Гармония Восточной Церкви с костелом Римским» (1608 г.) униатский автор пишет: «Есть и в нашей церкви немало того, чего Римская не имеет. Но стоит ли это того, чтобы по этой причине отказываться от святого согласия и единства, когда в чем малом не согласуемся, однако в больших и основных предметах великое согласие и одно и то же, что в одной, что в другой церкви находим?» Кроме того, западно-русское богослужение с его укоренившимися недостатками (различиями в уставах, богослужебных книгах, действиях священников) оказывалось в невыгодном контрасте с единообразием латинского богослужения после Тридентского собора. Не удивительно, что такой ревностный пропагандист унии, как Ипатий Потей еще в 1601 г. заявлял: «Только в Риме чистота веры, ангельский порядок». Понятно, что кажущимися мелкими отличиями восточного обряда униаты стали постепенно пренебрегать.

Уже с середины XVII в. православные делают упреки униатам, что они служат на одном престоле в один день несколько литургий, литургийные молитвы стали читать (а не петь), сократили утреню, вечерню и другие службы, постятся в субботу, не вливают в евхаристическую чашу теплоту, отменили освящение воды в день Богоявления. Митр. Гавриил Коленда (1665-1674) приказывал священникам говорить евангельские слова при совершении таинства Евхаристии не «сие (это) есть Тело Мое...сия (это) есть Кровь Моя...», а «се (вот) есть Тело Мое...се (вот) есть Кровь Моя...», давая тем самым знать, что именно сейчас (уже согласно католической доктрине) совершается пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы. В то же время Новогрудский базилианский съезд (конгрегация) переносит в унию западную традицию звонить в колокола утром в полдень и вечером в приветствие Пресвятой Богородице. Холмский епископ Мефодий Терлецкий вместе со своими помощниками Филиппом Боровиком и Иосафатом Исаковичем исправляет униатский служебник, уподобляя его католическому служебнику (бревиарию).

Беспорядки от этих перемен только умножились. Одни униатские священники служили по служебникам и требникам православным (исправленным митр. Петром Могиллой), другие следовали базилианским духовным, перешедшим из латинства, и служили по латинскому обряду. Третьи смешивали одно и второе, по своему произволу опускали, изменяли, искажали молитвы и священнодействия. Несогласованность богослужебных правил возбуждала упреки со стороны как православных, так и католиков, сами униаты стали отвращаться от своих пастырей. Необходим был церковный собор.

Первая попытка была предпринята митр. Киприаном Жоховским (1674-1696). Его убеждения благоприятствовали латинизации унии. Он восстает против православной традиции отделять в формуле крещения каждое Лицо Святой Троицы словом «аминь», что будто бы разделяет божество Отца, Сына и Святого Духа, гораздо предпочтительней для него выглядит формула латинского обряда крещения (с «аминь» только в конце).

В 1680 г. в Люблине должен был состояться съезд православных и униатов по вопросу примирения, где были бы обсуждены вероучительные и обрядовые различия, другие спорные вопросы взаимоотношений. Католическая и униатская сторона прислали на собор весь цвет своего духовенства, но Луцкое братство прислало королю свой решительный протест против участия в соборе православных без полномочий от патриарха Константинопольского. Король был вынужден против воли распустить собор, который, по слову современника, из грандиозного по замыслу «события века» превратился в «великое ничто».

В это время базилиане провели ряд мер по укреплению своего главенствующего положения в униатской иерархии. Митрополит уже не имел права предлагать на утверждение королю кандидата на вакантную епископскую кафедру без согласия главы Базилианского ордена и его помощников. Коллегии белого духовенства при соборных храмах почти исчезают. Имена многих соборных храмов переходят в ведение базилиан. Во многих храмах уже не совершались всенощные бдения, были оставлены службы по Минеям, упразднены пономари и псаломщики. Дело доходило до такого беспорядка, что униатский священник не служил литургию, а просто макал просфору в чашу во время католической мессы в костеле, а потом разделял ее и давал для причастия в униатском храме.

Замойский собор 1720 г. при митр. Льве Кишке (1713-1728) должен был принять меры по упорядочению внутренней жизни Униатской церкви. Папский нунций был председателем, принимали участие униатский митрополит и 6 епископов, а также делегаты из епархий (в основном из монахов-базилиан). Собор принял постановление о внесении в Символ веры католической прибавки «и от Сына» (Филиокве), о поминании папы за каждым богослужением. Были учреждены праздники в честь Иосафата Кунцевича и Божьего Тела. Одежда униатских священников и их внешний вид уподобились католическому образцу. Были узаконены читанные обедни (мши). Запретили употреблять православную формулу при крещении (с тремя «аминь»), традицию освящать запасные дары для больных в Великий четверг. Митрополит получил власть папского наместника с правом суда над епископами, соборное начало потеряло свое значение. У епископов появились помощники: визитаторы, официалы, экзаменаторы и проч. на латинский манер. Папа Климент XI не решился утвердить постановления Замойского собора. Это сделал его преемник Бенедикт XIII в 1724 г.

Собор обратил внимание на употребление в богослужении славянского языка. В 1722 г. в Супрасле был издан славянский «лексикон» с объяснением (на польском языке) слов, употребляемых в славянских богослужебных книгах. В предисловии отмечалось, что из униатских духовных едва сотый иерей понимает язык службы, остальные с трудом читают. И до, и после этого священники продолжали пользоваться тетрадками, в которых служба была написана по-славянски польскими буквами. Имели место опыты издания разных поучений на простонародном языке (старобелорусском), но постепенно все вытеснил польский, на котором велось делопроизводство и даже личная переписка.

Со времени Замойского собора латинизация унии ускорилась. В униатских храмах стали появляться органы, конфессионалы (исповедальни), боковые престолы, убирались иконостасы, престолы отодвигались на горнее место, устраивались проповеднические амвоны и проч. Священников стали называть ксендзами, настоятелей — плебанами, парохами. Духовенство сковали невежество и забитость перед паном и католическим ксендзом.

«Воскресение», №2 (79), 2006 г.

29. Разделы Речи Посполитой и облегчение участи Православия

Разложение государственного порядка в Речи Посполитой привело к ее разделу между сильными соседями. В 1772 г. к Российской империи отошла восточная Белоруссия. Была образована Могилевская губерния, Витебский и Полоцкий поветы вошли в состав Псковской губернии. Церковное деление соответствовало гражданскому: Могилевская епархия и Псковская епархия (сюда вошли Витебск, Полоцк). Согласно законам Российской империи Православная Церковь имела статус господствующей. Специальное распоряжение императрицы Екатерины II гарантировало православным их права и запрещало католикам или униатам отвращать православных от их исповедания. Свт. Георгий Конисский в приветственной речи в дворцовой церкви Санкт-Петербурга выразил всю благодарность от лица белорусской паствы: «Кто по истории российско-польской не знает, что сей народ в тесноте и озлоблении сто семьдесят лет жил? ... Однако ныне эти тяжки узы... расторгнуты, и уже пленники толпами, яко потоки югом, к Сиону, к Матери Своей Церкви, весело текут».

Присоединение бывших польских территорий прошло спокойно. Новые подданные повсеместно приводились к присяге русской императрице. Кто отказывался принести присягу имел право в течение трех месяцев продать свою собственность и выехать из страны. В случае нарушения этого срока имение конфисковывалось в казну. Местное дворянство не выказало

никакого неудовольствия по этому поводу, и за исключением менее десятка вельмож в полном составе принесло присягу на верность России. Причиной такой уступчивости была гарантия со стороны русского правительства на сохранение дворянству привычных гражданских прав (суд над крепостными, выборность своих сословных представителей на сеймиках и проч.). Для упорядочения прежних правовых норм с имперскими законами было составлено специальное Уложение, которое регламентировало действия новой российской администрации. В своем указе Псковскому и Могилевскому губернаторам Екатерина предписывала сохранять свободу католического вероисповедания. Согласно мирному трактату с Польшей 1773 г. Россия гарантировала «римским католикам обоего звания» (т.е. обоих обрядов — латинского и униатского) свободу оставаться при своей вере со всеми церквями и имуществами духовенства (пункт 5 трактата). В 1773 г. в Могилеве была образована католическая епархия. Епископом был назначен виленский каноник Богуш-Сестренцевич. Для белорусских униатов главой стал Полоцкий еп. Иассон Смогоржевский, который принес присягу на верность России. После того, как этот униатский архиерей сделался митрополитом всех польских униатов, на место полоцкого униатского епископа был назначен Ираклий Лисовский.

Осторожность российской императрицы в униатском вопросе послужила сдерживающим фактором в деле воссоединения белорусских униатов с Православием. Накануне первого раздела латинские неистовства привели к вынужденному отпадению в унию многих православных. Теперь они желали вернуться в свое родное исповедание. Православному Могилевскому епископу подавались прошения о воссоединении целых униатских приходов. За период с 1768 по 1775 гг. таких прошений по свидетельству свт. Георгия Конисского было подано ок. 80. Но на подобные массовые переходы правительство не решалось. Только в 1780 г. вышел указ, предписывающий белорусскому генерал-губернатору, в случае вакансии священнического места в униатском приходе назначать туда православного священника, если прихожане свободно выразят свое согласие. Дозволялись также присоединения в частном порядке. И это желание было непреодолимо: только к 1784 г. в Могилевской и Псковской епархиях было присоединено к Православию 117116 униатов.

Белорусские территории, оставшиеся в составе Речи Посполитой после первого раздела, однако оказались без своего единственного православного Могилевского епископа. Стараниями свт. Георгия Конисского при поддержке нескольких польских вельмож, а также по представлению российского правительства, которое со своей стороны подтвердило права Полоцкого униатского епископа для окормления униатов на российской территории, была образована православная епархия с титулом «Переяславская и Бориспольская». Кафедральным центром был назначен г.

Слуцк. Епископом был избран прежний сотрудник свт. Георгия игумен Виктор Садковский. Его посвящение в сан состоялось в Киеве в 1785 г. Через некоторое время он прибыл в Слуцк. Польское правительство согласилось признать полномочия русского епископа (подчиненного Российскому Синоду) при условии его присяги на верность Речи Посполитой, что было исполнено в 1787 г. Восстановление православной иерархии сильно встревожило латинских миссионеров. В одних только Киевском и Браславском воеводствах уния сразу потеряла 193 церкви, вернувшихся из унии в Православие. Эти украинские события увеличили у поляков страх народного восстания. Русско-турецкая война 1788-1791 гг. (в которой приняла участие против России также и Швеция) показалась полякам благоприятным временем, чтобы избавиться от русской опеки. Для преобразования страны открылся знаменитый четырехлетний сейм, подготовивший польскую Конституцию 3 мая 1791г. Преосвящ. Виктор был заподозрен в подстрекательстве народного бунта и арестован в 1789 г. Следствие по его делу не выявило никаких доказательств о причастности к народным волнениям на Украине, однако обратило внимание на его переписку с Российским Синодом, на распространение церковных книг российской печати, что толковалось как вред национальному делу. Польский посол в Турции обратился к Константинопольскому патриарху с вопросом об учреждении независимого церковного управления православных в Речи Посполитой. Дипломатический ответ патриарха подавал полякам повод к надеждам. Для осуществления идеи в 1791 г. был созван съезд выборных представителей православного духовенства и мирян (96 делегатов) в Пинске, который решил отказаться от всякой иностранной зависимости в делах церковного управления. Должно было учредить национальный Синод из трех православных епископов во главе с архиепископом, которых посвятил бы Константинопольский патриарх. После некоторых проволочек (вызванных протестами латинского духовенства) польский сейм утвердил артикулы Пинской конгрегации и издал еще несколько постановлений, облегчавших положение православных в Речи Посполитой. Однако то была уже лебединая песня.

Польская Конституция 3 мая 1791 г., предусматривающая государственное преобразование Речи Посполитой в парламентском духе так и не вступила в действие. Россия и Пруссия потребовали восстановления прежнего государственного порядка. В самой Польше противники реформ приглашали иностранные государства к вмешательству. В 1792 г. Россия ввела в страну свои войска. В 1793 г. последовал второй раздел Речи Посполитой между Россией и Пруссией. К России отошла центральная полоса Белоруссии (Минск, Пинск). В этом же году была создана Минская православная епархия, на которую был назначен освобожденный Виктор Садковский. Непримиримые польские патриоты во главе с генералом Т.

Костюшко подняли восстание против политики иностранных держав и напали на русские гарнизоны. Ответом было подавление возмущения и окончательный раздел Речи Посполитой в 1795 г. Вся белорусская территория вошла в состав Российской империи. Екатерина II теперь не стала сдерживать обращение униатов в Православие. По отчетам преосв. Виктора Садковского только за один с небольшим месяц 1794 г. к Православию присоединилось 333093 человека, что составляло 721 приход с 463 священниками. Один этот факт свидетельствует о добровольности перехода. Однако вместе со смертью Екатерины II (в 1796 г.) дело воссоединения приостановилось.

«Воскресение», № 4 (80), 2006 г.

30. Уния: между католичеством и православием (часть I)

Вхождение Белоруссии в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой повлекло за собой возвращение в Православие значительной части униатов, однако этот процесс почти прекратился со смертью имп. Екатерины II в 1796 г. Многие из вернувшихся были насильственно обращены в унию в последние годы Речи Посполитой, и поэтому живо помнили о своем православном прошлом. Но большая часть униатов белорусских и литовских губерний проживали в имениях польских помещиков или ополяченной белорусской шляхты, католиков по вере. Социальные гарантии, предоставленные этому классу российским правительством, только закрепляли власть пана-католика над крепостным-униатом. Новая администрация в первые годы сама вступила в зависимое положение от местного дворянства, которое сохранило не только свое самоуправление, но и влияние в крае. В верхах по-прежнему господствовали польский язык, польская культура и польские национальные идеи. Закон запрещал препятствовать частному обращению униатов в Православие, но на деле все зависело от воли помещика, который, будучи католиком, неприязненно смотрел на распространение «русской» веры в своем имении.

Император Павел (1796-1801) по свойству своего характера многое делал вопреки своей матери. Католичество при нем набирало силу в западных губерниях. Были амнистированы поляки, участники восстания 1795

г. (среди них и Т. Костюшко), их имения были возвращены (в том числе и в Белоруссии). Были учреждены 6 католических епархий во главе с Могилевской кафедрой. В 1798 г. для управления Католической церковью в России образован особый департамент (коллегия) из католических духовных в Санкт-Петербурге. Униатская церковь получила более четкую организацию, но при этом оказалась в очень неопределенном положении. Император Павел запретил обращение униатов в Католичество и также запретил препятствовать им при переходе в Православие. Однако униаты были подчинены католическому департаменту без права иметь в нем особых представителей. Таким образом, во главе Униатской церкви стал католический митр. Богуш-Сестренцевич, глава этого департамента. Правление Сестренцевича, стремившегося к определенной независимости от римского папы и польского нунция, имело своих противников в лице иезуитского ордена в России и его главы Грубера. Борьба между ними закончилась торжеством последнего, отстранением Сестренцевича и выдвижением на его место Бениславского (выходца из иезуитского ордена). Тогда в католическом департаменте восторжествовало мнение, что униаты в Российской империи могут быть состоянием только временным, поэтому их необходимо как можно быстрее сблизить с латинским обрядом или, еще лучше, напрямую туда перевести.

Такой взгляд на дело, подкрепленный разными устрашающими слухами и неофициальными посланиями, привел к тому, что в начале царствования императора Александра I (1801-1825) ок. 200 тыс. белорусских униатов перешли в латинский обряд. Соблазн стал распространяться даже среди православных. Подобное развитие событий внушало серьезные опасения за судьбу унии у старшего униатского архиерея, полоцкого архиеп. Ираклия Лисовского. По его представлениям правительство предприняло ряд мер, направленных на прекращение слухов о грядущей якобы ликвидации унии и переходе униатов в латинство. В 1805 г. от католической коллегии была отделена особая коллегия по делам Униатской церкви во главе с митром Ираклием Лисовским. В 1809 г. вся Униатская церковь была разделена на 4 епархии: Виленскую, Полоцкую, Брестскую и Луцкую. Предполагалось существование в каждой епархии семинарии для подготовки униатского духовенства. Разрешение этой задачи имело важные последствия для судьбы всей Брестской унии.

Низкий уровень образованности униатских клириков уже давно обращал на себя внимание. Сами римские папы неоднократно призывали юношей из духовного сословия обучаться в Риме. Известна попытка митра Вельямина Рутского (1613-1637) создать семинарию в Минске, закончившаяся неудачей. Дело подготовки клириков, равно как и высшие иерархические должности в Униатской церкви постепенно оказались в руках монахов-базилиан. Значительные земельные имения (фундуши),

пожертвованные разными ктиторами на содержание униатских духовных училищ и соборных храмов также отошли к базилианам. Однако обучение в базилианских школах было только начальное и среднее, для приобретения больших знаний необходимо было обучение в католических школах (преимущественно иезуитских). Воспитанники же этих школ чаще всего переходили в чистое латинство или искали карьерного роста в рядах все тех же монахов-базилиан. Поэтому белое униатское духовенство, за редкими исключениями, не поднималось выше умения читать и писать. Такая постановка дела еще во времена Речи Посполитой приводила к жалобам на базилиан. В нач. XIX в. насчитывалось до 100 базилианских мужских и женских монастырей, которые владели земельными имениями и примерно 20000 крестьян. Причем большинство этих монастырей составляли бывшие приходские церкви, при которых жили 3-4 монаха. За базилианами числилось 14 школ для светского юношества и 12 школ для послушников (т.н. «новициаты»).

Униаты имели и свои семинарии для белого духовенства, но состояние их было самым затруднительным, а иногда даже плачевным. Согласно плану Ираклия Лисовского в каждой епархии должна была быть духовная семинария для подготовки будущих священников. В действительности же, учебная жизнь теплилась только в Полоцкой епархиальной семинарии, устроенной самим митр. Лисовским (в 1806-1807 г.). В Брестской епархии, в Лавришеве (возле Новогрудка), трое престарелых базилианских монаха воспитывали в условиях крайней бедности от 10 до 15 учеников (курс был рассчитан на два года), и даже науку церковного богослужения преподавали на польском языке. В Виленской епархии о Сверженской семинарии известно только, что три базилиана учили четырех, а то и менее учеников. В Луцкой епархии материальных условий даже для самого жалкого существования семинарии не было вообще.

Митр. Ираклий Лисовский и его преемник на полоцкой кафедре еп. Иоанн Красовский приложили немало сил к возрождению среди униатских клириков духовного образования. Вместе с тем, они заботились о восстановлении в унию восточной обрядности. Сам митр. Ираклий Лисовский служил по книгам московской печати, носил рясу и бороду, имел вид православного архиерея (в то время униатское духовенство уже имело облик католических ксендзов). Под их влиянием в некоторых храмах восстанавливались иконостасы и прочие принадлежности православной обрядности. Но самое главное, что эти униатские архиереи стали полагать ограничение базилианскому влиянию. Хотя интригами последних еп, Иоанн Красовский был в 1823 г. смещен с полоцкой кафедры, однако к этой борьбе подключилось белое униатское духовенство, что предопределило исход противостояния. В 1824 г. появился проект прот. Антония «О средствах умножения в греко-униатском духовенстве просвещения», в котором автор

предлагает сократить количество базилианских монастырей и употребить их имения на содержание униатских духовных семинарий, которые должны были учреждаться по примеру Главной Литовской семинарии в Вильно.

(Продолжение следует)

Воскресение», № 4 (81), 2006 г.

31. Уния: между католичеством и Православием (часть II)

По обычаю европейских университетов Устав Виленского университета, открытого в 1803 г., предусматривал наличие богословского факультета. Этот факультет назывался еще Главной семинарией, поскольку готовил кандидатов на занятие высших должностей в местной католической иерархии после их обучения в епархиальных учебных заведениях. Униатские духовные также могли обучаться на этом богословском факультете, но их количество не должно было превосходить число католических студентов. Главная Литовская семинария функционировала с 1808 г. до закрытия университета в 1832 г. Тогда семинария была преобразована в католическую духовную академию и через некоторое время переведена в Петербург.

Обучение будущих униатских клириков на богословском факультете в Вильно принесло большую пользу делу просвещения. Виленский университет в целом проводил, как известно, полонизацию края, тот же дух должен был господствовать и в семинарии, однако такое направление исключало непомерную ревность к славе католической религии. Фанатизм трактовался как вред национальному делу, в адрес особых полномочий римского папы можно было услышать нелестные отзывы на уроках догматики или канонического права, поэтому католические епископы с недовольством смотрели на богословский факультет и посылали туда учиться только самых «верных» своих кандидатов. Униатские же студенты впервые, хоть и фрагментарно, знакомились на научном уровне с восточной традицией, а не только с западной, латинской, как это бывало прежде. Для богослужения они направлялись не в костел, а в свою Свято-Никольскую церковь. Среди преподавателей образовался кружок любителей церковнославянского языка и обряда. Самое почетное место здесь должно быть отведено известному слависту прот. Михаилу Бобровскому, знатоку древних восточных языков, преподавателю Ветхого завета и библейской археологии. Член правления семинарии прот. Антоний Сосновский часто совершал перед глазами униатских студентов богослужение по неискаженному восточному обряду. Духовник и преподаватель церковного

пения свящ. Василий Лужинский организовал прекрасное хоровое пение на этих славянских службах. Такая постановка дела в Главной семинарии имела значение в истории унии, потому что все искатели высших духовных должностей в униатской иерархии должны были пройти здесь обязательную аттестацию. По образцу Главной семинарии образовывались униатские епархиальные семинарии, и ее бывшие воспитанники становились ректорами и преподавателями для семинаристов, будущих униатских священников. В 1828 г. для Литовской епархии была открыта семинария в Жировицах. Ее первым ректором был назначен бывший преподаватель Полоцкой семинарии (и, конечно, выпускник Главной семинарии) прот. Антоний Зубко. С этого времени прием униатских духовных на богословский факультет Виленского университета прекращается. Тот интерес к Православию, который возник в стенах этого учебного заведения, получил свое полное развитие в Жировицах и частично в Полоцке. В своих воспоминаниях, будучи уже Минским архиепископом, Антоний Зубко описывает случай, когда во время одной из острых бесед о судьбе унии между преподавателями поднялся вопрос о разнице в учении об исхождении Святого Духа. Библиотекарь Оленич, отстаивавший католическую точку зрения, представил латинский перевод древнего Символа веры, приписываемого св. Афанасию. Здесь стояла вставка «Филиокве» («и от Сына»). Однако при дальнейшей сверке с греческим оригиналом этого слова там не обнаружилось. Наконец, в предисловии переводчика нашлось признание, что он производил в творении святого отца поправки, устранявшие несогласие с католическим учением. Этот подлог произвел большое впечатление на преподавателей.

Так, с одной стороны, униатские духовные старшего поколения, воспитанные в базилианских школах и иезуитских коллегиях, уже забывшие восточный обряд, тревожно волновались слухами о скорой ликвидации унии, которые распространяли чаще всего сами католики, и не удерживали свою паству от перехода в чистое латинство. С другой стороны, молодые униатские священники, получавшие образование в новоучрежденных семинариях в Полоцке, Вильно и Жировицах, учились служить славянскую литургию и освобождались от узости католической догматики. В стенах Главной Литовской семинарии получили свое образование будущие униатские пастыри-воссоединители Иосиф Семашко, Василий Лужинский, Антоний Зубко и др. Именно образование помогло развиться их внутреннему расположению к Православию.

«Воскресение», № 7 (84), 2006 г.

Уклонение в латинство, которое наблюдалось всю историю развития Брестской церковной унии, сыграло в ее судьбе роковую роль. Искажение православного обряда в богослужении, приниженность белого духовенства перед монашествующим (базилианами), престиж латинского обряда и католического вероисповедания в системе духовного образования поставили унию в положение только терпимого в католичестве придатка. Кроме того, насильственный метод обращения в унию православных делал их обращение условным, зависящим от обстоятельств. Все это определило внутреннюю слабость унии, ее неустойчивый, несамостоятельный характер. При сильном католичестве и польской государственности она имела видимое покровительство. Однако с вхождением белорусских земель в состав Российской империи уния, как и католичество, становилась уже не господствующим, а только терпимым исповеданием. Массовое возвращение в Православие бывших униатов в последние годы царствования Екатерины II стало для унии тяжелым ударом. Последующее подчинение униатской иерархии католической духовной коллегии в России привело к положению, которого местная католическая церковная власть не имела даже в Речи Посполитой: уже не Римскому папе, а непосредственно местной (теперь российской) католической иерархии подчинялась Униатская церковь. Это благоприятное обстоятельство для перевода униатов в чистое латинство было отчасти использовано иезуитами, которые добились было господствующего положения среди католической иерархии в России. Однако обращение униатов в латинство натолкнулось на препятствие внутри самой Униатской церкви. Ее старший архиерей, митр. Ираклий Лисовский, учредил в Полоцке униатскую духовную семинарию, его стараниями католическая коллегия в Петербурге была разделена на два департамента: католический и униатский. В среде униатского духовенства (белого) наметилось возрождение православного обряда. Католическая духовная семинария при Виленском университете, куда принимались и униаты, также способствовала этому возрождению (ученая деятельность прот. М. Бобровского и др.). Так в среде униатских священников постепенно зарождался вопрос: что есть уния сама по себе? От разрешения этого вопроса зависела и будущая судьба Униатской церкви на белорусских землях.

Вступление на российский престол имп. Николая I, занимавшего определенную позицию в отношении к католичеству, положило конец колебаниям политического курса в западных губерниях России. Своим указом новый император запретил строительство католических часовен (каплиц) в местностях с преобладающим православным населением. Теперь российское правительство укрепляло свое влияние на землях, присоединенных от Речи Посполитой, не уступками господствующему в крае польскому или ополяченному дворянскому сословию, а стеснением здесь польской культурной и этнической силы. «Русские» в сознании того времени

было собирательным названием для «великоросса», «малоросса» и «белоруса». Восстановление «русских начал» в западных губерниях, было в глазах российского правительства не подавлением местного (напр, белорусского) языка и культуры, а только освобождением их от «польщизны».

Возрождение всего православного в унии вполне соответствовало видам правительства. Как уже говорилось, это возрождение началось в унии при перемене внешних политических условий (с присоединением белорусских земель к России), когда католичество потеряло свое привилегированное положение. Бывший воспитанник католической семинарии при Виленском университете, заседатель униатской духовной коллегии в Петербурге прот. Иосиф Семашко в частном разговоре с главой департамента иностранных исповеданий, к которому относилась униатская коллегия, Г. Карташевским описал беды униатской истории и недостатки современного положения. Карташевский предложил Семашко изложить свои мысли на бумаге. Так в 1827 г. появилась докладная записка прот. Иосифа Семашко о мерах к оживлению униатского исповедания. Здесь предлагалось вывести униатскую духовную коллегия из подчинения католической, упростить епархиальное управление Униатской церкви учреждением двух епархий вместо четырех, отличить униатское духовенство от католического ношением православного наперстного креста, увеличить полномочия духовных консисторий (епархиальных управлений, помогающих епископу), отделить духовное образование униатского юношества от католического посредством основания двух епархиальных семинарий с достаточным для них содержанием и, наконец, упорядочить имущественное положение монашествующего униатского (базилианского) ордена и его управление. Этот план получил одобрение правительства. В 1828 г. униатская коллегия получила свое независимое от католической правление во главе с униатским митр. Иосафатом Булгаком. В ее состав входили кроме митрополита один епископ, один архимандрит по назначению правительства и четыре протоиерея, направленных в коллегия по выбору местных архиереев и духовных консисторий. В том же году была открыта Жировицкая униатская семинария, а поступление униатских духовных в католическую семинарию при Виленском университете запрещено.

В 1830-1831 гг. произошло польское восстание, не получившее особенной поддержки на белорусских землях, Однако это восстание имело важные последствия. Был закрыт Виленский университет, рассадник полонизма. В 1829 г. образован Белорусский учебный округ, которому в 1832 г. были приписаны некоторые области бывшего Виленского учебного округа. Белорусский учебный округ впервые очертил белорусскую этническую границу. В его состав входили Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Гродненская губернии и Белостокская область. Активное участие в

восстании базилианских монахов, которые не только словом проповеди поддерживали повстанцев, но иногда и сами возглавляли повстанческие отряды, после их поражения привело к закрытию более 60 базилианских монастырей. Конфискованные имения были отданы на содержание униатских духовных училищ и белого духовенства. В 1831-1833 гг. четыре униатские епархии в западных губерниях России были сведены в две: Белорусскую (из Полоцкой и Луцкой) и Литовскую (из Брестской и Виленской). Белорусскую кафедру занимал старейший униатский архиерей митр. Иосафат Булгак, а литовскую — посвященный в 1829 г. в епископский сан Иосиф Семашко. В 1833 г. последний был командирован духовной коллегией из Петербурга для осмотра своей епархии и обеих униатских семинарий. Его отчет о визитации показал, что во многих униатских храмах не произведено изменений для совершения богослужения по греко-восточному чину: нет иконостасов, престолы приставлены к восточной стороне алтаря, не организовано пение и чтение, вместо этого звучат органы и проч. Состояние Жировицкой семинарии найдено лучшим, чем Полоцкой. Особенное влияние имела записка преосвящ. Иосифа о вреде частных присоединений к Православию, которые производил православный Полоцкий еп. Смарагд Крыжановский. Эти присоединения нередко имели принудительный характер с участием воинских команд и с успехом проходили только в имениях православных помещиков. Все это возбуждало ропот униатского духовенства и народа. Тогда вполне отчетливо прояснилась главная идея воссоединения: униаты не есть католики, которых нужно принимать в Православие, они есть православные, которые были в свое время отторгнуты насильем под власть римского первосвященника. Эта идея, ставшая основой для будущего шага к воссоединению, лучше всего подкреплялась восстановлением в унии православного богослужения по греко-восточному чину, сохранение которого было важнейшим условием Брестской унии 1596 г.

(Продолжение следует)

«Воскресение», № 8 (85), 2006 г.

33. Полоцкий собор 1839 года (часть II)

Восстановление обряда делало униатов мало чем отличающимися от православных. Таким образом, воссоединение приготавливалось бы постепенным и мирным путем. Не только сам еп. Иосиф Семашко, который уже давно показывал свою приверженность к Православию, понимал дело подобным образом. Среди молодого поколения униатских священников

зрело такое же настроение. В 1834 г. для лучшего управления епархиями в качестве помощников правящих архиереев, которые большую часть времени проживали в Петербурге, были рукоположены викарные епископы: в Белорусскую епархию — Василий Лужинский, а в Литовскую — Антоний Зубко и Иосафат Жарский. Двое первых сочувствовали делу воссоединения униатов и были давними единомышленниками еп. Иосифа Семашко.

В том же 1834 г. была принята важная мера для упорядочения униатского богослужения: для совершения служб были приобретены служебники московской печати. На общем епископском совещании правящих и викарных архиереев было решено, что служебники должны быть доставлены во все униатские храмы, никто впредь не должен быть рукополагаем или назначаем на священническую должность без знания восточных обрядов и умения служить по православному чину. В течение года во всех униатских церквях предписывалось восстановить иконостасы. Для лучшего знания и практического исполнения обрядов священники Литовской епархии вызывались в Жировицкую семинарию и тренировались служить прямо здесь под руководством наставника. Эти меры привели к немалому волнению в среде униатского духовенства. Хотя примерно из 800 священников все той же Литовской епархии только около 20 выразили свой протест против служебников московской печати, а отказались их принять всего 3 или 4 священника, многие отнеслись к требованию епархиальной власти формально. В храме можно было увидеть с одной стороны престола униатский служебник почаевской, львовской или виленской печати (нередко разнившихся между собой), а с другой — московский служебник. Священники настороженно отнеслись к упоминанию в московских служебниках Священного Синода. При посещении приходов епархиальному начальству должно было делать необходимые пояснения, что новые служебники, предназначенные только к руководству для совершения богослужения, не касаются поминовения римского папы. Нередко нужно было проявлять много такта и даже сноровки. В своих воспоминаниях преосвящ. Антоний Зубко описывает один случай с униатским священником, который привык совершать крестное знамение по католической традиции слева направо. Свое упорство он готов был защищать до смерти... Но еп. Антоний нашел простые слова для убеждения: «Заметьте, что рука опускается на правое плечо в молитве при слове «Святой». На польском языке звучит «Во имя Отца — и Сына — и Духа Святого», а на славянском — «Во имя Отца и Сына — и Святаго — Духа». Положите свои персты на правое плечо при слове «Святой» и убедитесь в неважности различия».

В 1835 г. был образован Секретный комитет по делу униатского исповедания, который должен был подготовить общее воссоединение униатов мирным путем. В него вошли несколько старейших членов

Российского Священного Синода, среди которых наибольшим авторитетом пользовался свт. Филарет Дроздов, униатский еп. Иосиф Семашко, обер-прокурор Синода Степан Нечаев, министр вн. дел Дмитрий Блудов (состав комитета был формально шире, включая напр, и униатского митр. Иосафата Булгака, который был противником воссоединения, поэтому фактически задействованы были только четыре названных лица). На совещаниях этого комитета был подготовлен план общего воссоединения униатов. Сущностью плана было составление Соборного акта от лица высшего духовенства Униатской церкви с приложением подписей большего числа священнослужителей с выражением желания подчиниться Российскому Священному Синоду. Допускалось сохранение некоторых местных обычаев, не противоречащих учению Православной Церкви. В 1837 г. униатская духовная коллегия была выведена из подчинения департаменту иностранных исповеданий и передана ведению графа Николая Протасова, обер-прокурора Священного Синода Русской Церкви. В это время Синод издал определение, которое разрешало православным священникам преподавать таинства униатам при их желании. В 1838 г. скончался униатский митр. Иосафат Булгак и его викарий Иосафат Жарский — противники готовящегося воссоединения. Начался сбор подписей среди униатского духовенства. Обычно он происходил при посещении местного храма епископом, который в частной беседе выяснял настроение священника в отношении общего воссоединения. Чаще всего достаточно было слова для убеждения. Из 1057 священников Литовской епархии свои подписки дали 760. В Белорусской епархии из 680 только 186 соответственно. Здесь был предпринят даже обратный сбор подписей. 111 униатских священников выразили свое несогласие с воссоединением и просили императора сохранить Униатскую церковь с проведением в ней ряда административных перемен или, в случае отклонения прошения, предоставления права остаться в католической вере с принятием латинского обряда. Расследование дела показало, что большая часть этих священников не вполне сочувствовала поданному прошению, а действовала по принуждению своих помещиков-католиков. Меньшая часть подписавшихся продолжала настаивать на своей просьбе и испытала на себе административные меры воздействия со стороны епархиального начальства. 8 священников, выдержав давление, остались при своем и были отосланы во внутренние области России. Сбор подписок за воссоединение продолжился в обеих епархиях.

В 1839 г. в неделю Торжества Православия на совместном служении в Полоцке всех трех униатских епископов: Иосифа Семашко, Василия Лужинского и Антония Зубко был составлен Соборный акт с прошением о подчинении Униатской церкви Священному Синоду Русской Православной Церкви. К этому акту прилагалось 1305 священнических подписей. Прощение было принято Синодом и одобрено императором. Так произошло

присоединение 1607 униатских приходов и более 1 млн. 600 тыс. человек. Уния на белорусских землях перестала существовать. Совместные богослужения бывшего униатского духовенства с православным, когда общее число священников доходило до 50, 80 и даже до 150 человек, соединили некогда разделенную белорусскую паству.

Воссоединение униатов с Православием, в значительной степени поддержанное правительством имп. Николая I, проведенное как бы «сверху», не встретило сопротивления «снизу», среди простого народа, Оно послужило его дальнейшему национальному сплочению, и это заслуживает доброй памяти для всех тех, кто его осуществил.

«Воскресение», № 9 (86), 2006 г.

34. «Православие, политика и здравый рассудок»

Безусловно, разрешение униатского вопроса имело первостепенное значение для судьбы Православия на белорусских землях после присоединения их к Российской империи. По слову святителя Георгия Конисского (+ 1795), униаты, «вид униатской веры за принуждение на себе носившие, в самом существе точно в греко-восточном исповедании (православном) пребывали». Между тем, далеко не все униаты, составлявшие большинство населения Беларуси, сами понимали, к какому исповеданию христианской веры они вообще принадлежат. В крестьянской массе бытовали самые смутные представления о важнейших истинах учения о Боге — Святой Троице и о Христе-Спасителе. Конечно, отмечались известные церковные праздники и посты, по рукам ходили молитвенники как на церковнославянском, так и на польском языках, но само знание христианской веры было недостаточным для понимания конфессиональных различий. Крепостному крестьянину было доступнее представлять дело таким образом, что у пана есть «своя» вера — католическая («польская»), а у него, крестьянина, также «своя» — мужицкая, «хлопская» вера. Соответственно пан идет на службу в каменный костел, а его крепостной — в простую деревянную церквушку.

Российское правительство на присоединенных территориях в первое время руководствовалось в религиозном отношении политикой уступок польскому дворянству. В 1772 г. после первого раздела Речи Посполитой императрица Екатерина II писала в своем указе губернаторам : «Весьма бы вредный для спокойствия и безопасности своих граждан был порок — запрещение или недозволение различных вер». В своей деятельности новые администраторы края должны были руководствоваться правилами

«Православия, политики и здравого рассудка». Что касается правил политики, то ими руководствовались, по-видимому, гораздо больше, чем остальными. Пункт 5 мирного соглашения с Польшей после первого раздела гарантирует на присоединенных к России территориях сохранение своего положения «римским обоим званием католикам», т.е. католикам обряда латинского и униатского (греко-восточного). Несмотря на то, что в конце правления имп. Екатерины II (в 1796 г.) произошел значительный переход униатов в Православие (см. «Воскресение», 2006 г., № 3), последние, согласно императорской инструкции, могли быть причислены к католикам, что и исполнилось со всей определенностью при основании римско-католической коллегии с ее ведением униатских дел в 1798 г. (см. «Воскресение», 2006 г., №4). Таким образом, разрешение униатского вопроса продлилось еще несколько десятков лет, когда сами видные представители молодого униатского духовенства увидели православную сущность своего исповедания и связали его будущую судьбу с возвращением в лоно Русской Церкви.

Все время от разделов Речи Посполитой до Полоцкого Собора 1839 г. Православие имело только декларативный вид «господствующего» исповедания. При своем вступлении на белорусскую кафедру в 1755 г. свт. Георгий Конисский нашел едва 130 православных приходов. В результате второго раздела в 1793 г. на присоединенных территориях была образована Минская епархия (до этого кафедра была в Слуцке), которая включала кроме значительной части Белоруссии еще и территории Украины. После третьего раздела и последующих административных гражданских и церковных размежеваний размеры Минской епархии стали более отвечать местным условиям. Так в церковном отношении Белоруссия была разделена на две православные епархии: Могилевскую (собственно Белорусскую) и Минскую (Литовскую). Могилевская епархия имела меньшую территорию, но большее количество храмов. В обеих епархиях в нач. XIX в. насчитывалось немногим более 600 церквей (включая приходы бывших униатов). Для сравнения: в двух униатских епархиях (Полоцкой и Брестской) в то же время было свыше 1200 храмов. Три католических епархии на Беларуси (Могилевская, Минская и Виленская) имели 500 приходских храмов и почти такое же количество монастырей (на один монастырь приходилось иногда по 2-3 монаха).

В 1833 г. была восстановлена Полоцкая православная епархия, в состав которой вошли немногим более 80 церквей и монастырей. В последующие годы полоцкий епископ Смарагд (Крыжановский) удвоил количество храмов своей епархии за счет обращения униатов, однако эти частные обращения мешали делу общего воссоединения, которое готовили униатские епископы и, в частности, еп. Полоцкий Василий Лужинский. После совершившегося воссоединения была образована еще одна православная епархия — Виленская (в 1840 г.).

Большинство православных храмов были деревянными. Это были не только старые церкви, построенные еще во время Речи Посполитой, но и новые, построенные уже при российском правлении. Часто можно было увидеть контрастное соседство великолепного каменного костела и простой деревянной церквушки. Эта картина служила наглядным выражением реальной конфессиональной ситуации. Согласно 40 статье Основного закона Российской империи, изданного в 1 томе свода законов 1832 г., Греко-Восточная Церковь объявлялась господствующей в государстве. Однако это положение не было таким уж чувствительным в западных губерниях. Для ремонта ветхого деревянного православного или униатского храма или постройки нового на месте сгоревшего от пожара необходимо было обращаться к местному пану. Однако пан был католиком по вере и поляком по культурному своему обличью. (Размеры конфискаций и раздачи имений в пользу русских помещиков до польского восстания 1831 г. были незначительными.) В деле строительства церквей для «схизматиков» паны не проявляли особого энтузиазма, а российская администрация не имела реальных средств для воздействия. Ей необходимо было делать напоминания панам о том, чтобы они не препятствовали различными работами собираться в храм на праздничные богослужения своим православным подданным, да еще быть настороже, чтобы предотвращать обращение православных в католичество, которое с успехом проводили иезуиты и базилиане в местностях с преобладающим католическим населением.

Преодоление бывшего разделения униатов и православных в западных губерниях России положило здесь начало новому периоду церковной истории. После времени упадка наступило время внутреннего сплочения и возрождения Православия на Беларуси.

«Воскресение», № 11 (88), 2006 г.

35. Нужно было много терпения и такта

Преодоление последствий бывшего униатского раскола стало важной задачей церковной жизни белорусских епархий после 1839 г. Восстановление православного чина богослужения в униатских храмах в 1834-36 гг. имело большое значение не только при подготовке воссоединения, но и после него. Молитвенное единство есть главное выражение единства соборного. Бывшие униаты и православные теперь имели литургическое общение: вместе совершали торжественные службы епископы, их примеру следовали и священники. Это не могло не сказываться благоприятно на объединенной

пастве. Дух отчуждения постепенно уступал место расположению друг ко другу.

В знак церковного единения во всех бывших униатских храмах было предписано поминать вместо римского папы Российский Святейший Синод. Последовало также распоряжение епархиального начальства об исключении католической вставки «и от Сына» из богослужебного употребления Символа веры. Для лучшего уяснения основ православной веры всем священнослужителям был разослан в качестве руководства «Православный катехизис» свт. Филарета Дроздова. Эти указы в целом спокойно были восприняты рядовым духовенством. Волнения были среди монашества, особенно минских и полоцких базилианок. Некоторые из них даже совсем перестали посещать храмовое богослужение и оказались в самоизоляции. Главным средством духовных властей в отношении не принимавших воссоединения священников и монахов было убеждение. Упорствующих высылали во внутренние области России, чаще всего в Курск. Таковых насчитывалось немногим больше двух десятков человек. Из них большая часть вернулась в течение 2-3 лет на свои приходы, приняв Православие. Остальные так и остались жить частными лицами, получая от правительства пенсионное содержание или же устраиваясь на светскую должность.

Согласно условиям общего воссоединения униатов, оговоренным в собственноручных подписках священников, им были гарантированы некоторые несущественные униатские традиции: бритье бороды, внебогослужебная одежда. Важным условием являлось также пребывание бывших униатских священников на своих приходах. Сохранялись и смешанные браки с католиками (в том числе, и в семьях священников), однако детей от таких браков необходимо было крестить в православной церкви. Не скоро забылись другие униатские обычаи. В православных храмах иногда употреблялись богослужебные книги старой униатской печати, испорченные латинскими поправками Замойского Собора. Простой народ не всегда крестился по-православному: пальцы для крестного знамения складывали правильно, но руку переносили слева направо по католическому обычаю. Бывало, что постились не только в среду и пятницу (по православному обычаю), но также и в субботу (по католическому), практиковались лежания на земле во время молитвы, целование земли. Исправление этих и многих других униатских обычаев стало делом времени.

Одним из самых действенных средств к просвещению народа является образование церковнослужителей. В каждой белорусской епархии были семинария и духовные училища. В соответствии с переделом епархиальных границ, которые более соответствовали местным условиям, а также для улучшения бытовых условий епархиальные семинарии были переведены в губернские города. В 1840 г. в Минск переведена Слуцкая семинария,

возрожденная еще в последние времена Речи Посполитой еп. Виктором Садковским. В 1845 г. в Вильно перешла из Жировиц бывшая униатская семинария, устроенная еп. Иосифом Семашко. В 1856 г. из Полоцка в Витебск была перенесена также бывшая униатская семинария, основанная митр. Ираклием Лисовским. В Могилеве продолжала действовать духовная семинария, учрежденная свт. Георгием Конисским. Существовали духовные училища при крупных монастырях и архиерейских кафедрах в Вильно, Жировицах, Минске, Пинске, Слуцке, Полоцке, Витебске и др.

В имущественном отношении белорусские приходы и монастыри были уравнены с другими епархиями Русской Церкви. Все земельные наделы, которые имелись за церквями были секуляризованы государством, а на содержание священников в 1842 г. были назначены штатные оклады. Это значительно ухудшило материальное положение духовенства, не говоря уже о причте. Какими бы малыми не были церковные имения, но сдача их в аренду приносила более существенные доходы, чем правительственное содержание. Предполагалось, что прихожане возьмут часть материальной заботы на себя, оплачивая церковные требы и устраивая кружечные сборы. Однако, в белорусских епархиях эти надежды не приносили должного удовлетворения, почему правящие архиереи обращались в Синод с просьбой увеличения окладов едва ли не половины всего духовенства.

Ситуация осложнялась также и тем обстоятельством, что значительных материальных вложений требовали и сами храмы. Большинство церквей были деревянными и ветхими еще со времен унии. Завершение каждого нового храма было большим событием. Таковым, например, было возрождение древней полоцкой обители прп. Евфросинии. В 1832 г. монастырь был передан православным в самом жалком состоянии. Восстановить его имеющимися средствами было невозможно. Тогда еп. Полоцкий Василий Лужинский решил обратиться за помощью к единоверным россиянам. В 1841 г. драгоценный крест прп. Евфросинии был с подобающими почестями отвезен для поклонения богомольцев в Москву и Петербург. При этом собирались пожертвования на возрождение полоцкой обители. На собранные средства в 1842 г. (35 тыс. руб. ассигнациями) отремонтировали Преображенский храм и восстановили монастырский корпус. При монастыре были устроены богадельня, сиротский приют и епархиальное женское училище.

Развитие церковной жизни после воссоединения униатов требовало от властей многого терпения и такта. Переход к новому не всегда есть резкий отказ от старого. Так было, например, с католическим праздником Тела Христова, который глубоко укоренился среди бывших униатов Полоцкой епархии и совершался с торжественными крестными ходами. Было решено переменить смысл празднуемого события и отмечать в девятый четверг после Пасхи память воссоединения униатов также с крестными ходами и

водоосвящениями. Воссоединенные пастыри и паства нередко продолжали общаться между собою на польском языке, писать и читать на нем известные молитвы. Влияние польской культуры и польских национальных идей по-прежнему создавало напряженный социальный узел, развязку которого ускорило восстание 1863-1864 г.

«Воскресение», № 2 (91), 2007 г.

36. Восстание 1863 года и политика «русификации»

Польское восстание 1863-64 гг. на белорусских землях имело важные последствия для укрепления здесь Православия. В советской историографии это восстание трактовалось как национально-освободительное. В новейшей белорусской историографии эта тенденция отчасти сохраняется до сих пор. Один из руководителей восстания Викентий-Константин Калиновский представляется национальным героем, а один из главных усмирителей восстания Виленский губернатор Михаил Муравьев как «вешатель». Но историческая действительность не может быть окрашена только в черно-белые цвета.

Восстанию предшествовало возбуждение умов в среде польского и полонофильствующего населения края. Это и паны землевладельцы, и низший класс чиновничества, и безземельная шляхта, и католическое духовенство, а также студенты и офицеры. Главной идеей было восстановление суверенного национального государства в границах Речи Посполитой 1772 г. (т.е. до первого раздела), включая Литву, Белоруссию и часть Украины. Предлагалось свергнуть власть российского императора. В среде заговорщиков не было единства. Одна партия искала мирных, дипломатических способов достижения цели. Другая готова была пойти на вооруженное неповиновение и рассчитывала на помощь иностранных держав Англии, Франции и др. Раньше восстание началось в Польше (в 1861 г.), Белоруссия и Литва к выступлениям были не готовы, и здесь они начались только в нач. 1863 г.

Широкой народной поддержки восстание не получило. Оно проходило в форме партизанской войны: отряды повстанцев скрывались в лесах и панских усадьбах, нападали на гарнизоны, чтобы пополнить запасы оружия, разрушали коммуникации, в поисках денег грабили кассы и казначейства, агитировали крестьян на выступления против властей. Однако последние иногда понимали дело по-своему, нападали на панские имения, грабили и жгли усадьбы. Вообще доля крестьянского участия на стороне восставших была ничтожно мала. Не смотря на громкие призывы «Мужыцкай праўды»

Калиновского, простые люди остались верными правительству, даже содействовали регулярным частям в поимке повстанцев, устраивали караулы и проч,

Не находя поддержки у крестьян, повстанческие отряды переходили от прокламаций к угрозам и даже расправам над крестьянами. Жертвами террора стали свыше 600 человек. Православное духовенство также часто служило мишенью для угроз, поскольку оно всегда поддерживало среди обывателей лояльность к властям. В 1863 г. архиеп. Полоцкий Василий Лужинский участвовал в Витебске в торжественных похоронах русского солдата Гринченко и высоко ставил пример его храбрости и верности присяге. После этого в архиепископа стреляли из пистолета на одной из загородных прогулок. Это, возможно, и не было прямым покушением, но были, к сожалению, и убийства священнослужителей. В Литовской епархии были жестоко убиты священники Роман Рапацкий и Константин Прокопович, а в Минской — священник Даниил Конопасевич и дьячок Федор Юзефович.

Плохо организованное, лишенное социальной опоры и поддержки большинства населения, восстание не могло развиваться и продолжаться долго. Генерал-губернатор Муравьев не дал соединиться разрозненным отрядам повстанцев. Их лидеры один за другим представляли перед судом и приговаривались к смертной казни. Всего было казнено 128 человек. Одним из последних был вынесен смертный приговор Калиновскому. Следствием установлено участие в восстании примерно 77 000 человек. Из них более 800 были сосланы на каторгу, а 12 500 были переселены в другие местности. Таким образом, были наказаны менее 1/5 общего количества участников. Эти цифры показывают, что правительство не проявляло к восставшим той особенной жестокости, о которой впоследствии станет говорить советская историография.

Известный белорусский ученый, патриарх национальной истории, Митрофан Довнар-Запольский (1867-1934) в своем курсе белорусской истории называет графа Муравьева — «одним из выдающихся деятелей эпохи». Характеризуя этого государственного деятеля, ученый поставляет ему в заслугу не столько те решительные и жесткие меры по подавлению восстания, которыми «славили» его в следующем столетии, сколько меры по улучшению гражданского управления, В первую очередь, они коснулись белорусских крестьян, которые оказались в лучшем положении, чем крестьяне центральных российских губерний. Однако к этому следует добавить и целостную программу упрочения российской власти в крае. Долгое время правительство в своей политике в западных губерниях искало опоры в господствующем сословии панов и шляхты. Однако это сословие своим «священным преданием» считало польские идеи шляхетской демократии, которые выразились в известных восстаниях 1831-32 и 1863-64

гг. Теперь правительственный курс меняется. Польское культурное влияние ограничивается, ему противопоставляется политика т.н. «русификации» края. Вводится запрет на преподавание польского языка в сельских школах, русский же язык вводится во все учебные и административные учреждения. Нелояльные по отношению к российской власти чиновники заменяются кадрами из центральных российских губерний. Широко ставится вопрос о народном образовании. Белорусский народ начинает рассматриваться как носитель «русской» национальности, что означало не подавление его этнических особенностей, но их выявление, поскольку в понимании правительства «русская нация» состояла из трех народностей: великорусов, малорусов и белорусов и между ними была крепкая религиозная связь — Православие.

Католическое духовенство в своем большинстве оказало активную поддержку восставшим. В костелах хранились и зачитывались повстанческие прокламации, здесь вместе с молитвенными гимнами распевались польские патриотические песни. Сами ксендзы принимали нередко непосредственное участие в повстанческих акциях, вдохновляли последние. Например, ксендз Антоний Мацкевич даже был одним из главных руководителей восстания в Литве. Свою политическую неблагонадежность католические духовные показывали и раньше. Поэтому правительство сокращает количество католических храмов и монастырей, ужесточает контроль за прозелитской деятельностью ксендзов и проч. При этом оно принимает решительные меры к усилению Православия в крае, восстанавливая храмы, поддерживая приходские школы, благотворительную и миссионерскую деятельность, улучшая материальное положение духовенства. Эти меры приводят к небывалому за последние 300 лет расцвету церковной жизни.

“Воскресение”, № 3 (92), 2007 г.

37. Единство идеи, подобие форм и разнообразие исполнения

В 1864-1865 гг. на белорусских землях разворачивается масштабное строительство и восстановление православных храмов. Несмотря на почти вековое российское правление в крае с большинством православного населения не ощущалось русского и православного господства. На фоне возвышающихся каменных костелов церкви невыгодно отличались своими темными и скромными силуэтами. Исправление ситуации стало насущной задачей правительства, уяснившего себе существующее положение дел в ходе польского восстания 1863-1864 гг.

Большинство храмов были деревянными, зачастую требующими капитального ремонта или перестройки. В одной Минской епархии в 1864 г.

на 45 каменных приходилось 399 деревянных церквей, причем подавляющее их число по отчету ревизионной комиссии нуждалось в ремонте. Безусловно, православные церкви и строились, и восстанавливались, но темпы были совершенно неудовлетворительными: разрушение временем опережало восстановление. Указ 1852 г. обязывал панов заботиться о храмах для своих крестьян. Однако местный владелец, который зачастую был католиком, не проявлял большой заботы о благополучии православной церкви. В казенных имениях проекты должны были проходить утверждение в губернских комитетах, однако и здесь долгое время господствовал польский и католический дух не на пользу Православия. Оставались только приходские причты и сами прихожане, у которых недостаток материальных средств мог компенсироваться только усердной молитвой.

Противодействие всему польскому и католическому в Северо-Западном крае Российской империи стало задачей правительственной администрации, которую возглавил Виленский генерал-губернатор Михаил Муравьев. Еще до своего повторного назначения в западные губернии он проявлял заботу о восстановлении здесь православных храмов, будучи министром государственных имуществ. Теперь же, после своего назначения, явился с продуманным планом административных мер. В 1864г. Михаил Муравьев получил отчеты о состоянии церквей в белорусских губерниях. Они показали всю пагубность зависимости православного населения от настроения католических панов. Нередко уже собранные крестьянами для ремонта своего храма деньги и материалы паны направляли на собственные нужды, на нужды костела или даже использовали на поддержку восстания. Для исправления положения необходима была организационная и материальная поддержка правительства, сочетавшаяся с инициативой на местах.

В 1858 г. на строительство церквей уже было выделено полмиллиона рублей. В 1860 г. — еще миллион. Но этих государственных средств при неумелом использовании хватило для поправки только 1/6 части от общего количества нуждающихся приходов Минской, Могилевской и Витебской губерний. Михаил Муравьев пошел по пути изыскания средств из местных фондов. Сумма формировалась из обычных налоговых губернских сборов, специального сбора на строительство церквей, отчислений из государственных пособий, а также кружечных сборов благотворительных акций. Таким образом только из местного бюджета Виленский генерал-губернатор отпустил более 900 тыс. рублей. Организованная же им благотворительная помощь от пожертвований не поддается точному вычислению (на восстановление только двух древних церквей Вильно собрано ок. 300 тыс. рублей). Вместе с тем обращалось внимание и на то, чтобы использование средств было экономным и эффективным. Проектирование и подготовка необходимой документации были изъяты из

прежнего ведомства местных властей. В каждом приходе были сформированы группы из 4-8 активных прихожан во главе со священником, которые составили местный попечительский совет, отвечающий за благосостояние храма. В каждой губернии образованы специальные комитеты, занимающиеся церковно-строительным делом. Подготовленные заказы шли на рассмотрение в главный строительный комитет, находящийся в Вильно. Его возглавляли художник Александр Рязанов и архитектор Николай Чагин. Сам генерал-губернатор Михаил Муравьев принимал участие в каждом вопросе. Исполнение одобренного проекта доверялось преимущественно профессиональным подрядчикам, а не местным хозяйственникам. Когда виленский комитет перестал справляться с обилием проектов, тогда из Министерства государственных имуществ были предложены готовые «типовые» проекты церквей на 200, 300 и 500 прихожан. Интенсивность строительства при Михаиле Муравьеве удивительна. За 1863-1865 гг. было выстроено 98 новых церквей и 63 часовни, отремонтировано 126 храмов, перестроено из бывших католических костелов и часовен — 19 в разных уездах белорусских губерний.

Главной идеей этого интенсивного церковного строительства было явное, показательное восстановление издревле русского и православного образа страны. В деятельности Михаила Муравьева просматривается задача активизировать местные народные силы. Храмы не только строились, они восстанавливались, на смену их запущенному тусклому облику приходил образ православия далеких прадедов. С одной стороны, видим похожие формы небольших сельских храмов, построенных в ретроспективном русском стиле московского и ярославского зодчества: колокольня над входом, продолговатая «трапезная», расширяющийся основной объем с куполом в центральной части и алтарь с двумя ризницами по бокам. С другой стороны, при общем подобии храмы в одной местности не повторяются, что было также задачей архитекторов и строителей. Сказываются характерные для белорусских зодчих использование бутовой кладки, традиционность декоративных элементов, даже сама форма не может противопоставляться стилю народной архитектуры деревянных церквей 17-18 вв. Понятно, что строительство нового храма в сельской местности зависело от материальных возможностей и размеров прихода, и само внешнее сходство таких церквей было выражением сходства форм сельских храмов и в прежние времена. В городе же восстановление былого облика православного храма становилось подлинным возрождением древних традиций. Когда в Вильно из бывшей ветеринарной клиники, дома бедняков и кузницы восстает в своем величии древнейший собор в честь Успения Богородицы, кафедра западнорусских митрополитов, своим основанием восходящий ко времени Ольгерда (1348г.), или из развалин восстают древние Пятницкая (1345г.) и Никольская церкви (1340г.), тогда зримо звучит свидетельство исконности Православия в

Великом княжестве Литовском. А ведь кроме виленских церквей были восстановлены Софийский собор в Гродно, Петро-Павловский кафедральный собор в Минске и др. Прихожане, откликаясь на призыв администрации края, не были простыми зрителями событий, но их прямыми участниками, помогая при заготовке необходимых материалов, жертвуя свои средства на ремонты, объединяясь в попечительские советы. Активизация церковного строительства привела вообще к активизации приходской жизни в разных сферах: богослужбной, благотворительной, просветительской.

«Воскресение», № 5 (94), 2007 г.

38. Любовь к просвещению была характерна

Масштабное строительство и восстановление православных храмов в 60-х годах XIX в. проводилось не только для престижа официального Православия в Западном крае России. Это был шаг навстречу местным условиям, внимание к тем духовным потребностям простого народа, которые слишком долго находились в пренебрежении гражданской власти. Храм есть дом молитвы, но вместе с тем это школа и религиозной эстетики, и элементарной грамотности. Среди православных белорусов бытовали суеверия, сохранялись католические обычаи совершать крестное знамение, молиться и соблюдать посты. В конфессиональном отношении православные не составляли большинства населения на белорусских землях. В конце XIX века на двух православных жителей приходился один католик и один иудей. Таким образом, перед духовенством кроме исполнения богослужбных обязанностей стояли широкие просветительские задачи.

Синодальная система производила известные недостатки церковной жизни. Одним из них была частая смена архиереев и перевод их по епархиям Русской Церкви, иногда отдаленным друг от друга так, что епископ должен был знакомиться с новыми для него местными условиями. Пастыри, подготовившие воссоединение униатов, находились на белорусских кафедрах дольше своих преемников, Митр. Иосиф Семашко возглавлял Литовскую епархию 28 лет до самой своей кончины, архиеп. Василий Лужинский занимал Полоцкую кафедру 26 лет, а Михаил Голубович был епископом Минским 20 лет. Остальные архиереи служили до нового перевода 5-6 лет, реже до 10 лет. Епископ является обладателем высшей духовной власти, и от его способностей нередко зависит дело христианского просвещения в епархии. Архиеп. Макарий (Булгаков), занимавший Литовскую кафедру около 10 лет, сам был просвещенным пастырем, известным знатоком русской

церковной истории и ученым богословом. Однако каждые полгода он находился в Петербурге, участвуя в работе Святейшего Синода, и только другую половину года он мог посвящать своим уединенным ученым занятиям и непосредственному епархиальному управлению. Минский же епископ Симеон (Линьков), запомнившийся своей замечательной ревностью в совершении богослужения, уделял вместе с тем много внимания делу просвещения на местах, тщательно вникал во все детали, вел переписку с приходскими священниками. Если Литовский епископ Алексей (Лавров)— знаток церковного права, чья благообразная наружность внушала уважение даже евреям, во время разъездов по епархии не обходивший и костелов, заслуживший всеобщее уважение — однако вовсе не произносил проповедей с амвона, то Могилевский епископ Анатолий (Мартыновский) запомнился своей любовью к проповеди, частыми катехизическими поучениями.

При всей этой, так сказать, неравномерности любовь к самому делу христианского просвещения была присуща тому времени. Четыре духовные семинарии: Литовская (в Вильно), Минская, Могилевская и Витебская — давали хорошее образование, и простой народ приучался видеть в своих пастырях полноценных наставников. В Могилевской семинарии было даже заведено, чтобы семинарист по мере своего обучения проходил педагогическую практику в приходской школе. Подъем духовного образования ознаменовался проектом создания в Вильно духовной академии.

В каждой епархии выходили «епархиальные ведомости» (Литовские, Минские, Могилевские, Полоцкие), которые кроме официальных статей и отчетности содержали публикации богословского, церковно-исторического и нравственно-назидательного характера. В каждом храме была заведена «летопись», куда заносились не только текущие события, но и собиралась информация о древности храма и его истории. Появились непревзойденные до сих пор опыты сводного исторического описания православных церквей. Из опубликованных следует назвать 9-томное историко-статистическое описание Минской епархии архим. Николая (Трусковского).

В крупных городах проводились религиозно-нравственные чтения, привлекавшие внимание интеллигенции. Большое значение имело празднование в 1889 г. пятидесятилетия воссоединения униатов, когда проводились публичные лекции известных профессоров М. Кояловича, И. Малышевского, И. Будиловича на униатскую тематику, было издано много популярных книг и брошюр. Публикация разных документов по истории Православия стала вообще характерной, историческое самосознание выходило из забвения. Публичные чтения приобретали миссионерскую направленность. В Вильно бывший раввин Павел Дрейзин собирал большие аудитории евреев. Многие после его бесед принимали святое крещение. К сожалению, эти чтения прекратились после скорой смерти миссионера. В Витебской губернии православная миссия имела значительный успех между

латышами, поселившимися здесь благодаря привлекательным условиям землепользования. Для них, обращавшихся из лютеранства, звучали проповедь и богослужение на латышском языке. Мобильность православной миссии характеризует создание даже специальной церкви-вагона для передвижения по линии полесских железных дорог.

Свою роль в деле просвещения сыграли возрождающиеся братства, Свято-Духовское братство в Вильно собирало средства для выплаты стипендий учащимся духовного ведомства, само содержало школу псаломщиков, издавало книги просветительского характера. В Минске братство свв. Мефодия и Кирилла содержало учеников духовной семинарии, стесненных материальными средствами. В Витебске Свято-Владимирское братство учредило комитет для миссионерской работы среди старообрядцев, создало для этого необходимую библиотеку, а также распространяло общеобразовательную учебную литературу. В Могилеве возродилось Богоявленское братство, деятельность которого была ориентирована на создание библиотек учебной литературы и доступных библиотек-читален.

Особого рассказа заслуживает деятельность на Беларуси церковно-приходских школ, в которой выразилась забота о христианском просвещении народа.

«Воскресение», № 7 (96), 2007 г.

39. При каждой церкви — школа

Важная просветительская задача Церкви — христианское воспитание и образование. Во второй половине XIX в. значительным шагом в этом направлении было развитие системы народных школ.

Первые шаги к устройству народных училищ предпринимала еще имп. Екатерина II, а «Правила» народного просвещения, утвержденные имп. Александром I в 1803 г., предполагали активное участие в этом деле приходского духовенства. Однако государственные и частные инициативы не сразу достигали должного эффекта. Учебные заведения делились по сословному признаку, программы были слишком насыщенными, забота об образовании крепостных возлагалась на помещиков, которые, за редкими исключениями, не были заинтересованы в этом деле, в казенных имениях не хватало финансирования и проч. При имп. Николае I роль духовенства в деле народного образования была еще раз особо подчеркнута в Уставе 1828 г. Со стороны Церкви также были приняты соответствующие меры. Указ Святейшего Синода 1836 г. вменил в обязанность приходскому духовенству бесплатное начальное обучение крестьянских детей, а Устав духовных

консисторий 1841 г. вменял в обязанность духовных правлений заботу об открытии церковноприходских школ.

Известным ревнителем в деле народного просвещения и образования на белорусских землях был митр. Иосиф Семашко. В 1864 г. при 450 храмах Литовской епархии (в которую входили губернии Виленская и Гродненская) насчитывалось 260 школ для простого народа, а в 1868 г. (в год кончины митр. Иосифа) их было уже 468. Увеличение количества начальных народных училищ в 60-е годы связано, конечно, с теми широкими преобразованиями, которые проводило правительство имп. Александра II. Крестьянин освобождался от крепостной зависимости, но и помещик освобождался от обязанности заботиться об образовании крестьянина. Однако последний согласно своему новому статусу должен был ориентироваться в законодательных нормах, подписывать договора, вести учет кредитных средств и проч. Неграмотность крестьянства открывала широкие возможности для злоупотребления как со стороны чиновников, так и со стороны прежних господ-помещиков. Сам крестьянский быт, насыщенный тяжелым трудом всей семьи от мала до велика, не представлял благоприятных условий для учебы. Курс «наук» мог преподаваться в зависимости от земельных работ только с осени до весны. Преимущественный возраст учеников девять-одиннадцать лет. Для взрослых крестьян были учреждены т.н. «воскресные» школы, в которых занятия проводились по воскресным и праздничным дням.

Привлечение к делу народного образования духовенства показывает, что целью образовательной программы было не только распространение необходимых практических знаний, но и воспитание. Понятно, что соединение образовательного и воспитательного процесса в школьной педагогике — дело очень непростое, а для нашего времени, прямо скажем, проблемное. Конечно, в приходских школах того времени было уделено преимущественное внимание предметам собственно религиозным: вероучению, краткой библейской истории, объяснению заповедей и молитв (что обычно называется собирательно — Закон Божий). Но здесь сразу надо иметь в виду то, что на Руси целыми столетиями не было никакого народного духовного образования кроме преемственного сохранения патриархальных христианских традиций в семье. И наряду с положительными примерами народного благочестия здесь бытовали самые темные народные суеверия! Отрадное исключение на этом фоне общего невежества представляют приходские школы Украины, получившие свое распространение с цветущих времен знаменитых братств XVI в. Что же касается белорусских земель, то здесь забитость и бесправность простого народа усугублялась духовным порабощением, которым была Брестская уния. В результате многие вообще терялись при ответе на вопрос, в какого Бога они верят. Невежество же

сочеталось еще и с равнодушием. В таких условиях школьное преподавание религиозных основ есть важный шаг в миссионерском отношении.

Кроме собственно религиозных предметов, преподавались начала чтения, письма и арифметики. Изучение церковнославянской азбуки было необходимо для чтения и пения молитв. Большое значение, безусловно, имело знакомство с русским языком. Здесь приходится слышать недовольные замечания в адрес «русификации». Однако перед народной школой стояли в первую очередь практические задачи, и для крестьянина было необходимо знакомство с языком, на котором издавались государственные законы и велось делопроизводство. И здесь возникает вопрос: на каком другом языке, как не на «местном диалекте крестьянского наречия» можно было вести обучение детей белорусских крестьян в их собственных хатах? И кто, как не священник, нередко сам выходец из крестьянской среды, мог лучше всего находить общий язык со своими прихожанами? Странно было ожидать от русской администрации края решительных шагов к поощрению изучения белорусского языка, когда в научном отношении вопрос о нем только ставился, а сами белорусские поэты и писатели употребляли то польский, то русский алфавит, сетуя в переписке на отсутствие единых грамматических норм даже в нач. XX в. (первая учебная грамматика Б. Тарашкевича вышла, как известно, в 1918 г.).

Показательна статистика количества приходских школ, приведенная известным белорусским церковным историком Г. Киприановичем на к. XIX в. В четырех белорусских епархиях (включая частично территорию совр. Литвы) было 6702 народные школы (церковноприходские школы, школы грамоты и народные училища) с 213936 учащимися. Храмов же было 1855. Значит, на один храм приходилось в среднем 3 школы. Известно также, что самый высокий процент учащихся детей школьного возраста был в Могилевской (34%) и Гродненской (26,7%) губерниях, а самый низкий в Виленской (7,6%) и Витебской (8,3%). Таким образом, высокие показатели приближались к европейскому уровню, а низкие были не худшими по России в целом.

«Воскресение», № 8 (97), 2007 г.

40. Указ 1905 года об укреплении начал веротерпимости

Положение Православной Церкви, равно как и других исповеданий в Российской империи определялось законом. В отличие от нашего времени государство тогда не имело светского характера, но считалось христианским с православным монархом во главе. Православная Церковь была самой многочисленной (согласно переписи 1897 г., православные, включая

старообрядцев, составляли 71 % населения), закон определял ее господствующей и защищал от прозелитизма со стороны других исповеданий. Последние имели статус терпимых.

Государство не имело явных намерений обратить всех своих подданных в господствующую веру. Полагая своей целью сохранение общественного порядка и лояльности императорской власти, закон определял принцип веротерпимости в форме свободного отправления богослужений и сохранения родного исповедания. Государство выступало гарантом целостности той или иной религиозной группы, предусматривая те или иные меры против ослушников своей духовной власти как возмутителей общественного спокойствия. Это в особенности касалось не только господствующей Православной Церкви, но и терпимых исповеданий, среди которых были и покровительствуемые (римскокатолическое, лютеранское и частично мусульманское), получавшие финансирование из казны. Переход из одной веры в другую дозволялся только с ведома гражданской власти. Православная Церковь могла осуществлять свою миссию среди иноверцев только проповедью и убеждением, но никак не принуждением и насилием. В среде же православных никакие формы миссионерской деятельности со стороны других исповеданий законом не позволялись.

В нач. XX в. вышло несколько правительственных распоряжений, развивавших установившуюся систему государственных и церковных отношений. Среди них особую важность имел императорский указ Сенату 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Этот указ разрешил выйти из Православной Церкви обществам, только формально к ней принадлежащим. Определенные права получили старообрядцы, которых прежде закон рассматривал как упорствующих раскольников, отступников от Православия, а присоединенные в разное время, но упорствующие в своем прежнем исповедании могли в него возвратиться (например, в католичество, лютеранство).

Последнее право, предоставленное по закону 1905 г., имело важные последствия для белорусских земель. Римскокатолическое духовенство в отличие от православного встретило императорский указ подготовленным. Спустя буквально несколько дней после обнародования документа Виленский бискуп написал циркулярное письмо с призывом возвращаться в католичество. Губернская администрация была не готова к нахлынувшему количеству типичных обращений. Согласно правилам о переходе православного в инославное исповедание, изданным Святейшим Синодом, местный православный священник должен был в течение месяца, пока велась соответствующая переписка между губернской администрацией и духовными правлениями, приложить старания, чтобы отговорить просителя от перехода в другую веру. За период 1905 -1908 гг. из Православия в католичество в белорусских губерниях перешло более 60 тыс. человек. Всего же со времени

выхода указа до 1917 г. число католиков здесь увеличилось с 300 тыс. до 500 тыс. Это был всплеск. Формальная принадлежность к Православию более не могла искусственно сдерживать католические симпатии. Ушли те, кто лелеяли в памяти свое католическое прошлое, кому была приятна органная музыка и по душе приходились более легкие уставы о постах и молитвах. Процесс захватил не только бывших католиков, но и бывших униатов. Не следует забывать, конечно, что имел место и обратный процесс перехода из католичества в Православие: в нач. XX в. в среднем 1 тыс. человек ежегодно.

В целом указ о веротерпимости 1905 г. обострил здесь конфессиональные отношения. Отмена ограничений на переход из господствующего исповедания активизировала миссионерскую деятельность католического духовенства. Что же касается правительственной политики в Северо-Западном крае России, то перед ним стояла та проблема, что, устанавливая терпимость к этому исповеданию, с одной стороны, оно вынуждено было считаться с его пропольским духом, с его неприязненным отношением ко всему русскому и православному — с другой стороны. Поэтому разными способами местная администрация старалась сдерживать усиливающееся католичество. В частности, строительство нового костела необходимо было по-прежнему согласовывать с губернским начальством.

Православное духовенство, в свою очередь, должно было активизировать миссионерские усилия, чтобы охранять свою паству. Сильную поддержку этому делу оказали братства. В 1905-1907 гг. прошел целый ряд местных братских съездов. В 1907 г. состоялся первый общий съезд представителей всех западнорусских братств. В 1909 г. – второй. Целью этого движения была организация православного братства при каждом приходе. Эта активная группа прихожан могла бы содействовать развитию приходской жизни, изданию, распространению и популяризации просветительской литературы и церковной периодики. Конечно, росла заинтересованность в церковных реформах, в особенности, обсуждение вопроса о готовящемся Поместном Соборе Русской Церкви.

«Воскресение», № 1 (102), 2008 г.

41. Белорусские архиереи о церковной реформе

Государственные реформы в сфере религиозных отношений способствовали выходу накопившихся чаяний внутри Русской Православной Церкви. Спустя несколько месяцев после выхода указа о веротерпимости в том же 1905 г. Святейший Синод рассылает всем русским архиереям запрос о реформах церковного управления, духовного образования и богослужения.

Этот обзор мнений служил подготовлением к предстоящему Поместному Собору. Важнейшей задачей будущего Собора было восстановление патриаршества, упраздненного в Русской Церкви имп. Петром I. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, опубликованные в серии «Материалы по истории Церкви» (М., 2004), не потеряли своей актуальности и для нашего времени.

Мнения архиереев из белорусских епархий представляют интерес не только для их личностных характеристик, но и для изучения местных церковных условий. Хотя в этих ответах нет такого чувства и глубины как, например, в отзыве о восстановлении патриаршества у епископа Волынского Антония (Храповицкого), выдающегося богослова и будущего известного церковного деятеля. Это скорее практики. Однако по вопросу об избрании патриарха и его полномочиях интересно трезвое и взвешенное мнение самого, пожалуй, ученого из них, епископа Могилевского Стефана (Архангельского). Он пишет, что избираемый на Поместном Соборе патриарх должен управлять Церковью не единолично, а посредством постоянного Синода. Как известно, такое правило действует сейчас в Русской Церкви.

В записке архиепископа Литовского Никандра (Молчанова) находим предложение о восстановлении среди других митрополичьих округов старой западнорусской Литовской митрополии с центром в Вильно. Эта идея была поддержана и другими белорусскими архиереями. Против такого объединения белорусских и литовских епархий в один церковный округ высказывалось опасение, что церковное обособление может послужить дальнейшему политическому обособлению западной окраины Российской империи. Преосвящ. Никандр замечает со своей стороны, что национальное и религиозное обособление уже захватывает здесь литовцев, евреев, поляков, и само стечение обстоятельств побуждает православных противопоставить этому свое национальное и религиозное объединение. Кроме того, архиепископ Литовский с беспокойством замечает растущую активность католической миссии после указа о веротерпимости. Это далеко не мирное движение. Здесь присутствуют и угрозы, и насилия, и обманы. Разрушению подверглась церковь святого Иоанна Предтечи в Сморгони, в Ковенской губернии нападению подверглись Сурдегский мужской и Антолепский женский монастыри.

Соборное тело Церкви состоит из множества частей, большая часть которых это приходские общины. Поэтому возрождению приходской жизни также было уделено много внимания в записках архиереев. Архиеп. Никандр видел одну из главных причин спада в разобщении пастырей и пасомых. Епископ Полоцкий Серафим (Мещеряков) заостряет эту проблему следующим образом: «Миряне обыкновенно заявляют, что при существующем порядке миряне только жертвователи, лишённые

возможности следить, куда отправляются их пожертвования. Такое положение отучает прихожан интересоваться церковными делами, не дает им чувствовать себя членами прихода». Епископ Минский Михаил (Темнорусов) высказывает несколько иное мнение: «Один благочестивый наблюдатель приходской жизни в нашем крае с грустью однажды сказал нам, что все зло в том, что в нашей деревне живут два одинаково голодных волка — поп и мужик, которые, будучи обречены жить на те скудные средства, которые дает деревня, и не имея никакого другого источника дохода извне, должны пожирать друг друга». Какие выходы предлагались из создавшегося положения? Это, конечно, меры, повышающие активность прихожан. Община должна быть наделена правами юридического лица. Все финансовые, хозяйственные и другие важные вопросы необходимо обсуждать на регулярных приходских собраниях. На приходском собрании избирался бы в помощь священнику приходской совет. Предлагались казенное обеспечение священнослужителей, снимавшее это бремя с прихожан. По вопросу об избрании священников на приходские места самой общиной архиереи остались верны существовавшей практике назначения священников только епископской властью во избежание злоупотребления выборным началом.

В отношении улучшения богослужебных порядков и благочестия указывалось на трудность понимания церковнославянского языка. С одной стороны, православные часто заявляют о превосходстве кирилломедофодиевской традиции над латинской костельной, а с другой, налицо непонимание этой самой традиции. Обращалось внимание на ошибки переводчиков и справщиков славянских богослужебных текстов, на недостаток простых и доступных объяснений богослужебных чинов и молитв. Однако никто из белорусских архиереев не высказался тогда за перевод богослужения на местный язык. Предлагалось редактировать тексты, исправлять неточности и ошибки, стилизовать под русскую речь. Повсеместное сокращение богослужебного устава также предлагалось нормировать. Или централизованным образом выработать единую для всех схему совершения богослужения путем сокращения уставных служб, или выработать принцип такого сокращения, обозначив части обязательные, другие же оставить на усмотрение настоятелей. В отношении формального соблюдения постов также были высказаны некоторые замечания. В частности, епископ Полоцкий Серафим обращал внимание на известное правило Типикона, запрещающее в определенные дни растительное масло, но разрешающее вино. Понятно, что для жителя Палестины или Греции подобное ограничение должно иметь одно значение, а для русского — другое. Епископ Серафим предлагал также приспособлять правила поста к условиям сельской жизни. Например, Петров пост попадает на период, когда крестьянин употребил продукты прошлого года, а новый урожай еще

вперед, поэтому уместно было бы сократить этот пост до 8 дней, т.е. до минимальной его продолжительности при поздней Пасхе.

Не осталось без внимания и духовное образование. Одной из главных проблем здесь было равнодушие воспитанников к духовному званию, отток студентов в светские учебные заведения. Указывалось на перегруженность программ светскими предметами. Предлагалось разделить семинарское образование. Общеобразовательную часть присоединить к программам духовных училищ, увеличив соответственно срок обучения, а другую, собственно богословскую, сделать специально пастырской трех или четырех годичной (пастырские курсы). Архиеп. Никандр вновь подал голос за учреждение в Вильно духовной академии «с кафедрами миссионерских предметов, где особое внимание уделялось бы изучению разностей православного и римско-католического исповедания, а также местных языков: польского и литовского». Это миссионерское направление остается задачей для открытой в 1996 г. Минской духовной академии. На предстоящем Поместном Соборе предлагалось обсудить также разность в православном и католическом учении об исхождении Святого Духа («Филиокве»), проблему смешанных браков, отношение к старому обряду и проч.

Однако все эти мнения равно как и последующая работа Предсоборного Присутствия и Святейшего Синода не были доведены до созыва Поместного Собора. Император Николай II своей резолюцией отложил подготовку по причине «тревожного времени». Час пробил для созыва Собора в гораздо более тревожное, даже трагическое время 1917-1918 годов.

«Воскресение», № 2 (103), 2008 г.

42. Накануне октябрьского переворота

Обсуждение церковных реформ, подготовка к Поместному Собору Русской Церкви происходили в тревожное для страны время. Различные общественные движения ратовали за изменение государственного быта Российской империи. Велись разговоры об ограничении монархической власти, конституционных и демократических формах правления. На фабриках и заводах рабочие выдвигали экономические требования, бастовали. То тут, то там вспыхивали крестьянские волнения. Социалисты вели свою подпольную агитацию, совершались террористические акты против членов правительства и царской администрации. В среде интеллигенции господствовало безразличие к религиозности, иногда

нигилизм, доходящий даже до отрицания Бога. Основная же масса населения империи, крестьянство, была религиозной. Несмотря на попытки революционеров активизировать крестьян, они оставались политически пассивными.

В адрес Церкви раздавались тогда упреки не только со страниц либеральной печати, но и монархическипатриотической: «Духовенство само является виноватым в отпадении людей от Православия». В церковной же печати говорилось о разобщении пастырей и паствы, о духовном упадке священнослужителей. Впрочем, разговоры о близости к народу и общенародном благе были интеллектуальной модой того времени. Даже «казенное» преподавание Закона Божия в школе ни в какое сравнение не идет с полным отсутствием этого преподавания. Думается, что упреки в отношении духовенства и просветительской деятельности Церкви были преувеличены.

Однако обращалось внимание и на более важную проблему церковногосударственных отношений. «Нужно раскрепостить Церковь», – говорили депутаты от духовенства в Государственной Думе при обсуждении бюджета Святейшего Синода в 1916 г. Действительно, государственная опека над Церковью приводила к крепостному состоянию последней. Участие духовенства в официальных церемониях «потому что так надо» лишало его нравственной силы. Канцелярские формы правления, частые переводы архиереев, недостатки духовной школы и проч. – все эти проблемы внутрицерковной жизни не могли быть разрешены без тормозящего влияния государства. С другой стороны, движение к необходимым государственным преобразованиям не могло не коснуться положения Церкви. И это движение приобретало секулярный характер: сначала отделение Церкви от государства, а у социалистовбольшевиков – вплоть до уничтожения ее как опоры старого режима.

Социальные брожения коснулись и Православной Церкви в белорусских губерниях. Только здесь были свои особенности. В своем письме 1906 г. о церковной реформе Литовский архиепископ Никандр (Молчанов) указал на слабо выраженную преданность православной вере, бедность и забитость простого народа. Можно добавить сюда еще активную деятельность католического духовенства, неразвитость белорусской национальной обособленности, значительную экономическую силу еврейского населения. Православное духовенство считалось оплотом консервативных начал. Его представителей выдвигали в качестве депутатов в Государственную Думу. Например, в Думе третьего состава из 36 депутатов от белорусских губерний было 9 священнослужителей.

В 1914 г. в Беларуси было 5 епархий: Полоцкая, Минская, Могилевская, Виленская и Гродненская (учреждена в 1900 г.). В помощь правящим архиереям были назначены викарии: в Полоцкой епархии –

«епископ Двинский», в Минской – «епископ Слуцкий», в Могилевской – «епископ Гомельский», в Гродненской – «епископ Белостокский». Приблизительно в это же время количество храмов по всем епархиям составляло 3 552, мужских монастырей – 21 и женских – 14. В Вильно, Минске и Витебске действовали духовные семинарии.

Первая Мировая война нанесла громадный ущерб белорусскому краю. В ходе неудачного наступления на Восточную Пруссию российская армия была разбита и отступала. В 1915 г. фронт военных действия проходил по линии ДвинскПоставы БарановичиПинск. Множество людей с приближением линии фронта уходило в восточную половину Беларуси. Переселенцев насчитывалось более 1 млн. При соборных церквях, монастырях и духовных учебных заведениях открывались лазареты для больных и раненых. Для осиротевших и потерявших все свое имущество создавались приюты. Государственные перевороты 1917 г. произошли, когда белорусские губернии находились на военном положении. Император Николай II отрекся от престола. Поместный Собор 1917/1918 гг. открыл новый период истории Русской Церкви.

Несмотря на всю критику в адрес Православной Церкви до 1917 г., на последующие оценки советского времени, на современные сетования на «русификаторский» облик Православия в Беларуси, именно в период российского правления, после разделов Речи Посполитой, были восстановлены или построены множество православных храмов, создана сеть церковноприходских школ, организованы братства, библиотеки. Духовнопросветительское значение этого периода в истории Церкви в Беларуси невозможно переоценить. Церковная жизнь затем по-разному сложится в Западной и Восточной Белоруссии. Но все церковное, что сохранилось до нашего времени, несет на себе отпечаток той эпохи, когда христианская жизнь была традицией государственной, семейной и личной. И хотя внешнее благолепие восстанавливается, гораздо труднее восстановить внутреннюю преемственность, ту традицию, которая была прервана в период гонений на Церковь и дальнейшей секуляризации общества.

«Воскресение», №3 (104), 2008 г.

43. К юбилею памяти князя Константина Острожского

В нынешнем году исполняется четыреста лет со дня кончины известного покровителя православной веры в Великом княжестве Литовском князя Константина (Василия) Константиновича Острожского (1526/1608). В церковной истории он запомнился своими

заботами о просвещении и защите интересов православной паствы против навязывания унии с Римской церковью.

Род Острожских славился древностью своего происхождения. Князь Георгий и княгиня Варвара Туровские, с которых начинается этот княжеский род, восходили к потомкам великого князя Владимира Святого, крестителя Руси. Волынская летопись, сообщающая о кончине князя Георгия в 1292 г., характеризует его как кроткого, смиренного и правдивого правителя. Сын Георгия Дмитрий стал князем в г. Острог (на территории совр. Украины) и получил по обычаям того времени титул «Острожского».

Христианское благочестие составляло подлинное наследство Острожских, передаваемое из рода в род. Среди них своей святостью прославился князь Федор, который ок. 1348 г. удалился в КиевоПечерский монастырь и принял постриг с именем Феодосия. Его супруга также удалилась в монастырь и стала инокиней Агриппиной.

Правнуком этой святой четы был знаменитый **князь Константин Иванович Острожский, великий гетман литовский** (†1530). На службе у литовского князя Александра он принял участие в войне с князем московским Иваном III. В 1500 г. на реке Ведроши литовские войска потерпели тяжелое поражение от московских воевод, устроивших засаду. Константин Острожский попал в плен и был отправлен под охраной в Вологду. Однако он сохранил верность своему патрону и бежал из московского плена, чтобы предотвратить новую опасность для своей страны, возникшую в связи с мятежом его родственника по материнской линии Михаила Глинского. В 1514 г. близ Орши литовское войско под началом Острожского нанесло сокрушительное поражение московским войскам. Находясь в невыгодном положении, в тылу имея реку, гетман умело использовал тактику отступления и артиллерию, чтобы одолеть почти в три раза превосходящего противника. Еще более успешно боролся князь Константин Иванович с набегами крымских татар. На его надгробии в КиевоПечерской лавре упоминается о 63 воинских победах. Польский король и литовский князь Сизизмунд I торжественно величал своего гетмана, щедро награждал его именьями. Верный благочестию своих предков Константин Иванович делал богатые вклады в монастыри, строил храмы. Благодаря ему были построены собор в Новогрудке — первой резиденции литовских митрополитов, каменная церковь в честь свт. Николая и Пречистенский собор в Вильно. Им также была построена церковь свт. Николая в тогда еще небольшом местечке Смолевичах под Минском.

Сын Константина Ивановича также **Константин, а во святом крещении Василий**, родился в Турове в 1526 г. и после скорой смерти отца остался на попечении своей матери Александры Семеновны княжны Слуцкой. Получив необходимое домашнее образование и воспитание, молодой князь женился на дочери галицкого магната Софии Тарновской.

Родились три сына: Януш, Константин и Александр. В семейной жизни князя Константина сопровождали несчастья: два младших сына умерли еще при жизни отца, горько сложилась судьба племянницы Елисаветы (Альжбеты). Однако внешнее благополучие, казалось, покрывало все внутренние беды. Согласно своему богатому имущественному состоянию и заслугам отца князь Константин Острожский занял и высокое общественное положение, став в 32 года киевским воеводой. В 1569 г. он принял участие в Люблинской унии, соединившей Великое княжество Литовской с Польским королевством в одно государство. Украинские земли тогда были отторгнуты от литовского княжества и присоединены к Польше. Константин Острожский, которому достаточно было выразить только свой протест, чтобы помешать планам поляков, однако, дал свое согласие, за что заслужил немало упреков от историков. Очевидно, сфера его интересов лежала за пределами политики. Новообразованный государственный союз – Речь Посполитая – постепенно терял свою привлекательность как образец свободы политической и религиозной. Постепенно официальному господству католической религии стали соответствовать политические и сословные привилегии.

Князь Константин Острожский явился покровителем Православия. Его обширные имения находились в разных областях Великого княжества Литовского, на белорусских и украинских землях, и в этих имениях было примерно 600 церквей. Значение князя Острожского для упрочнения положения православной веры в Литве признавали в разное время король Стефан Баторий и папа римский Климент VIII. Это значение осознали и сами православные. Невежество и нравственная распущенность, с одной стороны, активная миссионерская деятельность протестантов и католиков — с другой, поражали и духовенство, и паству западнорусскую. Только просвещение, школа могла поправить положение. К князю Константину Острожскому как богатому патрону обращали свои взоры все, кто хорошо понимал эту нужду. И надо сказать, что они находили у него отклик и понимание. В 70е годы в Остроге были основаны училище и типография. Они не были единственными в западнорусской митрополии. В конце XVI в. училища действовали во Львове, Вильно, Слуцке, Бресте, Могилеве, а типографии — во Львове и Вильно. Но в Остроге в одно время собрались самые образованные из учителей, чтобы воспитать целую плеяду славных деятелей духовного просвещения – полемистов, миссионеров, пастырей, переводчиков. Это Герасим Смотрицкий, Иван Федоров, Василий Суражский, Тимофей Михайлович, греки — Дионисий Палеолог, будущий Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис и др. Острожская школа была высшим православным учебным заведением. Здесь изучались греческий, латинский, церковнославянский языки, грамматика, риторика, арифметика, астрономия, музыка, также начала богословия и философии. По объему своей программы острожское училище уступало высшим учебным

заведениям католическим, но несмотря на это, его значение было очень велико. Связанная со школой типография издавала богослужебную и полемическую литературу. Самым большим ее делом было издание полной славянской Библии в 1581 г. Для подготовки текста князь обращался за древними рукописями в Москву, славянские страны и на восток, к Константинопольскому патриарху Иеремии. Острожская Библия была самым популярным изданием Священного Писания в Русской Церкви и легла в основу Елизаветинского издания славянской Библии (1751 г.), которое используется на богослужении в наше время.

Усиление католичества в к. XVI в., пропаганда церковного подчинения Риму, малодушие православной иерархии, зависимость от светских патронов привели, как известно, к заключению т.н. церковной унии. Для ее подтверждения в 1596 г. в Бресте должен был собор высшего духовенства. Князь Константин Острожский вначале и сам был сторонником церковного единства, но искал его публичным образом через созвание церковного собора и представителей других Православных Церквей. Однако западнорусские епископы повели дело тайно. Возмущенный князь обратился в 1595 г. с окружным посланием, призывая православных стоять за свою веру. В 1596 г. в Бресте собрались два собора: один с готовыми подписать унию западнорусскими епископами и латинским духовенством, другой – с представителями православного духовенства, не согласными на унию, и большим количеством православной шляхты. Князь Константин Острожский был активным участником православного собора. По его приглашению и под его покровительством на собор прибыл представитель Константинопольского патриарха экзарх Никифор. Как известно, униатский собор подписал унию, а православный отверг ее и лишил униатских епископов полномочий. Король Сигизмунд подтвердил решение униатского собора. В западнорусской Церкви начался раскол. Князь Константин Острожский на склоне лет уже не имел сил и энергии добиваться уничтожения унии. Экзарх Никифор был несправедливо осужден и погиб в заточении. Острожская типография издавала одно за другим полемические ответы на выпады униатской стороны. Их авторами стали выпускники острожского училища: неизвестный по имени клирик Острожский, Мелетий Смотрицкий, Захария Копыстенский и др. Семя, брошенное на ниве просвещения благодаря князю Константину, приносило свой плод. Чтобы противостоять притеснениям со стороны униатов и католиков, Константин Острожский искал политического союза с протестантскими магнатами и шляхтой, чье исповедание также терпело многие несправедливости от латинян.

Некоторые польские писатели сообщали о роскошной жизни при дворе Острожского, о его приемах и веселых пирах. Думается, что это преувеличение, стилизация под нравы польского высшего общества.

Известно и обратное, что князь был очень набожным человеком. В течение Великого поста уединялся в монастырь, часто это был Дубенский в честь Святого Креста, где настоятелем был приглашенный самим Константином Острожским святой игумен Иоанн (Железо), известный в последствии как прп. Иов Почаевский.

Преставился князь в 1608 г. на 82 году жизни и был погребен в Богоявленской церкви г. Острога. Среди бурных событий XVI в., когда знатные православные фамилии металась из одной веры в другую согласно интеллектуальной моде своего времени, князь Константин Острожский оставался верен Православию, несмотря на то, что женат был на католичке, и что дети его в разное время принимали католичество. Князь старался быть полезным Церкви и откликался на ее нужды, принимая на себя заботы по школьному и издательскому делу. Этим он заслужил признательность от современников и благодарность от их далеких потомков.

«Воскресение», № 5 (106), 2008 г.

44. Гонимая Церковь (часть I)

Октябрьский государственный переворот в 1917 г. и приход к власти большевиков открыл новый период истории церковногосударственных отношений на землях бывшей Российской империи. Идеология советской власти была не просто атеистической, она была воинственноантирелигиозной. Поэтому для Церкви настал новый период гонений.

Белорусские земли были разделены линией фронта, и страна разорялась войной. Таким образом, церковная жизнь уже на протяжении нескольких лет протекала здесь в особых условиях. Советская власть утвердилась не везде и не сразу. В результате подписания Брестского сепаратного договора 3 марта 1918 г. большая часть Белоруссии оказалась под немецкой оккупацией. После поражения Германии в I Мировой войне и отступления немецких войск на белорусские земли стала претендовать Польша. 18 марта 1921 г. был подписан мирный договор между Советской Россией и Польшей. Белоруссия была разделена почти пополам (граница проходила около 30 км. к западу Минска). Западная ее часть вошла в состав II Речи Посполитой, а восточная – в состав БССР. С одной стороны Православная Церковь испытала на себе интриги польской политики и силу католичества, а с другой – наступление воинствующего безбожия. Сначала охарактеризуем гонения на Церковь в восточной Белоруссии.

Известный ленинский декрет от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства должен был лишением экономического базиса привести Церковь к уничтожению. Все церковное движимое и недвижимое имущество

объявлялось собственностью государства. Этот декрет мог служить прикрытием для любых грабительских рейдов соввласти особенно во время гражданской войны. Сразу после его издания в Минске был захвачен архиерейский дом, опечатана духовная консистория, Свято-Духов и Преображенский монастыри, дом соборного причта. Затем закрыта Минская духовная семинария. Германское оккупационное правительство возвратило Церкви все отнятое большевиками, но польская власть дала почувствовать, даже в центральной Белоруссии, свое отношение к Православию, начиная процесс передачи католикам обращенных некогда в церкви бывших костелов и каплиц.

Решительным шагом в борьбе соввласти с Православной Церковью стала кампания по изъятию церковных ценностей. Она была предпринята весной 1922 г. якобы для помощи голодающим, а на деле для пополнения государственной казны. В БССР специальную комиссию по изъятию ценностей возглавил А. Червяков. Все храмы советской Белоруссии испытали на себе силу постановления о захвате церковного имущества. Сюда относились и ценные богослужебные сосуды, и ризы икон, и декоративные элементы иконостасов, престолов и проч. предметов священного назначения. Духовенство и миряне за немногими исключениями оказывали пассивное сопротивление этому изъятию, пытаясь чаще всего скрыть предметы богослужебного назначения. Иногда общинам верующих удавалось собрать сумму эквивалентную захватываемым святыням, но власти, охотно принимая деньги, все равно производили изъятие. Так было, например, с серебряной ризой Минской иконы Божией Матери, и ризами двух особо чтимых икон Воскресенского храма г. Борисова. Поведение Минского епископа Мелхиседека (Паевского) в это время власти оценили, по-видимому, как лояльное, а Полоцкого архиепископа Иннокентия (Ястребова) и Могилевского архиепископа Константина (Булычева) арестовали за сочувствие посланию свт. патриарха Тихона о том, что захват богослужебных предметов с точки зрения Церкви является святотатством. Однако в 1925 г. власти инициировали судебный процесс и над митрополитом Мелхиседеком, обвиняя его, между прочим, в сокрытии церковных ценностей. Впрочем, на расправу с ним они не решились, ограничившись условным наказанием. Во второй половине 20х власть старательно поддерживала церковные расколы, в частности обновленчество, чтобы таким образом ослабить Церковь изнутри.

Кампания коллективизации 1929 г., проведенная железной рукой советского правительства, нанесла жестокий удар духовенству в сельской местности. Накануне началась активная атеистическая пропаганда. Образованный в 1925 г. Союз безбожников в 1929 г. добавил титул «воинствующих». Вскоре в Минске прошел первый съезд воинствующих безбожников БССР, был заложен антирелигиозный университет. Статус

союза безбожников как общественной организации освобождал советскую власть от прямого обвинения в инициативе гонений и беспорядков. Массовыми тиражами издавались атеистические брошюры, мелькали карикатуры в печати. Особенно отличились своими богохульными пасквилями поэт Кондрат Крапива и профессор Николай Никольский. (Книга последнего «История русской церкви» словно дань советскому воинствующему прошлому была переиздана в 1990 году прошлого столетия). Хулиганские выходки безбожников, врывавшихся в храмы во время богослужения и закидывавших камнями оконные стекла, находили свое торжественное выражение в проведении издевательских «красных пасох» и «рождеств», комсомольских «судов над богом» и проч. кощунственных мероприятий. Во время одного из таких шествий ретивый комсомолец поджег факелом свою бутафорную бороду и скончался в больнице. Официальные протесты верующих власти оставляли без внимания, а доносы на ропот духовенства давали материал для обвинений в сопротивлении «справедливому» строю, ссылкам и, впоследствии, даже к расстрелам. Идеологическая пропаганда становилась оправданием официальному курсу на уничтожение Церкви путем закрытия храмов и репрессий духовенства.

Тактика властей по закрытию храмов заключалась в использовании любых поводов. Церковь могла быть закрыта и уничтожена, например, если рядом находилось какое-нибудь учреждение образования или правительственное здание. Чаще всего церкви отбирались у общин после высылки или казни священника, после отказа в регистрации. Удобным предлогом считалось временное обращение здания храма в зерновой склад, которое становилось постоянным. Захваченную церковь могли превратить в клуб, водрузив на месте креста красный флаг. Темпы борьбы с религией шли по возрастающей. Если при становлении соввласти в восточной Белоруссии было примерно 1500 храмов, то к 1930 г. немногим больше 1000, а через два года уже около 400. В 1930 г. повсеместно был запрещен колокольный звон, священников облагали налогами, превышающими их доходы, лишали жилья, продовольственных карточек, запрещали пользование землей. Кроме этого их старались уничтожить физически, фабрикуя обвинения для высылки или расстрела. В 1933 г. объявили начало безбожной пятилетки, чтобы в конце ее в БССР не осталось ни одного храма. Летом 1936 г. в Минске взорвали кафедральный Петропавловский собор и Казанскую церковь. В 1937-38 гг. священнослужителей уже преимущественно расстреливали. Осенью 1937 г. в связи с уничтожением причта перестал действовать последний православный храм в г. Минске – церковь св. Марии Магдалины (церковь св. Александра Невского до 1938 г. оставалась у обновленцев). К 1939 г. в республике не осталось ни одной официально действующей православной церкви (последняя закрыта летом 1939 г. в Бобруйске). Были только две

катакомбные в Могилеве и Гомеле. Изменения в церковной жизни наступили только с началом Великой Отечественной войны.

В 1999 г., накануне двухтысячелетия Рождества Христова, состоялось прославление 23 новомучеников Минской епархии. Необходим отдельный рассказ о судьбе хотя бы некоторых из них. Жестокие гонения на Церковь за мнимую «контрреволюцию», за «оплот старого режима» нанесли порчу самой совести народа. Советская власть в 30е гг. не только терзала его тело репрессиями и коллективизацией, но и проникала в самую душу. Нравственное разложение общества приостановила война.

«Воскресение», № 6 (107), 2008 г.

45. Гонимая церковь (часть II)

В воскресенье 12 декабря 1999 г. в Минском кафедральном соборе состоялось прославление 23 священномучеников Минской епархии. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Церкви в 2000 г. включил их в число других новомучеников и исповедников для общецерковного чествования. Это не просто дань уважения и памяти. Не в таком уже далеком прошлом открытое исповедание христианской веры могло стоять жизни. Пример новомучеников – это поучительный образец твердости духа и высокой нравственности.

Большинство прославленных священномучеников Минской епархии были уроженцами Белоруссии, многие из Минской губернии. Из имеющихся сведений только трое были не местными уроженцами: двое из Тверской губернии России и один из г. Подольска на Украине. По традиции священниками становились дети духовенства. Священномученики Дмитрий Павский, Леонид Бирюкович, Дмитрий Плышевский и Михаил Плышевский имели в своем роду не одно поколение священников. Были среди прославленных исповедников также дети псаломщиков, потомственных дворян, горожан и простых крестьян. Многих подготовила к священству Минская духовная семинария. Некоторые из будущих священномучеников были здесь преподавателями. Прот. Василий Измайлов вел догматическое и нравственное богословие, прот. Дмитрий Павский – сравнительное богословие и историю раскола, а прот. Владимир Зубкович был помощником инспектора семинарии до ее закрытия в 1918 г.

Однако не для всех путь к священству мог быть обусловленным рождением в семье духовного звания и внешним благополучием Церкви до 1917 г. Священник Петр Грудинский с детства познал крестьянский труд и получил образование в городском училище. Был депутатом от крестьян Минской губернии во II Государственную Думу. Принял сан священника

после октябрьского переворота во время начавшихся гонений на Церковь. Служил в д. Тимковичи Копыльского района. В 1930 г. был арестован и расстрелян. Из имеющихся материалов известно, что на его долю выпали не только физические страдания. Во время его нахождения под стражей супруга Ирина, вероятно в порыве отчаяния, склоняла о. Петра к отречению. Но тот не поддавался на уговоры: «Отречься от веры во Христа, Который составляет смысл всей моей жизни, от Которого я видел столько благодеяний, и оставить Его в то время, когда я приближаюсь к могиле?! Я не могу и не сделаю этого даже ради тебя, которую всегда любил и люблю». Далее о. Петр пытался утешить свою жену, умножившую тяжесть его страданий. Христос говорил о высоком достоинстве того, кто любит Его больше своих родных. Показателен в этом отношении другой пример. Священномученик Валериан Новицкий происходил из семьи священника, но ему не удалось в связи с революционными событиями закончить Минскую духовную семинарию. Тогда он поступил на юридический факультет БГУ. В 1923 г., не закончив курса обучения в университете, принял сан священства, который не сулил ему ничего кроме скорбей. Служил в с. Телядовичи Копыльского района. Арестован и расстрелян без суда и следствия в 1930 г. Его также принуждали к отречению. Узнав об отказе мужа публично отречься от веры, супруга Доминика поддержала его решение, осознавая не только свою горькую участь, но и участь детей.

Священник Владимир Талюш принял сан в 1920 г., когда враждебное отношение власти к религии было очевидным. До этого времени он был учителем, сражался на фронтах I Мировой войны. Священствовал в д. Залужье возле Бобруйска. Арестован в 1933 г. за то, что обратился к прихожанам за помощью в уплате церковного налога и приговорен к лагерным работам сроком на 10 лет, мученически погиб.

В преддверие тяжелых гонений на Церковь в 1920 г. стал священником Михаил Новицкий, выпускник историко-филологического факультета Петербургского Императорского университета, преподаватель гимназии. У отца Михаила было пятеро детей. Старших не принимали в школу изза того, что отец служил священником. В 1933 г. храм в Узде, где священствовал о. Михаил закрыли, и он продолжал совершать богослужения в маленькой кладбищенской строжке. Накануне Пасхи 1935 г. на него напал какойто негодяй и избил так сильно, что священник умер на третий день после Светлого Христова Воскресения. Сыновья о. Михаила погибли на фронтах в Финскую и Великую Отечественную войну. Один из них, Николай, в 1942 г. закрыл собой амбразуру немецкого дзота, за что посмертно удостоился звания героя Советского Союза.

Священномученик Владимир Хрищеневич в молодые годы сподобился особого внимания от св. Иоанна Кронштадтского, приняв Причастие из рук известного пастыря. Он долгое время служил псаломщиком и был посвящен

в иереи уже в самый разгар гонений в 1930 г. Окормлял приход в д. Языль Стародорожского района. В 1933 г. был расстрелян без суда и следствия. Так сознательно он выбрал свой крестный путь.

Особые тройки НКВД, выносившие приговоры в 30–е годы, не считались ни с возрастом священников (некоторым было уже за 70 лет), ни с их многодетными семьями. Например, у священномученика Владимира Пастернацкого, настоятеля Вознесенской церкви Копыля, было восемь детей. Имущество расстрелянных конфисковывалось, семьи высылались за Урал. Поводом к аресту могли служить слова, сказанные на проповеди, моральная поддержка крестьян, насильственно сгоняемых в колхозы, переписка с осужденными ранее священниками. Даже на краю собственноручно вырытой могилы священника вынуждали отречься от сана, закапывали живьем со всякими издевательствами...

Далеко не все персоналии страдальцев за веру изучены. Много пострадало и мирян, которые грудью своей заслоняли храмы от поругания, делились со священником теми остатками продуктов, которые смогли уберечь от советской продразверстки. В этой связи хочется выразить благодарность священнику Федору Кривоносу, клирику Минского Свято-Духова собора, который уже много лет собирает материалы о белорусских новомучениках. Им подготовлены «Жития священномучеников Минской епархии» (Мн., 2002), написан также очерк о гонениях на Церковь до начала войны «У Бога мертвых нет» (Мн., 2007). В этих книгах содержится гораздо больше ценной информации, чем та, которую можно изложить в рамках короткой статьи.

Священное Писание учит нас: «Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13,7). Память белорусских новомучеников 15 октября по церковному календарю (28 октября н.ст.).

«Воскресение», № 7 (108), 2008 г.

46. Белорусская митрополия и церковные расколы 20-х годов

Сложные условия, в которых оказалась Православная Церковь при советской власти, коснулись не только ее внешнего положения. Политика государственных органов была направлена на ослабление Церкви через ее внутреннее разложение. Официально объявив об отделении Церкви от государства, власть на деле самым бесцеремонным образом вмешивалась в церковную жизнь, провоцировала конфликты и расколы.

В ноябре 1920 г. патриарх Всероссийский свт. Тихон издал указ, который давал право епархиям, потерявшим связь с центром, устраивать свою жизнь на началах самоуправления. Внутри страны новая власть

препятствовала установлению прежних церковных отношений так, что епископы не могли выехать в свои епархии или связаться со своим патриархом. Кроме этого существовала опасность для самого свт. Тихона. В мае 1922 г. в ходе проведения кампании по изъятию церковных ценностей патриарх был арестован по обвинению в том, что своим посланием он оказал сопротивление изъятию и спровоцировал кровопролитие. Его полномочия временно перешли к митрополиту Ярославскому Агафангелу. Однако власти воспрепятствовали последнему. Чтобы усилить беспорядки и произвести раскол в среде духовенства органы оказали поддержку группе священников, которые уже обратили на себя внимание шумными приветствиями советской власти и готовностью сотрудничать с ней в проведении церковных реформ. Эти священники – Введенский, Красницкий и Белков – вместе с заштатным епископом Антонином (Грановским) образовали Высшее церковное управление (ВЦУ). Для укрепления своего положения эта группа объявила о подготовке церковного собора. Скоро была опубликована программа церковных реформ одной из фракций, которая ратовала за обновление и именовала себя «Живой церковью». Вдохновителем этой группы был священник Александр Введенский. Программа предусматривала реформы преимущественно в сфере церковного строя и дисциплины: учреждение женатого епископата, разрешение второбрачия для духовенства, ограничение монашества вплоть до полного его упразднения, выборность духовенства, широкое участие мирян, переход на григорианский календарь (новый стиль) и проч. Весной 1923 г. в Москве состоялся Обновленческий собор, упразднивший патриаршество, осудивший свт. Тихона, узаконивший женатый епископат, некоторые отмены церковной дисциплины, и объявивший о союзе с советской властью. Уже в самом начале деятельности обновленческого ВЦУ внутри Церкви открылось сопротивление. В июне 1923 г. патриарх Тихон был освобожден из-под ареста. Скоро последовало патриаршее осуждение обновленцев. К удовольствию властей в Церкви образовался обновленческий раскол.

В советской Белоруссии «живоцерковники», как еще называли обновленцев, конечно, пользовались поддержкой государственной власти. Когда свт. Тихон еще находился под арестом, многие епископы оказались в сложной ситуации и не смогли открыто отказаться от сотрудничества с обновленческим ВЦУ. Минский епископ Мелхиседек (Паевский) был единственный находившийся на кафедре из белорусских архиереев, пострадавших во время кампании по изъятию церковных ценностей. После неофициальных переговоров с представителями духовенства Минской епархии Мелхиседек признал ВЦУ, однако, 23 июля 1922 г. была провозглашена автономия Минской епархии, а сам Мелхиседек принял титул митрополита Белорусского. Самоуправление давало возможность рассматривать обновленческие директивы на месте и сводить их на нет. В

марте следующего года последовали три епископских хиротонии – кандидаты были из вдовых священников – епископ Слуцкий Николай (Шеметилло), епископ Мозырский Иоанн (Пашин), епископ Борисовский Феодосий (в монашестве Филарет) Раменский. Все они были сторонниками митрополита Мелхиседека и оказывали фактическое противодействие обновленчеству. Большой успех живоцерковники имели в других епархиях: Могилевской и Витебской. В Витебской епархии, например, почти все приходы Велижского и Высочанского благочиний (ок. 100) приняли обновленчество благодаря активности протоиерея Михаила Свидерского. В разное время на территории советской Белоруссии было открыто 12 обновленческих кафедр: в Минске, Могилеве, Полоцке, Витебске, Гомеле, Слуцке, Бобруйске, Велиже, Орше, Мозыре, Мстиславле и Чаусах.

После осуждения раскола свт. Тихоном положение живоцерковников осложнилось. Паства и без того мало шла к ним. Крестьянство враждебно приняло обновленцев изза реформы календаря. В городах обновленцы захватывали храмы при помощи интриг. Зачастую власти по какому-либо поводу расторгали договор с православной общиной, чтобы передать храм раскольникам. Обновленческое духовенство не имело нравственной силы. Священники обычно были без духовного образования, возводились в церковные степени с отменой церковных канонов, часто ссорились, пьянствовали. Гомельский обновленческий священник-обновленец Николай Дудкин запомнился прихожанам своей матерщиной и тем, что совершал требы с папиросой в зубах, переходя из одной епархии в другую, он оставлял повсюду следы пьянства и распущенности. Встречались среди обновленческого духовенства и люди образованные, приобретавшие уважение, например, как Витебский архиепископ Александр (Щербаков). Он получил семинарское и медицинское образование, славился своим красноречием. Памятным был его диспут с местным атеистом Калиновским. В 1949 г. он принес покаяние и был принят в Церковь в сане протоиерея. Хлынувшие было в обновленчество священники, одни возвращались в патриаршую Церковь, другие терпели нищету, лишённые материальной опоры, т.к. прихожан практически не было. Многие бросали священство и шли на светскую работу. Одна за другой закрывались обновленческие кафедры. Епископы становились обычными приходскими священниками. Обновленческий архиепископ Даниил (Громовенко), испытывая нужду в средствах, показал себя предприимчивым человеком: открыл производство свечей, ладана, других церковных принадлежностей. В 1935 г. его арестовали и приговорили к 5 годам лагерей. В тридцатые годы репрессии коснулись обновленческого духовенства так же, как и православного, храмы закрывались один за другим, следовали ссылки и расстрелы. К 1937 г. почти все приходы «живоцерковников» были закрыты властями. Последним весной 1938 г. был упразднен приход при церкви св. Александра Невского в Минске.

Время церковных расколов и внутренних неурядиц ознаменовалось в советской Белоруссии провозглашением 10 августа 1927 г. автокефалии Белорусской Церкви. Минский съезд духовенства, провозгласивший автокефалию, объявил, что это развитие автономии, бывшей при митрополите Мелхиседеке (в 1926 г. он был вынужден покинуть Минск). Возглавил автокефалию епископ Филарет (Раменский). Теперь в Белоруссии существовали три церковных течения: патриаршая Церковь, автокефальная и обновленческие общины. Однако недоразумение по поводу автокефалии постепенно изживалось. «Автокефалисты» признавались, что решились на этот шаг не ради самого отделения, а ввиду особых условий, как на защитную меру, поскольку были неясны перестановки и движения в Москве. В 1935 г. была достигнута договоренность между епископом Бобруйским Филаретом (Раменским) и архиепископом Могилевским Павлином (Крошечкиным) о принятии Белорусской автокефальной Церкви под омофор патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия.

«Воскресение», № 8 (109), 2008 г.

47. Во Второй Речи Посполитой (часть I)

Согласно Рижскому договору 1921 г западная часть Белоруссии вошла в состав Польши. На белорусских землях здесь были 3 епархии Православной Церкви: Виленская, Гродненская (Бе-лостокское воеводство) и Полесская (Полесское и Новогрудское воеводства). Кроме того, в пределах Польши оказались и другие земли с православным населением: две области Западной Украины — Волынь и Холмщина. Конституция польского государства декларировала свободу вероисповедания своих граждан. Однако правительство было озабочено лояльностью украинцев и белорусов, населявших приобретенные восточные области (т.н. «кресы»). Их православное вероисповедание, с одной стороны, напоминало о российском правлении, а с другой — о русском национальном единстве. Политика правительства в отношении Православной Церкви была направлена на ее подчинение польским национальным интересам. Средствами этой политики были вмешательство во внутрицерковные дела, гонения на неугодных священнослужителей, уничтожение храмов. Как в советской Белоруссии формальным прикрытием для гонений была «реакционность» и «контрреволюционность» Церкви, так в западной Белоруссии — освобождение от «русской неволи» и «русификации». Ясно, что политика может трактовать такие понятия очень широко.

В первую очередь правительством был поставлен вопрос о независимости восточных кресел Польши от Московского Патриархата. Власти решили вести переговоры по этому вопросу только с несколькими представителями высшей иерархии. Очевидно, упорядочение отношений между польским правительством и Православной Церковью было поставлено в прямую зависимость от положительного разрешения этой задачи. К переговорам были приглашены сначала только три православных иерарха: бежавший из советской Белоруссии бывший архиепископ Минский Георгий (Ярошевский), назначенный теперь на Варшавскую кафедру с титулом митрополита, епископ Волынский Дионисий (Валединский) и епископ Пинский и Новогрудский Пантелеимон (Рожновский). Все три иерарха поначалу высказались в пользу законного разрешения вопроса о предоставлении автокефалии, т.е. церковного самоуправления, от Московского патриарха свт. Тихона. В январе 1922 г. из Москвы был получен проект Положения о Православной Церкви в Польше, который предлагал широкую автономию и титул экзарха Варшавскому митрополиту. Однако даже номинальная церковная зависимость от Москвы не устраивала польское правительство, и на этот проект не было дано официального ответа. Арест свт. Тихона в мае 1922 г. послужил удобным поводом к скорейшему разрешению вопроса об автокефалии. Под давлением польской власти фактическим меньшинством голосов епископский Собор в Почаеве в июне 1922 г. односторонне решил объявить автокефалию Польской Церкви и принял условия правительства, предоставлявшего большие полномочия светской власти по контролю над церковной жизнью. Два епископа, противившиеся самопровозглашению автокефалии, не были допущены к участию в Соборе. Между четырьмя участниками голоса разделились поровну 2 на 2. Преимущество было отдано стороне с голосом председателя Собора митр. Георгия. Противниками такого шага были епископы из белорусских епархий: архиепископ Виленский Елевферий (Богоявленский), архиепископ Пинский и Новогрудский Пантелеимон (Рожновский) и епископ Гродненский Владимир (Тихоницкий). Они не соглашались с вмешательством советской власти, предлагали обсуждение правового положения Православной Церкви в Польше вынести на обсуждение собора с участием духовенства и мирян, а вопрос об автокефалии решать после нормализации высшего церковного управления в Москве. Все они были смещены со своих кафедр при участии полиции. На их места были поставлены удобные митр. Георгию и правительству кандидаты. Действия митр. Георгия вызывали неоднократные протесты духовенства. Печальным итогом его деятельности была насильственная смерть. Противник автокефалии архимандрит Смарагд (Латышенков) выстрелами из револьвера убил митрополита, за что был лишен сана и приговорен к тюремному заключению. В феврале 1923 г. митрополитом Варшавским был избран

Дионисий (Валединский), управлявший Церковью до конца Второй Речи Посполитой.

Решение об автокефалии необходимо было провести в жизнь. Пока оно выглядело как временное, поскольку патриарх Тихон был под арестом, а его власть узурпировало обновленческое церковное управление, поддерживаемое советской властью. Возникла идея обратиться за благословением к Константинопольскому патриарху. Избрание митр. Дионисия было подтверждено патриархом Мелетием IV. После освобождения свт. Тихона епископы Польши информировали о своем решении Москву с просьбой подтвердить автокефалию. Из Москвы не было получено скорого ответа, зато Константинопольским патриархом Григорием VII в ноябре 1924 г. был составлен акт об автокефалии Польской Церкви. В нем говорилось, что земли Киевской митрополии были включены в Московский патриархат якобы без соблюдения всех канонических процедур, и Константинопольский патриархат считает себя полномочным положительно решать вопрос о польской автокефалии. Умер патриарх Московский свт. Тихон, сменился Константинопольский патриарх, и только 17 сентября 1925 г. в Варшаве состоялось торжественное провозглашение автокефалии Польской Церкви.

Патриарший местоблюститель митр. Сергей (Страгородский) в Москве не признал акта польской автокефалии. В белорусских епархиях прозвучали одинокие протесты против самочиния епископата. В Гродно отказался признать автокефалию прот. Лука Голод, за что был запрещен в священнослужении. В Вильно православный сенатор Вячеслав Богданович сплотил целую общину противников автокефалии и был отлучен от Церкви митр. Дионисием, Понятны мотивы польского правительства в вопросе автокефалии. Понятно также, что православные епископы, оказывая властям услугу за услугой, надеялись на подтверждение своих иерархических преимуществ. Понятно также и то, что церковное управление в Москве находилось под давлением советской безбожной власти, и это, конечно, не располагало к канонической зависимости от Московского Патриархата. Со стороны противников самопровозглашения автокефалии указывали на уклонение от соборного, с участием представителей духовенства и мирян, обсуждения вопроса. Получалось, что автокефалия служила политическим интересам, более чем церковным. Эта мысль выражается словами из постановления гродненского Епархиального съезда 1922 г.: «Автокефалия дается только отдельным народам, но не государствам», В польской республике православных граждан было меньшинство. Провозглашение церковной независимости на деле оборачивалось зависимостью от польского правительства.

(Продолжение следует)

«Воскресение», № 9 (110), 2008 г.

48. Во Второй Речи Посполитой (часть II)

Один и тот же политический мотив обусловил активное участие польского правительства в провозглашении церковной автокефалии и служил оправданием разного рода вмешательств в церковную жизнь. Мотив этот назывался «размосковлением». Символическим его выражением стало разрушение в 1927 г. величественного православного собора в Варшаве, якобы памятника «польской неволи». Подобные разрушения были произведены и в других городах этнической Польши. Возрождение Речи Посполитой питало также немалые надежды Римского католичества. Появилась хорошая возможность вернуть отнятые во время российского правления костелы и монастыри. Начался громкий процесс т.н. «ревиндикации».

Уже в период становления Польской республики в 1918-1920 гг. на белорусских и украинских землях, занятых польскими войсками, произошли сотни случаев захвата православных храмов. Некоторые из них были разграблены и разрушены, другие переделывались в костелы. Последняя участь постигла, например, известную каменную церковь оборонного типа в д. Маломожейково Гродненской области (т.н. «мурованку»). Из храма вынесли иконы, а иконостас выломали и выбросили. Поводом к изъятию послужило то, что церковь одно время была униатской, хотя основана была задолго до начала унии. Очевидно, на любую церковь, построенную в униатский период, могла теперь претендовать католическая власть. Соответствующие иски в судебные инстанции были поданы летом 1929 г. Так начался процесс пересмотра права собственности на храмы («ревиндикация»). В Виленской епархии таких исков было 71. В Гродненской епархии их количество было угрожающим: 159 исков при 174 существующих церквях. Такая же угроза была и в Полесской епархии: 248 исков при 320 храмах. Судебные запросы были поданы и в украинских епархиях. Под угрозой ревиндикации оказались Виленский женский монастырь, Жировицкий и Супрасльский мужские монастыри, Почаевская лавра. Для Православной Церкви в Польше ревиндикация означала потерю одной трети храмов. Этот процесс, по слову униатского митрополита Андрея Шептицкого, мог только повредить католической миссии, поскольку означал для православного народа новое насилие. Понимая сложность ситуации, государственная власть предлагала обеим сторонам совместно найти

компромиссное решение. Однако как православная, так и католическая стороны апеллировали к государству. Процесс ревиндикации переходил из одной судебной инстанции в другую, пока в 1933 г. не поднялся до Высшего Суда в Варшаве. Наконец, православные правозащитники смогли сослаться на распоряжение комиссара Восточного фронта 1919 г., в котором передача православных святынь католикам разрешалась только по указанию светской власти. Это определение не было никем отменено. На таком основании Высший Суд отклонил иски католического духовенства: оно не имело права начинать процесс о собственности на православный храм в судебном порядке. Эта победа на правовом поле, однако, не предотвратила захватов. Местная администрация поддерживала католичество. В Западной Белоруссии за время польского правления общее количество церквей сократилось почти наполовину в сравнении с довоенным периодом (до 1914 г.). Были закрыты православные храмы при учебных заведениях, госпиталях и тюрьмах. В 1919 г. был издан указ об изъятии из церковного ведомства недвижимого имущества. Все земли, имеющиеся сверх определенной нормы (33 десятины), перешли в собственность государства.

Опасность ревиндикации побудила высшую церковную власть поискать широкой социальной опоры и обратиться к соборному голосу. Было решено созвать Поместный Собор. Его подготовку должно было осуществить Предсоборное Совецание. Однако и здесь не обошлось без вмешательства светской власти. Польское правительство дало почувствовать, что подобные шаги не будут бесконтрольными не только в отношении времени и места, но даже в процессе выдвижения делегатов. Наконец, в Варшаве 29 июня 1930 г. пышными приветствиями церковных и государственных чинов открылось Предсоборное Совецание. Во время работы делегатов был поднят животрепещущий вопрос о захватах православных храмов, образованы 6 комиссий для подготовки Поместного Собора, его канонической и литургической деятельности. На совещаниях чувствовалась острота ситуации, раздавались призывы к возрождению соборного начала. Однако конечная цель не была достигнута: Поместный Всепольский Собор так и не состоялся. Только через пять лет была созвана вторая сессия Предсоборного Совецания, на которой делегаты с болью говорили о произвольной украинизации богослужения в украинских епархиях, о неопределенности имущественного положения церквей и незащищенности духовенства. Фактически предсоборные комиссии не подготовили никаких предложений, а работу по составлению статута, определяющего правовое положение Православной Церкви в Польше, осуществляла смешанная комиссия из высшей иерархии и государственных чинов. В соборном голосе Церкви как будто уже не ощущалось нужды.

Национализм разных видов давал о себе знать и в религиозной сфере. В ходе безобразной демонстрации в Почаеве 1933 г. группа националистов с

лозунгами сопровождала крестный ход, возглавляемый митрополитом Дионисием, требуя назначения на Волынскую епархию епископаукраинца и богослужения на украинском языке. В результате митр. Дионисий вынужден был отказаться от Волынской епархии. В Западной Белоруссии сказывался польский национализм. Преподавание учебных дисциплин в бывшей Виленской семинарии, преобразованной в гимназию, производилось на польском языке. Подобная ситуация сложилась и на богословском факультете Варшавского университета. Выпускники этих учебных заведений напитывались польским духом, проповедовали и говорили по-польски. В воинских частях богослужения совершались только на польском языке. Сам митрополит Варшавский Дионисий в 1936 в день польской независимости пожертвовал церковным языком ради пущей «торжественности». Звучали мнения о том, что в Польской Церкви должны быть епископыполяки, и в этом отношении иерархия пошла навстречу требованиям. В 1938 г. в Почаеве были рукоположены во епископы Матфий (Семашко) и Тимофей (Шреттер). Странником полонизации показал себя и Гродненский епископ Савва (Советов). Для широкого распространения националистических идей на церковной почве в Вильно, Гродно, Волковыске, Новогрудке и Слониме были образованы общества «православных поляков».

Услужливое отношение высшей иерархии к государственной власти подрывало ее значение для простого верующего народа. Так, в 1924 г. по предложению чиновников из министерства исповеданий польский синод принял постановление о переходе на григорианский календарь. Однако, несмотря на ревностное противодействие полиции, прихожане продолжали собираться на церковные торжества по юлианскому календарю. Епископский синод вынужден был своим новым определением разрешить соблюдение старого календаря там, где верующие этого потребуют. Если учесть еще, что Рим объявил Польшу своей «миссионерской территорией», что стал набирать силу т.н. «восточный обряд» (неоуния), то будет понятно, насколько непростыми были условия для церковной жизни во Второй Речи Посполитой. В 1939 г. сюда пришла Вторая Мировая война, и независимая Польша перестала существовать.

«Воскресение», № 10 (111), 2008 г.

49. Белорусская митрополия в годы Великой отечественной войны

В сентябре 1939 г. советские войска заняли Западную Белоруссию. Ее территория была включена в состав БССР. В то время как в Восточной Белоруссии была разрушена церковная жизнь, в западной части страны существовали 3 епархии (Виленская, Гродненская и Пинская), около 800

храмов и 5 монастырей. Перед приходом советской власти оставил Гродно активный полонизатор еп. Савва (Советов). На освободившуюся кафедру вступил известный противник самопровозглашенной польской автокефалии еп. Пантелеимон (Рожновский), проживавший до этого на покое в Жировицком монастыре. Имя польского предстоятеля митр. Дионисия перестало возноситься за богослужением, вместо него стало звучать имя местоблюстителя Московского Патриаршего престола митр. Сергия. Вильно и Виленская епархия отошли к Литовской республике. Две других белорусских епархии (Гродненская и Пинская) вошли в состав Экзархата Западных Украины и Белоруссии.

Советская власть объявила церковное имущество собственностью государства, запретила преподавание Закона Божия, начала проводить антирелигиозную кампанию. Репрессиям были подвергнуты некоторые священнослужители и православные учителя. Однако взять открытый курс на уничтожение Церкви в приобретенных областях новая власть не решилась.

Нападение Германии на СССР существенно повлияло на церковную жизнь в Белоруссии. Ее территория уже в августе 1941 г. была полностью оккупирована. Период оккупации продолжался до июля 1944 г. Как известно, фашистская идеология низко ставила славянские народы в расовом отношении. Однако в период военных действий немецкая власть старалась представить себя только в качестве освободительницы от коммунистического режима. В отношении религии отменялись прежние запреты. В Восточной Белоруссии стали открываться храмы, народ возвращался к попорченным святыням, многие принимали крещение. Стала резко сказываться нехватка священнослужителей. С подозрением относясь к польскому влиянию, немецкая власть оказывала поддержку белорусским националистам, которые состояли у нее на службе. Так получил одобрение проект создания Белорусской Автокефальной Церкви.

В октябре 1941 г. на имя старейшего белорусского иерарха архиеп. Пантелеимона было подано письмо из немецкого Генерального комиссариата об учреждении независимой от Московского патриархата Национальной Церкви. Среди условий значились: составление устава, проповедь и делопроизводство на белорусском языке, богослужение на церковнославянском, назначение священнослужителей с ведома немецкой власти. Этот проект был принят архиеп. Пантелеимоном и его помощником еп. Венедиктом. Пантелеимон принял титул митрополита Минского и всея Беларуси. Было также решено увеличить количество епархий и открыть духовные семинарии для подготовки священников. Белорусы, оставшиеся в пределах Польши, создали церковный совет, который рекомендовал для посвящения на белорусские кафедры архимандритов Феофана (Протасевича), Филофея (Нерко) и Афанасия (Мартоса). Эти кандидатуры были приняты, и

произошло посвящение. В марте 1942 г. в Минске состоялся епископский собор, который утвердил устав Белорусской Церкви, титул митрополита и определил пределы 6 белорусских епархий: Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, Новогрудской и Смоленской. В 1943 г. в соответствии с прошением духовенства из г. Гомеля была учреждена Гомельская епархия. На епископском соборе вопрос о белорусской автокефалии был отсрочен, что не устраивало белорусских политических деятелей и оккупационные власти. Главным противником самопровозглашения автокефалии был митр. Пантелеимон. Белорусские коллаборационисты смотрели на него с неприязнью. Митрополит, например, никогда не проповедовал по-белорусски, мотивируя это тем, что население городов разговаривает преимущественно на русском языке. Распоряжением комиссариата в мае 1942 г. он был уволен на покой, а затем вывезен в Ляденский монастырь. Его заместителем стал архиеп. Могилевский Филофей (Нерко). На него и на других епископов было оказано давление для положительного решения вопроса об автокефалии. Необходим был церковный собор. Он открылся 30 августа 1942 г. в Минске. В нем приняли участие делегаты духовенства и мирян только Минской и Новогрудской епархий, всего 107 человек. А также три архиерея: архиеп. Могилевский Филофей, еп. Витебский и Полоцкий Афанасий и еп. Смоленский Стефан. Собор принял решение официально провозгласить автокефалию после признания ее другими Православными Церквями и утвердил церковный статут. Соответствующие письма были подготовлены, но подписаны только после возвращения на кафедру митр. Пантелеимона в апреле 1943 г. Переданные в Генеральный секретариат, они так и не были отправлены. Среди духовенства автокефалия не получила однозначной оценки. Многие продолжали поминать за богослужением имя предстоятеля Русской Церкви патриарха Сергия (с 1943 г.). Под нажимом властей в мае 1944 г. белорусские иерархи подписали отказ от признания полномочий новоизбранного Московского Патриарха и вскоре покинули пределы Белоруссии, т.к. приближались советские войска. Все они вошли в состав Русской Зарубежной Церкви.

Не смотря на все обстоятельства военного времени и политические интриги вокруг иерархии, церковная жизнь в период оккупации восстанавливалась. В Восточной Белоруссии открылись более 200 храмов. Власти не разрешили открыть духовные семинарии, но в Минске, Гродно, Новогрудке, Гомеле, Витебске, Смоленске и Жировицах действовали пастырские курсы. Очевидец тех лет архиеп. Афанасий (Мартос) называет это возрождение «вторым крещением Руси». Спустя годы атеистической пропаганды по радио можно было услышать воскресное богослужение. Во многих храмах производились благотворительные сборы. Одна десятая часть церковных доходов обязательно шла на помощь бедным и сиротам.

Церковная миссия проходила среди разрушенных войной зданий и во время бомбежек. Особенно известны своими миссионерскими трудами свщмч. Серфим (Шахмуть) и его сподвижник свящ. Григорий Кударенко, открывшие в Восточной Белоруссии 74 храма.

Конечно, война знала примеры героизма и малодушия, верности и предательства. В сельской местности духовенство зачастую помогало партизанам, укрывая их, снабжая питанием и лекарствами. По подозрению в доносительстве со священниками жестоко расправлялись равно как немцы, так и партизаны. Во время карательных экспедиций солдаты могли сжигать жителей, запирая их при этом в храме. В Западной Белоруссии были случаи убийства православных священников и мирян польскими партизанами. Боль и горечь страдающего народа выражалась в сооружении больших деревянных крестов по обету в течение одной ночи. Эти кресты устанавливались при входе в селение с молитвой Богу о сохранении от жестокости военного лихолетья.

«Воскресение», № 12 (113), 2008 г.

50. Послевоенная «оттепель»

Воодушевление, которое испытал народ во время Великой Отечественной войны, не могло не отразиться в религиозном подъеме. Вчерашние офицеры шли в духовные семинарии, чтобы свое служение Родине завершить служением Богу и людям.

Освобождение Белоруссии советскими войсками в 1944 г. вернуло страну в сферу непосредственного влияния Московского Патриарха Сергия. На кафедры уехавших в Западную Европу епископов белорусского Синода были поставлены другие архиереи. По началу существовали 4 епархии: Минская, Брестская, Гродненская и Пинская. Но в 1952 г. по требованию властей все епархии кроме Минской были упразднены. Большинство священнослужителей с приходом советской армии остались в своих приходах. Карательные органы не преминули сослать некоторых из них по обвинению в сотрудничестве с немецкими оккупантами. Это мнимое сотрудничество выражалось, конечно, в усилиях по возрождению церковной жизни. Так были арестованы известные православные миссионеры архим. Серафим (Шахмуть) и священник Григорий Кударенко (в монашестве Игнатий).

В 1945 г. на территории БССР действовало 1044 церкви и 3 монастыря (мужской в Жировицах и два женских – в Полоцке и Гродно).

Восстановление церковной жизни, начавшееся во время немецкой оккупации, особенно тяжело происходило в восточной части страны. По причине сильных довоенных гонений тут удалось открыть небольшое количество приходов, не хватало священников, богослужебных принадлежностей. Духовенство из западных областей, где религиозные традиции не знали перерыва, в значительной степени активизировало здесь приходскую жизнь. К церковному служению возвращались священники и псаломщики, перешедшие в годы гонений на светскую работу. Даже Минский архиепископ Василий (Ратмиров), одно время принявший обновленчество, перед войной отрекся от сана и работал бухгалтером. Как скоро этот факт биографии архиерея стал широко известен, его уволили на покой и запретили в священнослужении. Однако с его именем связано и одно светлое событие. В 1945 г. власти позволили ему открыть при Жировицком монастыре пастырские курсы, на базе которых в 1947 г. была учреждена духовная семинария. В Гродно и Пинске также действовали в первые послевоенные годы богословские курсы для священников и псаломщиков. В 1945-1953 гг. были рукоположены 255 студентов семинарии и слушателей курсов. С 1947 по 1959 г. на единственной оставшейся в Белоруссии Минской кафедре был митр. Питирим (Свиридов). Его помощниками были первый ректор Жировицкой семинарии, а затем викарий Бобруйский епископ Митрофан (Гутовский), также ректор и будущий Минский архиепископ Антоний (Мельников). Перу последнего принадлежит монография по истории Жировицкого монастыря (еще не изданная).

Послевоенное десятилетие – это время относительной нормализации отношений между советским правительством и Православной Церковью. Встреча со Сталиным в 1943 г. Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия и избрание последнего Патриархом положило начало восстановлению духовных школ, восстановлению епархий, ограниченному изданию необходимой церковной литературы. В 1945 г. проходит еще один церковный собор и избрание нового Патриарха — Алексия I. Нормализуются отношения с другими Православными Церквями. В 1953 г. после смерти Сталина возвращаются из лагерей многие священнослужители. Количество действующих храмов достигает самой большой цифры за период гонений — ок. 14,5 тыс. Однако при всем этом нет оснований считать, что политика советского правительства в отношении Церкви изменилась в своей сущности. Включение в орбиту внешней политики стран «восточного блока», незнакомых с практикой тотального религиозного преследования, не могло не содействовать смягчению отношения к Церкви в СССР. Кроме того, власть имела некоторую выгоду в использовании Церкви в международной политике, например, в широком общественном движении за мир. Но при этом правительство не собиралось идти на значительные уступки. Одни храмы открывались, другие – закрывались, одних священников освобождали,

других – арестовывали. Неприкрытой грубости и насилия действительно стало меньше. Для контроля над соблюдением советского законодательства о культах был образован Совет по делам РПЦ. От уполномоченных зависела не только регистрация церковных общин и решение об открытии храма, но регистрация священнослужителей. Это давало возможность властям контролировать неугодных епископов и священников, переводить их с места на место, что особенно будет использоваться в 60е и 70е годы.

Притеснения давали о себе знать и в Белоруссии. Уменьшилось количество храмов. В 1953 г. действующих было 957. Проводились также аресты. В 1950 г. был осужден архиепископ Пинский Даниил (Юзьвюк), после отступления немцев оказавшийся в эмиграции, но добровольно возвратившийся в свою страну и назначенный в Пинск. Власти пытались ограничить не только деятельность священнослужителей, но и сдерживать обращение к Церкви молодежи. Особенное внимание уделялось членам партии и комсомола. За участие в религиозных обрядах им грозило исключение. Впрочем это не всех останавливало. Например, в 1948 г. в Минске крестилась дочь министра сельского хозяйства БССР Крупеня.

«Воскресение», № 6 (119), 2009 г.

51. Собор Белорусских святых. Празднику 25 лет.

3 апреля 1984 г. по благословению Святейшего Патриарха Пимена был установлен праздник – Собор Белорусских святых. Он совершается ежегодно в третий воскресный день после Пятидесятницы. В текущем году исполнилось 25 лет этому празднику. Событие приглашает нас изнутри посмотреть на историю Православия в нашей стране, ведь идеал святой жизни — это образец внутреннего духовного совершенства. Кроме этого непреходящего значения в жизни святых находит свое отражение конкретная эпоха, и в их жизни — ответ на вызовы своего времени.

Христианская вера широко распространялась на белорусских землях начиная с X в., однако, к сожалению, мы очень мало знаем о наших первых проповедниках. Принятие христианской веры совершалось по доверию к князьям и старейшинам народа. Христианская вера открывалась нашим предкам сначала своей эстетической стороной, затем нравственной — любовью к ближнему, заботой о больных и немощных. Первые белорусские святые были не миссионеры-апостолы в принятом смысле, а просветители, учителя. Это подвижники XII в. прп. Евфросиния Полоцкая и свт. Кирилл Туровский. Вместе с тем в их жизни, направленной на пользу ближнему, уже заметно сознание третьей, высшей формы христианской жизни — аскетической. Не случайно другие белорусские святые того времени —

святители Мина и Дионисий Полоцкие, Лаврентий Туровский, о пастырской деятельности которых известно совсем мало, — прославились в числе подвижников духовного центра Древней Руси – Киево-Печерской обители.

Святые мученики Антоний, Иоанн и Евстафий Виленские являют пример непростых взаимоотношений христианской веры и литовского язычества. Стесненные крестоносцами с запада и севера литовские племена ожесточенно сопротивляются «апостольскому» натиску. Нападениям рыцарей подвергались и русские города. Блгв. князь Псковский Довмонт-Тимофей, родом литовец, запомнился современникам как талантливый полководец и защитник.

Литовские племена последними в Европе принимают христианскую веру в 1386 г. Однако это событие положило начало напряженным отношениям между православными и католиками в Великом княжестве Литовском. Несмотря на обширность земель с православным населением, политический перевес в государстве получили католики во главе с князем-католиком. Политические интересы разделяли Русь Московскую и Русь Литовскую, следствием чего стало разделение Русской Церкви. Так появилась Литовско-Новогрудская митрополия. Это разделение далеко не сразу стало совершившимся фактом. Свт. Киприан, получивший посвящение как митрополит Киевский, начинал свое служение в княжестве литовском, а затем был принят и в Москве и таким образом объединил на некоторое время обе части Русской Церкви.

В последние годы независимости Великого княжества Литовского православные получили подтверждение своих гражданских прав, было основано много новых монастырей и, вероятно, бытовали надежды на вольную жизнь в новом государственном союзе с Польским королевством. Как образец тихого семейного благочестия для этого периода можно назвать имена св. Иулиании Ольшанской и св. Софии Слуцкой. Но образовалась Речь Посполитая, и православным пришлось скоро горько разочароваться в законах этой страны. Явилась уния с Римской церковью, и никто не мог защитить права не принявшего унии православного народа. Погиб в заточении экзарх Константинопольского патриарха диакон Никифор, провозгласивший осуждение униатской затеи. Одним из вдохновителей западнорусского народа против унии был св. Афанасий Брестский, обратившийся за помощью к единоверному московскому царю. Велико было отступление от Православия, но велико также было и число страдальцев за веру, кончина которых болью легла в памяти народной.

На восстановление Православия на белорусской земле отдал всю свою жизнь свт. Георгий Могилевский. Свидетель разделов Речи Посполитой, он первую половину своего пастырского служения провел в тяжелой борьбе, не раз рискуя своей жизнью. Остается только пожалеть, что до сих пор остаются неизданными большинство сочинений этого святителя. Период российского

правления ознаменовался восстановлением многих храмов и обителей, конечно, главным событием, положившим начало духовному единству расколотого белорусского народа, стало упразднение унии в 1839 г. Пастыри, возглавившие воссоединение униатов, митр. Иосиф Семашко, архиеп. Василий Лужинский и архиеп. Антоний Зубко, достойны нашей благодарной молитвенной памяти.

Накануне октябрьского переворота и ломки имперской государственной системы на Гомельщине прославился праведностью жизни священник Иоанн Кормянский. Новая государственная и партийная система не предусматривала бытия Церкви, начались гонения. Жертвами стали многие священнослужители и миряне. Некоторые из них уже прославлены в лике святых, как, например — прпмч. Серафим Жировицкий, ревностно служивший проповеди Православия в годы Великой Отечественной войны. Материалы для прославления иных мучеников и исповедников еще собираются. Важной вехой в этом отношении стала канонизация 23 новомучеников Минской епархии. Образцом терпения и молитвенной заботы явилась в годы безбожия блаженная Валентина Минская.

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие— наставляет нас св. апостол, – и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Главное наследие, которое приобрели мы от святых предков наших, – это Православие. Быть верным ему до конца своих дней – это их завет.

«Воскресение», № 7 (120), 2009 г.

52. «Первая безбожная республика»

Время т.н. «хрущевской оттепели» принесло волну новых открытых нападок на Церковь и религию в СССР. Если И. Сталин в послевоенные годы следовал принципу «борьба исподволь, без официальных заявлений», то Н. Хрущев делал программные заявления о скором построении «светлого будущего», в котором таким «реакционным» организациям как Церковь не могло быть места. Оживление идеологической работы, целый ряд публикаций с жалобами на укрепление позиций Церкви в обществе в официальной правительственной прессе, с одной стороны, рост обращений со стороны верующих о регистрации новых приходов, о возвращении незаконно отобранных храмов и святынь, с другой стороны, дали повод правительству ужесточить свою политику в отношении Церкви.

Наступление началось вполне традиционно с экономических санкций. В 1958 г. вышли постановления Совета Министров «о монастырях» и «о налоговом обложении» епархиальных и монастырских доходов. Монастырям

значительно уменьшали земельные наделы, было объявлено об их сокращении, налоги повышались, устанавливалась фиксированная цена на продажу воска церковным мастерским, а также запрещалось продавать готовые свечи выше стоимости сырья. Таким образом, был нанесен тяжелый удар по церковным доходам. Усилилась шумная идеологическая кампания. Верующие представлялись в карикатурном виде, ложь и ругань в адрес Церкви полилась в печати. Главным методом борьбы с Церковью стали теперь не аресты и физическая расправа, а административное давление и запугивание. Священника снимали с регистрации по любому удобному поводу, затем при участии милиции и рьяных активистов из комсомола храм закрывался. Были запрещены благотворительная деятельность, паломничества, церковные библиотеки. Церковные требы подлежали обязательной регистрации с указанием паспортных данных. Это давало возможность властям установить слежку за верующими, проводить чистки на собраниях, понижать в должности, увольнять, исключать из института и т.д. Не допускалось приходить на службы с детьми, родителей запугивали лишением родительских прав, оказывалось давление на священников вплоть до того, что последние должны были сами не допускать детей к храму, останавливать службу. Желаящим учиться в духовных семинариях препятствовали подавать документы, вызывали на беседы к местным партийным и комсомольским работникам, забирали на военные сборы и т.д. Налоги, которые платили священники по меньшей мере в 7 раз превышали налоги обыкновенного советского служащего. Однако власти старались разрушать Церковь также руками ее иерархов. В 1961 г. под давлением властей Архиерейский Собор издал новое положение о приходском управлении. Теперь хозяйственная и финансовая деятельность полностью переходила к т.н. «двадцаткам», священник-настоятель превращался в простого наемника. Среди членов «двадцатки» власти старались иметь своего человека, который бы подрывал приходскую жизнь изнутри. На епископов оказывалось давление, чтобы они переводили священников с места на место, сами объявляли о закрытии храмов и монастырей.

Все эти меры тяжело сказались на положении Русской Церкви. Из 56 монастырей в 1958 г. к 1963 г. действующими остались только 16, общее число приходов с 13,5 тыс. сократилось к 1965 г. до 7,5 тыс. Из 8 духовных семинарий остались только 3 (в Троице-Сергиевой Лавре, Ленинграде и Одессе).

В Белоруссии новая волна борьбы с Церковью была встречена местными властями с энтузиазмом. В 1960 г. были закрыты женские монастыри в Полоцке и Гродно. Их насельницы переехали в Жировицы. Для поступающих в местную духовную семинарию были созданы такие условия, что с 1961 г. она не набрала ни одного абитуриента и была вынуждена закрыться в 1963 г. Под окнами Дома правительства в Минске действовала

маленькая деревянная церквушка в честь Казанской иконы Божией Матери. Чиновники давно порывались закрыть и уничтожить мозоливший глаза храм. Это удалось сделать в 1961 г. с согласия митр. Минского Антония (Кротевича), который был на кафедре всего 4 месяца и не запомнился ничем хорошим. В городе остались действовать только два храма: СвятоДухов собор и кладбищенская церковь св. Александра Невского, которую сумел отстоять эрудированный настоятель прот. Виктор Бекаревич. Шумные разрушения церквей при помощи динамита продолжились и в это время. Таким позорным деянием стало уничтожение древнего архитектурного памятника – Благовещенской церкви (XII в.) в Витебске. Против этого акта протестовали даже ученые из института истории АН СССР. Голосу науки витебский горисполком не внял, наоборот все «подрывники» получили денежные премии. В Лёзно была взорвана Свято-Вознесенская церковь, затем ее остатки разрушали экскаваторами. Кости и погребальные памятники похороненных при церкви священников вывезли на свалку. На месте церкви построили увеселительный парк, а затем кинотеатр. От ревности гонителей особенно пострадала восточная Белоруссия, где в послевоенные годы церковная жизнь итак была едва-едва налажена. В 1958 – 1964 гг. в БССР было закрыто ок. 500 храмов. Из оставшихся 420 церквей приходились на западные районы Белоруссии. Об амбициозных стараниях местных властей в антирелигиозной борьбе свидетельствует обращение 1961 г. в союзные органы с предложением объявить БССР первой безбожной республикой.

В 1964 г. Н. Хрущев был снят со своего поста, активная фаза гонений прекратилась. Однако до самого времени перестройки Церковь не могла оправиться от понесенных потерь. Практика административного давления продолжалась, уполномоченные Совета по делам РПЦ продолжали жестко контролировать назначения и перемещения священнослужителей. Атеистическая пропаганда заняла прочное место в высших учебных заведениях. В Белоруссии «История атеизма» была введена в учебный курс еще в 1957 г. Мы знаем, что Церковь вытерпела давление советской системы, пришла пора строить и восстанавливать храмы. Однако восстановить утраченные духовные традиции гораздо труднее. Атеистические убеждения, наследие советских времен, оказались не так крепки, как худшие их последствия – равнодушие и скептицизм.

«Воскресение», № 8 (121), 2009 г.

Конец советского периода истории наступил с распадом СССР, провозглашением независимости бывших союзных республик, т.н. «парадом суверенитетов». Накануне в Русской Православной Церкви отмечался юбилей 1000-летия Крещения Руси. Процесс возрождения, который начался в Церкви с 1988 г., иногда называют «Вторым Крещением Руси». Действительно, по инициативе верующих государство стало передавать храмы один за другим, многие люди принимали крещение, начали действовать воскресные школы для детей. Стремительно растет количество епархий. В октябре 1989 г. в Москве прошел Архиерейский Собор, в ряду его определений есть учреждение Белорусского Экзархата. Возглавил его Митрополит Филарет, Патриарший Экзарх всея Беларуси.

«Экзархат» – это церковный округ, образованный по национальнорегиональному принципу, возглавляемый экзархом (греч. «начальствующий») и наделенный правами самоуправления. Белорусский Экзархат получил второе официальное название «Белорусская Православная Церковь». В 1989 г. на территории БССР было 477 приходов и только одна МинскоБелорусская епархия, возглавляемая митрополитом. С учреждением Экзархата были образованы 5 епархий: Минская, Полоцкая, Могилевская, Гомельская и Брестская. Их епископы составили Синод Экзархата. Со временем число епархий возросло до 11, и новые архиереи вошли в состав Синода. Собрание этого епископского собора происходит 4 раза в год, на нем принимаются решения об открытии новых кафедр, монастырей, духовных учебных заведений, рассматриваются другие пастырские, административные и дисциплинарные вопросы. Принятые решения должны получить подтверждение Священного Синода в Москве. Экзарх также назначается Московским патриархом, однако Синод Белорусской Церкви может предложить своего кандидата.

С 90х годов начинается стремительный численный рост приходов и храмов. Немного уцелело православных церквей после советского периода, большинство строится заново. В 1989 г. возобновилась деятельность Минской Духовной Семинарии в Жировицах. В 1993 г. там же открыта Духовная Академия. В Минске учреждены богословский институт, курсы катехизаторов, школа звонарей. В епархиях открыты духовные училища для подготовки регентов, псаломщиков, иконописцев. Во многих приходах организуются воскресные занятия с детьми и родителями. При храмах образуются братства и сестричества, которые ведут благотворительную и просветительскую деятельность. Можно сказать, что никогда в истории Православия на Беларуси за короткие сроки число храмов и количество обращений ко Христу и Его Церкви не росло столь стремительно.

К концу 90-х темпы роста несколько замедлились, ближайшая потребность в церквях была удовлетворена. Если в 1988 г. на территории Беларуси было 369 действующих храмов, то в 1998 г. их число достигло 950,

что демонстрирует почти двукратное увеличение. В 2009 г. количество приходов во всех епархиях составляет 1277 (в сравнении с 1998 г. увеличилось менее чем на одну треть). Конечно, материальное обеспечение каждого храма – это обязанность прихожан, что прописано в Уставе Русской Церкви. Большое количество приходов требует большего количества материальных усилий, и здесь возможности не безграничны. Новые храмы по-прежнему нужны, но от общего числа крещенных в Церкви людей едва сотая, если не тысячная часть ведет христианский образ жизни. Все более насущной становится миссионерская задача.

Теоретически каждый священнослужитель должен быть готов к выступлению перед самой широкой и не обязательно церковной аудиторией, но в действительности не всякий способен к этому. Специальный миссионерский отдел для работы с общественностью не может подменить собой деятельность каждого призванного к проповеди священника и подготовленного мирянина. Не хватает и элементарных пособий. Зачастую людям самим приходится разбираться в духовной публицистике и литературе, в которой встречаются спорные мнения. Часто книги не дают готовых ответов на вопросы людей, достаточно хорошо ориентированных в вопросах библиистики и церковной истории. В насущном деле миссии и катехизации полезно учесть опыт прошлого. В связи с этим полезным представляется изучение деятельности митр. Иосифа Семашко и его сотрудников, а равно и просветительской деятельности духовенства вт. пол. XIX в.

Хочется отметить важность церковных периодических изданий, которые имеются практически в каждой епархии. Наполнение их страниц своевременной и полезной в миссионерском отношении информацией оказало бы большую пользу проповеди, приблизило бы ее к местным условиям. Люди всех возрастов — и дети, и молодежь, и взрослые, и старики — нуждаются в пастырском слове. «Нивы» (вспомним евангельское сравнение) на Белой Руси давно побелели.

«Воскресение», № 12 (125), 2009 г.

Все статьи на сайте: http://kronsh.prihod.ru/pravoslavie_na_belarusi